T 20/28

Т 20/28

РЕЛИГІОЗНЫЙ

Сав. 8526.

БЫТЪ РУССКИХЪ

И СОСТОЯНІЕ

ДУХОВЕНСТВА ВЪ XVIII В.

ПО МЕМУАРАМЪ ИНОСТРАНЦЕВЪ.

БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

С. ТРЕГУБОВА.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., соб. д.
1884.

Сев.
8526.

Оттискъ изъ журнала „Труды Кіевской духовной Академіи“ за 1884 г.

ПУБЛ. БИБЛ.
имени
В. И.
ЛЕНИНА
С. С. С. Р.

2007043159

Заменено
7/IX-35 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Стран.

Вступленіе. Обзоръ источниковъ . . . . . 1— 6

I. Религіозный бытъ русскихъ въ XVIII в. по мемуарамъ иностранцевъ.

Замѣтки иностранцевъ о вѣроученіи православной Церкви и отличіи его отъ ученія католической церкви . . . . . 7— 14

Церковно-богослужебный бытъ русскихъ. Свѣдѣнія иностранцевъ вообще о богослуженіи нашей церкви и его принадлежностяхъ; о церковномъ чтеніи и пѣніи; о возженіи свѣчей при богослуженіи; объ отношеніи русскихъ къ богослуженію, посѣщеніи ими храма и поведеніи въ немъ . . . . . 14— 20

Описаніе нѣкоторыхъ частныхъ видовъ богослуженія и обрядовъ нашей Церкви: крестныхъ ходовъ, похоронъ и таинства крещенія. 20— 34

Любовь русскихъ къ построенію и украшенію храмовъ; болѣе замѣчательные храмы и богатство ихъ; обиліе колоколовъ на колокольняхъ и любовь русскихъ къ колокольному звону . . . . . 34— 45

Широкое распространеніе въ народѣ иконъ и вообще священныхъ изображеній и глубокое уваженіе къ нимъ; почитаніе святыхъ; отсутствіе рѣзныхъ и изваянныхъ изображеній; живопись иконъ. . . 45— 57

Религіозность русскихъ въ ихъ частной, практической жизни. Контрастъ въ этомъ отношеніи между простымъ народомъ и высшимъ образованнымъ классомъ общества. Посты; ослабленіе уваженія къ нимъ въ высшемъ обществѣ съ начала 18 в. и строгость соблюденія ихъ простымъ народомъ; препровожденіе народомъ праздничныхъ дней. 57— 69

Любовь русскихъ къ подаянію милостыни нищимъ; уваженіе къ юродивымъ; путешествія на богомолье въ монастыри . . . . . 69— 76

Черты набожности русскихъ въ ихъ повседневной жизни: частое употребленіе крестнаго знаменія, ношеніе крестиковъ на шеѣ. Отвращеніе русскихъ къ употребленію табаку. Ношеніе бороды. Введеніе новаго способа лѣтосчисленія . . . . . 76— 83

Отношеніе правительственной власти свѣтской и духовной въ 18 в. къ иностранцамъ-иновѣрцамъ; отношеніе къ нимъ простаго народа и образованнаго общества. . . . . 83— 92

Попытка къ соединенію русской православной церкви съ католическою при Петрѣ I и мнѣніе протестантовъ по вопросу о соединеніи церквей. . . . . 92— 95

Общій взглядъ иностранцевъ на религіозную жизнь русскихъ. Состояніе религіознаго просвѣщенія въ Россіи въ 18 в. Распространеніе въ образованномъ обществѣ антиправославныхъ и антихристіанскихъ воззрѣній подъ вліяніемъ протестантизма и французской философіи 18 в. . . . . 95—112

Религіозный характеръ царствовавшихъ въ Россіи лицъ въ 18 в.: Петра I, Анны Іоанновны, Елизаветы Петровны, Петра III, Екатерины II и Павла I. . . . . 112—133

II. Состояніе духовенства въ 18 в. по мемуарамъ иностранцевъ.

Общія замѣчанія о состояніи духовенства въ до-петровской Руси. 133—135

Церковное управленіе. Отмѣна патріаршества и причины ея. Учрежденіе св. Синода и первоначальный личный составъ его. Недовольство духовенства этими реформами въ церковномъ управленіи и попытки къ возстановленію патріаршества при преемникахъ Петра I. 135—155

Епархіальное управленіе. . . . . 155—157

Состояніе бѣлаго и чернаго духовенства. Численность духовенства; мѣры правительства къ сокращенію числа священно-и-церковнослужителей въ бѣломъ и черномъ духовенствѣ. Женскіе монастыри; обрядъ постриженія въ монашество. Обязательность брачной жизни для священниковъ; семейные нравы въ духовенствѣ. . . . . 157—164

Общественное положеніе высшаго и низшаго духовенства при Петрѣ I и его преемникахъ. . . . . 164—172

Нравственное состояніе духовенства . . . . . 172—174

Матеріальное положеніе бѣлаго и чернаго духовенства. Положеніе вопроса о церковныхъ имуществахъ при Петрѣ I и его преемникахъ и отобраніе этихъ имуществъ при Екатеринѣ II. . . . . 174—183

Состояніе просвѣщенія въ духовенствѣ въ 18 в. Мѣры правительства къ распространенію образованія въ духовенствѣ. Учрежденіе школъ для духовенства. Дѣятельность Стефана Яворскаго и Ѳеофана Прокоповича, направленная къ распространенію образованія въ духовенствѣ. Состояніе духовнаго просвѣщенія послѣ Петра Великаго. 183—194

Болѣе выдающіеся представители духовенства въ 18 в. . . . 194—207

Восемнадцатый вѣкъ, такъ богатый важными и рѣшительными событіями, опредѣлившими безповоротно дальнѣйшій ходъ исторической жизни русскаго народа, богатъ и иностранными сочиненіями объ этихъ событіяхъ, и въ этомъ отношеніи далеко оставляетъ за собою всѣ предшествующіе вѣка. Особенно много иностранныхъ сочиненій выпадаетъ на долю эпохи Петра Великаго, что вполнѣ естественно, если принять во вниманіе громадный наплывъ иностранцевъ въ Россію въ самомъ концѣ 17 в. и началѣ 18-го, являвшихся сюда то по вызову русскаго правительства, то по своей волѣ въ качествѣ искателей дѣла и хлѣба,—и начавшіяся съ этого времени особенно частыя, оживленныя и широкія сношенія Россіи съ западною Европою, какъ дипломатическія, оффиціальныя, такъ и частныя. Иностранныя сочиненія о Россіи 18 в. не только по числу своему, но и по внутреннему достоинству, по обилію, разнообразію и большей достовѣрности сообщаемыхъ въ нихъ свѣдѣній о государственномъ и гражданскомъ бытѣ русскаго народа, стоятъ далеко выше такихъ же сочиненій предшествующихъ вѣковъ. Но если мы сравнимъ тѣ и другія сочиненія въ отношеніи къ количеству, оригинальности и новости свѣдѣній о нашемъ религіозномъ бытѣ и нашихъ церковныхъ дѣлахъ, то едвали признаемъ преимущество за сочиненіями 18 в. (Спѣшимъ оговориться, что это сравненіе во 1-хъ

ограничивается только мемуарами и не распространяется на спеціальныя изслѣдованія о русской Церкви, появлявшіяся въ 18 в., и во 2-хъ справедливо лишь въ предѣлахъ прочитанныхъ нами мемуаровъ). Иностранные писатели 18 в. въ своихъ замѣткахъ о религіи и религіозныхъ обычаяхъ русскаго народа большею частью ограничиваются повтореніемъ того, что уже раньше высказано писателями 16 и 17 в.в., вслѣдствіе чего многія замѣтки ихъ, вполнѣ вѣрныя исторической дѣйствительности 16 и 17 в.в., являются анахронизмомъ въ 18 в. Съ другой стороны, религіозный бытъ русскаго народа въ 18 в. представляетъ много особенностей, существенно отличающихъ его отъ быта 16 и 17 в.в., между тѣмъ эти особенности мало выступаютъ въ мемуарахъ иностранцевъ и если отмѣчаются, то по большей части бѣглыми и краткими замѣчаніями, которыя становятся отрывочнѣе и короче по мѣрѣ удаленія отъ начала 18 в.—Что касается состоянія нашего духовенства въ 18 в., то свѣдѣнія, заключающіяся въ мемуарахъ иностранцевъ, по этому предмету еще болѣе скудны и далеко не обнимаютъ всѣхъ перемѣнъ, какія произведены въ строѣ церкви и судьбахъ духовенства церковно-административными реформами Петра Великаго и его преемниковъ. Вообще иностранцы, посѣщавшіе Россію въ 18 в., мало отводятъ мѣста въ своихъ запискахъ замѣткамъ о нашемъ религіозномъ бытѣ и нашихъ церковныхъ дѣлахъ, останавливая по преимуществу свое вниманіе на другихъ сторонахъ нашего быта.

Не отличаясь полнотою и обстоятельностію, свѣдѣнія иностранцевъ 18 в. о нашемъ религіозномъ бытѣ и церковныхъ дѣлахъ не отличаются и глубиною и основательностію. Иностранцы, оставившіе намъ свои мемуары, во время своего пребыванія въ Россіи вращались большею частію въ высшихъ слояхъ общества, гдѣ со временъ Петра Вел. церковь, религія, утратили значительную долю своего вліянія на жизнь общества и ея проявленія; а незнаніе языка народа и нерѣдко самое положеніе писателей пре-

пятствовали имъ спуститься внизъ, въ глубь народной жизни, гдѣ сильнѣе билъ родникъ вѣры и религіозности. Вслѣдствіе этого замѣтки иностранцевъ о нашей религіозной жизни сколько отрывочны, столько же и поверхностны. Исключеніе остается лишь за немногими писателями, каковы Веберъ, Фоккеродтъ и нѣкоторые др.

Иностранныхъ сочиненій о Россіи 18 в., какъ мы сказали, очень много. Въ обозрѣніи ихъ мы ограничивались только тѣми мемуарами, которые изданы на русскомъ языкѣ. Главнѣйшіе изъ нихъ слѣдующіе.

1) „Дневникъ поѣздки въ Московское Государство Игнатія Христофора Гваріента, посла императора Леопольда I къ царю и в. князю Московскому Петру I, веденный секретаремъ посольства Іоанномъ Георгомъ Корбомъ“ (1698—1699). Сочиненіе это стоитъ на переходѣ отъ 17 вѣка къ 18 и знакомитъ съ внутреннимъ бытомъ нашего отечества въ самомъ концѣ 17 вѣка и первыми преобразованіями въ этомъ бытѣ, совершенными Петромъ, по возвращеніи изъ-за границы, и положившими начало новой эпохѣ въ исторіи Россіи. Напечатано оно въ Чтеніяхъ въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ 1866 и 1867 г.

2) „Состояніе Россіи при нынѣшнемъ Царѣ“. Соч. капитана Джона Перри (1698—1715). Переводъ съ англійскаго Княжны О. М. Дондуковой-Корсаковой. М. 1871 г.

3) „Путешествіе черезъ Московію“ Корнилія де Бруина (1701—1703 и 1707—1708). Переводъ съ французскаго П. П. Барсова въ Чтен. въ Имп. Общ. Ист. и Древ. Росс. 1872 и 1873 г.

4) „Журналъ Государя Петра I, сочиненный барономъ Гизеномъ“. Напечатано въ „Собраніи разныхъ записокъ и сочиненій“..... Туманскаго III и VIII т.

5) „Россія при Петрѣ Великомъ, по рукописному извѣстію Іоанна Готгильфа Фоккеродта“. Перев. съ нѣмецкаго А. Н. Шемякинъ въ Чтен. въ Имп. Общ. Истор. и Древн. Росс. 1874 г. кн. 2.

6) Тамъ же напечатано „О нынѣшнемъ состояніи государственнаго управленія въ Московіи". Донесеніе Оттона Плейера въ 1710 г.

7) „Замѣтки о религіи и нравахъ русскаго народа" Генриха Седерберга (1709—1718). Переводъ съ шведскаго А. А. Чумикова въ Чтен. въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1873 г.

8) Записки Вебера Брауншвейгъ-Люнебургскаго резидента въ Россіи (1714—1720), извѣстныя подъ заглавіемъ „Das Veränderte Russland". Въ Русскомъ Архивѣ Бартенева 1872 г. напечатана первая часть этого сочиненія.

9) „Записки графа Бассевича, служащія къ поясненію нѣкоторыхъ событій изъ времени царствованія Петра Великаго" (1713—1725) Русск. Арх. 1865 г.

10) „Петербургъ въ 1720 г.". Записки поляка очевидца Русск. Старина 1879 г.

11) Дневникъ Камеръ-Юнкера Берхгольца, веденный имъ въ Россіи, въ царствованіе Петра Вел., съ 1721—1725 г. Перев. съ нѣмецкаго И. Аммона. М. 1858 г.

12) „Настоящее состояніе просвѣщенія въ Россіи" (1725). Письмо къ Самуилу Келезеру Михаила Шенда Фандербека. Сынъ Отечества 1842 г.

13) Письма въ Испанію Дука де-Лирія, бывшаго первымъ испанскимъ посланникомъ въ Россіи, при импер. Петрѣ II и въ началѣ царствованія Анны Іоанновны. Переводъ съ испанскаго Священника К. Л. Кустодіева, въ историческомъ сборникѣ Бартенева „Осмнадцатый вѣкъ" кн. 2 и 3.

14) Письма о Россіи леди Рондо, супруги англійскаго министра при русскомъ дворѣ въ царствованіе импер. Анны Іоанновны (1727—1740). Переводъ съ англійскаго М. Касторскаго. СПБ. 1836 г.; и въ Русск. Стар. 1873 г.

15) Записки Манштейна о Россіи (1727—1744). Переводъ съ французскаго, въ приложеніи къ Русск. Стар. 1875 г.

16) Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи (1740—1742). Перевод съ рукописныхъ депешъ французскаго посольства въ Петербургѣ П. Пекарскаго. СПБ. 1862 г. Продолженіемъ

помѣщенныхъ здѣсь депешъ Шетарди служатъ депеши, напечатанныя въ I т. Архива Кн. Воронцева подъ заглавіемъ „Дѣло о Маркизѣ Шетарди и объ его высылкѣ изъ „Россіи".

17) Извѣстія, писанныя княгинею Іоанною-Елизаветою, Ангальтъ-Цербстскою, матерію Екатерины II, о прибытіи ея съ дочерью въ Россію и о торжествахъ по случаю присоединенія къ православію и бракосочетанія послѣдней (1744 г.) Сборн. Русск. Истор. Общ. т. 7.

18) Записки Мессельера о пребываніи его въ Россіи (1757—1759). Русск. Архивъ 1874 г.

19) Записки пастора Тегe (1758—1762). Русск. Арх. 1864 г.

20) Записки графа Гордта о пребываніи его въ русскомъ плѣну (1759—1762) Русск. Архивъ 1877 г.

21) Записки придворнаго бриллiантщика Позье (1729—1764). Русск. Стар. 1870 г.

22) Записки венеціанца Казанова (1765—1766) Русск. Старина 1874 г.

23) Антидотъ (противоядіе). Полемическое сочиненіе импер. Екатерины II, или разборъ книги аббата Шаппа д'Отероша о Россіи. „Осмнадцатый вѣкъ" Бартенева т. 4-й.

24) Записка барона Димсделя о его пребываніи въ Россіи (1768 г.). Сборн. р. и. об. т. 2-й.

25) Записки берлинскаго профессора академика Тьебо (1765—1785) Русск. Стар. 1877 и 1878 г.

26) Замѣтки о Москвѣ въ 1774 г. Белькура. Древняя и Новая Россія 1875 г.

27) Путешествіе Уильяма Кокса въ Россію (1778 г.). Русск. Стар. 1877 г. („Россія сто лѣтъ назадъ").

28) Философическая и политическая переписка импер. Екатерины II съ г. Вольтеромъ. Переводъ съ французскаго. С.П.Б. 1802 г.

29) Письма Пикара къ кн. Куракину (1781). Русск. Стар. 1870 г.

30) Записки графа Сегюра о пребываніи его въ Россіи въ царствованіе Екатерины II (1785—1789). Переводъ съ французскаго. С.П.Б. 1865 г.

31) Разсказы о польской старинѣ. Записки Яна Дуклана Охотскаго, изданные І. Крашевскимъ въ 2 томахъ. (Во 2 мъ т. напечатаны еще отрывки „Изъ записокъ аббата Охотскаго", сосланнаго въ Сибирь въ 1795 г. за участіе въ польскомъ мятежѣ,—и „Изъ записокъ Северина Букара", одного изъ польскихъ делегатовъ, представлявшихся Екатеринѣ II въ 1793 г.). С.П.Б. 1874 г.

32) „Анекдоты прошлаго столѣтія". Подъ этимъ заглавіемъ напечатаны въ Русск. Архивѣ 1877 г. извлеченія изъ книги: „Anecdotes et recueil de coutumes et de traits d'histoire naturelle particuliers aux différens peuples de la Russie, par un voyageur, qui a séjourné treize ans dans cet empire"— появившейся въ Лондонѣ въ 1792 г.

33) Записки Виже Лебренъ (1795—1801). Древн. и Нов. Россія 1876 г.

34) „Достопамятный годъ моей жизни". Августа Коцебу. Въ 2-хъ ч. приложеніе къ историч. сборн. Др. и Нов. Рос. на 1879 г.

35) Юношескія воспоминанія принца Евгенія Виртембергскаго Русск. Арх. 1878 г.

Матеріаломъ для насъ служили еще депеши иностранныхъ дипломатическихъ агентовъ: прусскихъ, саксонскихъ, англійскихъ, австрійскихъ, французскихъ и др., напечанныя въ Сборн. русск истор. общ., въ Древн. и Нов. Рос., въ Русск. Арх., въ Журн. Министр. Народн. Просв., въ Историч. Сборн., издав. Кашпиревымъ и др.

На основаніи означенныхъ сочиненій иностранныхъ писателей мы изобразимъ во-первыхъ религіозный бытъ русскаго народа, во-вторыхъ состояніе духовенства.

I.

Религіозный бытъ русскихъ въ XVIII в., по мемуарамъ иностранцевъ.

Трудную годину переживала Россія въ началѣ 18 в. Это было время тяжкой и болѣзненной ломки стараго и созиданія новаго, время общаго переустройства государства и всего, сложившагося вѣками, строя народной жизни. Старыя, закрѣпленныя вѣковою привычкою, формы жизни разрушались и падали подъ неудержимымъ напоромъ западной цивилизаціи и подъ давленіемъ мощной руки преобразователя. Безъ преувеличенія можно сказать, что нигдѣ и никогда преобразовательное движеніе не достигало такой широты и напряженности, какъ въ Россіи въ это время. Ни одна сторона народной жизни не осталась нетронутою: государственное и гражданское устройство, общественная и частная, семейная жизнь, войско, финансы—словомъ, все въ большей или меньшей степени подверглось измѣненію; реформа не прошла мимо и церковнаго строя и состоянія духовенства, отразилась и на религіозномъ бытѣ и на самомъ понятіи о религіозности. Но при всѣхъ этихъ коренныхъ перемѣнахъ оставалась неизмѣнною и неприкосновенною одна область—область православнаго вѣроученія, составляющаго глубочайшую основу не только религіозной, но и національной жизни русскаго народа, такъ сказать, жизненный нервъ его; пресѣчь этотъ нервъ, или только повредить его—значило бы убить въ корнѣ національный духъ, обезличить русскій народъ. Преобразователь хорошо зналъ это и реформа не коснулась этой области. „Въ основѣ вѣроисповѣданія“,—говоритъ Фоккеродтъ—„а именно въ церковныхъ догматахъ Петръ I не сдѣлалъ ни малѣйшаго измѣненія во все свое царствованіе, напротивъ еще всегда заявлялъ особенное усердіе къ сохраненію чистоты вѣроисповѣднаго ученія...

Правда, что въ его царствованіе стали употреблять въ ученіи о причастіи слово „пресуществленіе“ вмѣсто слова „претвореніе“, которымъ прежде пользовалась въ этомъ случаѣ русская Церковь. Въ напечатанномъ по его приказанію катихизисѣ тоже нѣсколько смягчено ученіе о почитаніи иконъ, получившемъ видъ простаго холоднаго привѣтствія имъ. Но первое незамѣтно для самихъ себя ввели русскіе попы, которые если и знаютъ что нибудь, то научились въ папистскихъ училищахъ въ Польшѣ, а потому и много усвоили католическихъ понятій [1]). Имъ и спустили это, такъ какъ греческая Церковь въ основаніи совершенно согласна съ католическою на счетъ этой статьи. Смягченіе ученія объ иконахъ просто одна затѣя новгородскаго архіепископа, посредствомъ которой онъ охотно устранилъ бы совсѣмъ эту соблазнительную статью, не оскорбляя, впрочемъ, значенія втораго Никейскаго собора, который постановилъ ее. Но прочее духовенство никогда не хотѣло одобрить этого и по кончинѣ Петра I безбоязненно отвергнуло и признало незаконнымъ. Такимъ образомъ нынѣ ученіе русской церкви вполнѣ согласно во всѣхъ членахъ вѣры съ тѣмъ, которое было въ общемъ ходу въ Россіи до Петра I, а также и съ догматами греческой Церкви и еще до сей минуты вся русская Церковь признаетъ книгою символа вѣры Исповѣданіе вѣры восточной Церкви, сочиненное въ прошломъ столѣтіи нѣкоторыми греческими духовными въ Могилевѣ, по согласію съ нѣсколькими русскими духовными, и потомъ напечатанное на греческомъ и латинскомъ языкахъ“ [2]). Такимъ образомъ въ самый раз-

---

[1]) Слово „пресуществленіе“ начало входить въ употребленіе на западѣ съ половины XI в., а на востокѣ съ XV, откуда оно перешло и къ намъ, но раньше царствованія Петра Вел. Слѣд. показаніе Фоккеродта не совсѣмъ справедливо. (Догматическое Богословіе Макарія т. 2 стр. 304 пр. 512.

[2]) „Россія при Петрѣ Великомъ“, Фоккеродта. Чтенія въ имп. общ. ист-и др. рос. 1874 г. кн. 2. IV стр. 4—5. Въ послѣднихъ словахъ автора пуга-

гаръ преобразованій, когда такъ естественно было увлечься духомъ реформы и впасть въ крайность, цѣлость православія осталась неприкосновенною, какъ она оставалась неприкосновенною и въ тяжкое время бироновщины, когда народъ страдалъ подъ игомъ иноземцевъ-иновѣрцевъ и православные архіереи и священники лишались сана и томились въ тюрьмахъ;—и при Петрѣ III, не смотря на его протестантскій образъ мыслей;—и въ философскій вѣкъ Екатерины II, когда Вольтеръ находилъ поклонниковъ даже между нашимъ духовенствомъ [1]),—какъ, наконецъ, остается она неприкосновенною и до настоящаго времени и будетъ оставаться такою, пока русскій народъ будетъ русскимъ.

Мы не будемъ входить въ подробное изложеніе замѣтокъ иностранцевъ о нашемъ вѣроученіи, такъ какъ онѣ не имѣютъ почти никакого значенія ни въ историческомъ, ни въ догматическомъ отношеніи, по своей краткости, отрывочности и отсутствію всякой системы въ изложеніи ихъ. Большею частію онѣ касаются общаго всѣмъ вѣроисповѣданіямъ содержанія христіанской религіи; если же иногда и указываются особенности православія, то въ этихъ указаніяхъ не содержится ничего новаго. Чтобы познакомиться съ характеромъ этихъ замѣтокъ, приведемъ двѣ-три выдержки, заимствуя ихъ изъ такихъ писателей, которые въ своихъ запискахъ отводятъ сравнительно больше мѣста изложенію нашего вѣроученія и отъ которыхъ можно, слѣдовательно, ожидать и большей полноты и большей систематичности въ изложеніи. Такъ пасторъ Седербергъ въ главѣ „О св. Троицѣ“ пишетъ:

ница; очевидно, онъ хотѣлъ сказать о „Православномъ Исповѣданіи“ Петра Могилы, разсмотрѣнномъ предварительно на соборѣ въ Яссахъ 1643 г., а въ 1645 г. вновь разсмотрѣнномъ и одобренномъ уже всѣми четырьмя патріархами восточными и другими іерархами, какъ истинное и правое ученіе вселенской Церкви.

[1]) Исторія россійской Академіи. Сухомлинова ст. 251.

„Русскіе твердо вѣрятъ въ то, что Богъ, ради І. Христа, хочетъ сдѣлать наши души блаженными; но что Богъ со временъ Адама до Рождества Христова такъ предавался пылу своего гнѣва, что и праведные, вслѣдствіе наказанія Адама, были удержаны подъ властію злаго духа до воскресенія Христа. Они также думаютъ, что Христосъ вмѣстѣ и Богъ и человѣкъ, посредникъ и единственная вина нашего блаженства, не будучи разлученъ съ Отцомъ, который Его прислалъ, и существуетъ во плоти и что Онъ добровольно страдалъ и умеръ, а потомъ собственною силою воскресъ и вознесся на небо, но послѣ Своего вознесенія послалъ Своихъ святыхъ апостоловъ и учениковъ проповѣдывать евангеліе, между которыми Онъ также, какъ и между вѣрующими, пребудетъ до скончанія свѣта, когда придетъ судить живыхъ и мертвыхъ. Такимъ образомъ русскіе находятся въ ожиданіи страшнаго суда и вѣрятъ въ него. Точно также они вѣруютъ, что св. Духъ равенъ Отцу и Сыну честію, величіемъ, могуществомъ, дѣйствіемъ и волею; но держатся съ большимъ упорствомъ того, что Онъ исходитъ только отъ Отца, а не также и отъ Сына. Они учатъ сверхъ того, что мы едины со Христомъ и что всѣ вѣрующіе составляютъ одно тѣло, не по существу, но посредствомъ вѣры, исполняя заповѣди Христовы; что мы и достигли искупленія и блаженства заслугами Христа; но не всегда исключаютъ также и добрыя дѣла, согласно тому, какъ у Ioh. Basilid. cap. 6 Reipubl. объясняется посланіе Іакова о добрыхъ дѣлахъ и Павла о вѣрѣ. Они говорятъ: чтобы достигнуть блаженства, должно имѣть вѣру и дѣлать добрыя дѣла; ибо Павелъ не исключаетъ добрыхъ дѣлъ, говоря о вѣрѣ Авеля, Еноха, Ноя, Авраама и др., которая дѣйствительно служитъ основаніемъ блаженства, такъ какъ живая вѣра свидѣтельствуется добрыми дѣлами; и такимъ образомъ считаютъ невозможнымъ достигнуть царства небеснаго безъ совершенія добрыхъ дѣлъ, которыхъ они однако же, въ дѣйствительности, мало совершаютъ. Признаютъ

также, что вѣрующіе могутъ лишиться милости Божіей, но не должны отчаяваться; ибо гнѣвъ Божій не продолжителенъ: Богъ прощаетъ и скоро забываетъ величайшіе грѣхи. Вѣрятъ также, что человѣкъ, Божіимъ словомъ возрожденный, при содѣйствіи Духа Св., можетъ сохранить благодать, которой онъ сподобился, и достигнуть вѣчной жизни. Русскіе кажутся очень благочестивыми, хотя едва одинъ изъ десятерыхъ знаетъ „Отче нашъ“, такъ какъ они увѣряютъ, что эта молитва существуетъ только для господъ и священства, которые не знаютъ другаго дѣла и другихъ работъ. Но они взываютъ къ Богу словами „Господи помилуй!“, обращенными къ образу, который чествуется зажженными свѣчами. Точно также молятся они за умершихъ, дабы покой ихъ былъ безмятежнѣе и чтобы тѣ съ меньшимъ мученіемъ ожидали страшнаго суда; однако они отвергаютъ чистилище“ [1]). Перри такъ излагаетъ особенности православнаго вѣроученія сравнительно съ ученіемъ католическимъ. „Между русской религіей и религіей папистовъ не существуетъ большой разницы въ отношеніи ихъ поклоненія святымъ и соблюденія праздниковъ, убѣжденія въ томъ, что священникъ имѣетъ власть отпускать грѣхи, а также и въ склонности ихъ поносить и проклинать всѣхъ тѣхъ, которые не принадлежатъ къ ихъ вѣрѣ. Въ этомъ отношеніи русскіе не лучше относятся и къ папистамъ, потому что считаютъ папу римскаго хищникомъ и богохульникомъ, взявшимъ на себя титулъ главы Церкви, который какъ они говорятъ, принадлежитъ только одному Христу. Они обвиняютъ папистовъ за то, что они не женятся, между тѣмъ какъ ап. Павелъ въ посланіи къ Тимоеею положительно опредѣлилъ, что священникъ долженъ быть мужемъ одной жены и не болѣе... Они разнятся съ папистами въ таинствѣ Причащенія, которое русскіе преподаютъ въ обоихъ видахъ. Они признаютъ еще два другихъ таинства, т. е. крещеніе

[1]) Седербергъ. Чтен. въ об. ист. и др. рос. 1873. 2. VI. стр. 27—28.

и елеосвященіе. Они не раздѣляютъ понятія папистовъ о чистилищѣ, хотя молятся объ умершихъ: они вѣрятъ, что если человѣкъ предъ смертію получилъ благословеніе священника и небольшую записку, какъ удостовѣреніе, написанное священникомъ Св. Николаю, въ томъ, что умеръ въ истинной христіанской вѣрѣ, и если съ этой записочкой, сложенной между пальцами его, положатъ его въ могилу, то ему открытъ доступъ въ небо. Они также, какъ паписты, придаютъ преданіямъ Церкви, по крайней мѣрѣ, такое же значеніе, какъ Свящ. Писанію, и наравнѣ съ папистами вѣрятъ, что измѣнить своему слову въ отношеніи еретиковъ и язычниковъ не есть грѣхъ. Въ отношеніи Св. Троицы они расходятся одинаково и съ папистами и съ реформатскими церквами, вѣруя, что Св. Духъ исходитъ только отъ Отца, а не отъ Отца и Сына, и столь почитаютъ Св. Духа, нисшедшаго въ видѣ голубя, что между ними очень не многіе ѣдятъ голубиное мясо“ [1]). Больше выдержекъ мы не приводимъ, такъ какъ и приведенныхъ достаточно, чтобы судить о достоинствѣ замѣтокъ иностранцевъ о нашемъ вѣроученіи. Въ одномъ лишь отношеніи представляютъ интересъ эти замѣтки, именно какъ выраженіе въ данное время взгляда иностранцевъ на православіе и какъ памятникъ ихъ знакомства съ нимъ. Говоря вообще, иностранцы въ разсматриваемое нами время еще очень мало были знакомы съ православіемъ и вслѣдствіе этого очень склонны были возводить въ догматы, считать существенными такія вѣрованія, которыя никогда не составляли и не могли составлять существенныхъ вѣрованій русскаго народа и являлись такими развѣ только въ устахъ невѣждъ. Лучше всего можно видѣть это малое знакомство иностранцевъ съ православіемъ и эту склонность ихъ къ преувеличенію, къ неправильнымъ обобщеніямъ, изъ слѣдующаго, напр. перечисленія пунктовъ русской вѣры, въ которыхъ, по

[1]) Перри. 148—149.

мнѣнію пастора Седерберга, русскіе не сходятся будто бы съ греками": 1) отвергаютъ проповѣдь слова Божія и говорятъ, что надо бѣжать отъ нея; 2) вновь крестятъ иновѣрцевъ и признаютъ христіанами только послѣдователей своей вѣры; 3) допускаютъ разводъ брачный по малоуважительнымъ причинамъ; 4) неохотно допускаютъ 2-й или 3-й бракъ, еще менѣе четвертый; 5) считаютъ Царя почти за Бога; 6) слишкомъ высоко ставятъ монастырскіе порядки; 7) не допускаютъ въ своихъ церквахъ музыки; 8) придаютъ колокольному звону при богослуженіи большое значеніе; 9) слишкомъ много значенія придаютъ свободной волѣ; 10) не признаютъ 10 заповѣдей; 11) призываютъ (въ молитвахъ) усопшихъ Святыхъ; 12) не довольно свято соблюдаютъ праздничные дни; 13) не наказываютъ за блудъ; 14) отвергаютъ, что Духъ св. исходитъ отъ Отца и Сына; 15) такъ мало знакомы съ христіанскимъ ученіемъ, что не многіе знаютъ „Отче нашъ" и „Символъ вѣры"; 16) молятся за усопшихъ; 17) совершаютъ св. причастіе на кисломъ хлѣбѣ съ теплымъ виномъ, смѣшаннымъ съ водою; 18) не причащаютъ отдѣльно тѣломъ Христовымъ и кровью, но то и другое вмѣстѣ достаютъ ложицею изъ чаши; 19) пріобщаютъ также малыхъ дѣтей; 20) придаютъ добрымъ дѣламъ слишкомъ большое значеніе; 21) вѣрятъ, что вѣрующіе благочестивые люди, жившіе до рождества Христова, сошли въ адъ; 22) не вѣрятъ, чтобы души праведныхъ могли зрѣть Бога до воскресенія изъ мертвыхъ; 23) умершимъ даютъ видъ къ св. Петру, называемому иначе „St. Pär" [1]). Всѣ эти пункты цѣликомъ заимствованы у Оппенбуша и Вармунда [2]); значитъ и въ первой половинѣ 18 в. знакомство иностранцевъ съ православіемъ не шло далѣе знаком-

---

[1]) Чт. въ общ. ист. и др. р. 1873 г. 2. IV. 37—38.

2) Религіозный бытъ русскихъ по сказаніямъ иностранныхъ писателей 16 и 17 в. А. Гущинскаго. стр. 301. Правосл. Обозр. 1868 г. № 9 отдѣлъ библіографіи. Стр. 21—23.

ства ихъ съ нимъ въ 17 в.—Не останавливаясь болѣе на вѣроученіи и замѣткахъ о немъ иностранцевъ, переходимъ къ другой сторонѣ религіознаго быта русскихъ въ 18 в.— къ богослуженію и его принадлежностямъ.

Свѣдѣнія иностранцевъ о нашемъ богослуженіи, его составѣ и порядкѣ различныхъ церковныхъ службъ очень скудны; да и тѣ, какія встрѣчаются у нихъ, не представляютъ ничего болѣе, кромѣ неточностей, сбивчивости и путаницы, что, впрочемъ, вполнѣ естественно: хотя иностранцамъ и открытъ былъ съ начала 18 в. свободный доступъ въ наши храмы и не запрещалось присутствовать при богослуженіи, но незнаніе языка и незнакомство съ нашимъ богослуженіемъ дѣлали для нихъ невозможнымъ правильное пониманіе и описаніе нашего богослуженія. Поэтому свѣдѣнія иностранцевъ представляютъ очень мало данныхъ для описанія нашей церковно-богослужебной практики въ 18 в. Довольно подробно и близко къ истинѣ описываются иностранцами только нѣкоторые частные виды нашего богослуженія, нѣкоторые обряды и священнодѣйствія. Этими описаніями мы и воспользуемся, обращая главное вниманіе въ нихъ не на изложеніе самаго порядка того, или другаго священнодѣйствія,—такое изложеніе въ виду его неточностей съ одной стороны, а съ другой—въ виду большей или меньшей устойчивости и неизмѣняемости разъ на всегда опредѣленнаго уставомъ порядка различныхъ церковныхъ службъ, не можетъ имѣть особеннаго значенія,—а на тѣ религіозные обычаи, которые соединялись съ этими священнодѣйствіями и которые, будучи сами по себѣ безразличны для вѣры и благочестія, служатъ однако же выраженіемъ характера религіозности русскаго народа. Но предварительно сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній о нашемъ богослуженіи, его принадлежностяхъ и отношеніи къ нему русскихъ 18 в., на основаніи тѣхъ немногихъ данныхъ, какія представляютъ иностранцы въ этомъ отношеніи.

Въ составъ нашего богослуженія, какъ извѣстно, входятъ чтеніе и пѣніе. Иностранцы 16 и 17 в.в. оставили цѣлый рядъ свидѣтельствъ относительно безпорядочности и небрежности чтенія въ нашихъ церквахъ. Священники и причетники читали въ церквахъ такъ быстро и такъ невнятно, что не только присутствующіе ничего не понимали, но и тѣ, кто читалъ [1]). Тѣже отзывы о чтеніи въ нашихъ церквахъ встрѣчаемъ и въ 18 в. Такъ Седербергъ говоритъ: „Новый Завѣтъ читаютъ ихъ главные священники народу въ церкви, но такъ поверхностно, что даже они сами не понимаютъ его, тѣмъ менѣе слушающіе принимаютъ участіе въ немъ“ [2]). Берхгольцъ, присутствовавшій неоднократно при нашемъ богослуженіи, не разъ замѣчаетъ, что „священникъ поминутно ошибался и говорилъ такъ неясно, что изъ словъ его нельзя было ничего разобрать, кромѣ „Господи помилуй“, которое при здѣшнемъ богослуженіи повторяется почти безпрестанно“ [3]). Перри прямо утверждаетъ, что у насъ отъ ищущаго священной степени (въ началѣ 18 в.) между прочимъ требовалось, чтобы онъ имѣлъ „хорошій, чистый голосъ и способность повторять „Господи помилуй“ со всевозможною быстротою 10 или 15 разъ сряду, не переводя духъ, какъ это дѣлается обыкновенно, прибавляетъ Перри, въ ихъ церквахъ и при каждой ихъ молитвѣ“ [4]).—Затѣмъ, нѣкоторые изъ иностранцевъ замѣчаютъ, будто Ветхій Завѣтъ не читался у насъ въ церквахъ и вообще не пользовался уваженіемъ. „Русскіе оказываютъ такое невниманіе къ нему (В. З.)—говоритъ Седербергъ,—что считаютъ недостойнымъ его чтеніе, въ особенности всенародно, и полагаютъ, что ихъ храмы осквернятся его внесеніемъ, а тѣмъ болѣе чтеніемъ; впрочемъ для псалмовъ

---

[1]) Религіозн. бытъ русск. Рушинскаго стр. 41.

[2]) Чтен. въ общ. ист. и др. р. 1873 г. 2. IV. 4.

[3]) Дневникъ Берхгольца ч. II. 177.

[4]) Перри 138.

Давида дѣлается исключеніе“ [1]). „Ни въ одной церкви—говоритъ Веберъ—ни въ монастырѣ я не видѣлъ Ветхаго Завѣта, но вездѣ одинъ только Новый Завѣтъ, на переплетъ и украшеніе котораго русскіе обращаютъ большое вниманіе. Ветхій Завѣтъ, за исключеніемъ только 1-й книги Моисея, считается безполезнымъ для назиданія прихожанъ“ [2]). Но, очевидно, это ошибка бѣглаго знакомства; Ветхій Завѣтъ всегда уважался русскими, доказательствомъ чему служатъ чтенія изъ него, извѣстныя подъ названіемъ паремій. Кромѣ того въ этомъ извѣстіи заключается противорѣчіе тому, что говоритъ тѣже иностранцы вообще о библіи, что она вся вообще признается у русскихъ словомъ Божіимъ [3]).

Что касается церковнаго пѣнія, то отзывы о немъ иностранцевъ различны. Берхгольцъ, слышавшій наше церковное пѣніе и въ церквахъ и внѣ ихъ во время посѣщенія пѣвчими частныхъ домовъ въ большіе праздники, хвалитъ голоса пѣвчихъ и особенно восхищается басами, которые въ Россіи, по словамъ его, лучше и сильнѣе, чѣмъ гдѣ нибудь; „у нѣкоторыхъ изъ ихъ басистовъ, говоритъ онъ, голоса также чисты и глубоки, какъ звуки органа, и они въ Италіи получали бы большіе деньги“; но онъ не одобряетъ самой манеры пѣнія [4]). Точно также отзывается о нашемъ церковномъ пѣніи и Веберъ. По его словамъ, въ монастыряхъ у насъ поютъ въ два хора, по русскимъ нотамъ или напѣву: „но мелодіи ихъ поются почти въ одинъ тонъ и потому въ нихъ нѣтъ никакого искусства [5]). Совсѣмъ иной отзывъ о нашемъ церковномъ пѣніи и впечатлѣніи, производимомъ имъ на душу, даетъ принцъ Евгеній Виртембергскій. „Великолѣпное пѣніе, которое надо слышать, говоритъ онъ, чтобы судить о сверхъестественномъ впечат-

[1]) Чтен. въ общ. ист. и др. р. 1873 г. 2. IV. 4.
[2]) Рус. Архивъ 1872 г. стр. 1363.
[3]) Седербергъ Чт. въ общ. ист. и др. р. 1873 г. 2. IV. стр. 4. 36.
[4]) Ч. III. 267 и ч. IV. 86.
[5]) Рус. Арх. 1872 г. стр. 1369.

лѣнія, какое въ состояніи производить на душу эта единственная въ своемъ родѣ вокальная музыка, производило на меня обаятельное дѣйствіе и мнѣ по истинѣ казалось въ эту минуту, что я на небѣ“ [1]). Но этотъ отзывъ принадлежитъ уже концу 18 в., когда наше церковное пѣніе значительно было выработано и усовершенствовано подъ вліяніемъ западныхъ образцовъ, и притомъ относится къ пѣнію придворной капеллы. Къ сожалѣнію, иностранцы не представляютъ болѣе данныхъ для характеристики нашего церковнаго пѣнія и состоянія его въ разсматриваемое время. Можно сдѣлать развѣ одно замѣчаніе, что искусственное или партесное пѣніе все болѣе и болѣе стало распространяться въ 18 в. при нашихъ церквахъ. При столичныхъ церквахъ и монастыряхъ устраивались хоры пѣвчихъ. Такъ Берхгольцъ, кромѣ императорскихъ пѣвчихъ въ Петербургѣ, упоминаетъ еще о монастырскихъ пѣвчихъ Александроневскаго монастыря и дѣлаетъ о нихъ тотъ же отзывъ, что и объ императорскихъ [2]); а Манштейнъ говоритъ, что по русскому обряду, во всѣхъ церквахъ есть хоръ, поющій за обѣдней [3]); но это замѣчаніе относится, кажется, больше къ юго-западной Россіи, гдѣ и въ прежніе вѣка было и больше любви къ пѣнію, и больше искусства и умѣнья, чѣмъ на Сѣверѣ, въ Великороссіи [4]).—Далѣе всѣ иностранцы одинаково говорятъ, что инструментальная музыка никогда не употреблялась при нашемъ богослуженіи. „Всякую инструментальную музыку въ церквахъ русскіе отвергаютъ,— говоритъ Седербергъ, потому что, какъ они говорятъ, она, какъ и другіе бездушные предметы, не можетъ хвалить и воспѣвать Творца, а напротивъ только доставляетъ удовольствіе чувствамъ и мѣшаетъ благоговѣнію; что первые

---

[1]) „Юношескія воспоминанія“ принца Евгенія Виртембергскаго. Рус. Арх. 1878 г. кн. 1. стр. 71.

[2]) Ч. III, 268. ч. IV, 86.

[3]) 244 стр.

[4]) Религіозн. бытъ русск. Рущинскаго, стр. 42.

христіане не употребляли ея и что такимъ образомъ она не согласна съ ученіемъ Новаго Завѣта [1]).

Къ принадлежностямъ нашего богослуженія относится между прочимъ возженіе свѣчей. Иностранные писатели замѣчаютъ, что русскіе отличались особенною любовію къ возженію свѣчей въ храмахъ, и вообще при богослуженіи, и усердіе ихъ въ этомъ отношеніи не знало препятствій и не останавливалось даже предъ дороговизною воска въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Такъ аббатъ Охотскій замѣчаетъ, что хотя воскъ въ Сибири и очень дорогъ, но это не мѣшаетъ церквамъ имѣть прекрасное освѣщеніе [2]). Подъ вліяніемъ такой любви и усердія возженіе свѣчей нашло себѣ самое широкое употребленіе при всѣхъ видахъ богослуженія и обрядахъ церковныхъ. Не ограничиваясь зажиганіемъ множества свѣчей въ храмѣ во время обѣдни [3]), русскіе являлись со свѣчами въ рукахъ и во время крестныхъ ходовъ [4]), въ дни поминовенія усопшихъ и на похоронахъ [5]),— словомъ, ни одинъ обрядъ церковный не совершался безъ возженія свѣчей. Свѣчи зажигались и въ частныхъ домахъ предъ иконами какъ у богатыхъ, такъ и бѣдныхъ людей [6]). При этомъ нѣкоторые иностранцы замѣчаютъ, что у насъ въ церквахъ не употреблялось масло для лампадъ, а вмѣсто него зажигались восковыя свѣчи, которыя вставлялись въ трубочки или подсвѣчники, расположенные на верхней части лампадъ [7]).

---

[1]) Чт. въ общ. ист. и др. р. 1873 г. 2. IV. 21. Веберъ Русск. Арх. 1872 г. стр. 1369 и др.

[2]) Разсказы о Польской Старинѣ. Крашевскаго т. 2-й. 155 стр.

[3]) Сегербергъ. Чт. въ общ. ист. и др. р. 1873. 2. IV. 21.

[4]) Ibid. стр. 18.

[5]) Рус. Арх. 1872 г. Записки Вебера стр. 1456—7. Разсказы о Польской Старинѣ. т. 2-й стр. 155.

[6]) Перри. 143. XVIII. в. Бартенева т. 4-й. Антидотъ стр. 248 Днев. Берхгольца ч. II, 163 и др.

[7]) Путешествіе.... Брунна. Чт. въ общ. ист. и др. р. 1872 г. 2. IV. 143.

Объ отношеніи русскихъ къ богослуженію, объ усердіи ихъ къ посѣщенію храма и поведеніи въ немъ иностранцы говорятъ мало, ограничиваясь общими замѣчаніями. „Въ каждый воскресный и въ праздничный день, говоритъ Седербергъ, русскіе посѣщаютъ церковь трижды въ день: первый разъ до восхожденія солнца—заутреня, потомъ до обѣда—обѣдня, и наконецъ до вечера—вечерня“ [1]). „Въ праздники,—замѣчаетъ аббатъ Охотскій о жителяхъ г. Туринска (въ Сибири)—всегда бываютъ въ церквахъ и всѣ ведутъ себя въ нихъ чрезвычайно скромно и прилично“ [2]). Впрочемъ, уваженіе къ храму и совершающемуся въ немъ богослуженію не всегда удерживало присутствующихъ въ предѣлахъ благочинія. Такъ Берхгольцъ разсказываетъ, что во время вѣнчанія графа Головкина присутствовавшіе и самъ женихъ позволяли себѣ громко разговаривать и смѣяться, и удивляется, что русскіе имѣютъ такъ мало благоговѣнія при вѣнчаніи [3]). Что касается положенія молящихся во храмѣ, то въ этомъ случаѣ иностранцы расходятся между собою. Такъ Корбъ говоритъ, что русскіе только въ день Пятидесятницы молятся на колѣнихъ, и объясняютъ это тѣмъ, что ученики Спасителя падали ницъ на землю во время сошествія Св. Духа, въ прочіе же праздники говоритъ онъ, стоя прямо приносятъ Богу обычныя молитвы [4]). Но Седербергъ утверждаетъ, что русскіе молятся стоя, на колѣняхъ или распростершись на землѣ [5]), а въ другомъ мѣстѣ замѣчаетъ: „когда они молятся, то ударяютъ всегда головою о землю, крестясь безпрестанно предъ образами и повторяя краткую молитву: „Господи помилуй!“, въ то время, какъ священникъ служитъ обѣдню“ [6]). Веберъ также

---

[1]) Чт. въ общ. ист. и др. р. 1873 г. 2. IV. 20.

[2]) Разсказы о польской старинѣ т. 2. стр. 144.

[3]) Берхгольцъ. Ч. II, 177.

[4]) Чтен. въ общ. ист. и др. р. 1867 г. 1. IV. 178.

[5]) Чт. въ общ. ист. и др. р. 1873 г. 2. IV. 11.

[6]) Ibid. стр. 15.

признаетъ эти три положенія молящихся [1]).—Стулья или лавки для сидѣнья при богослуженіи не допускались въ нашихъ церквахъ [2]). Исключенія не дѣлалось даже для знатныхъ иностранцевъ, посѣщавшихъ наше богослуженіе и тяготившихся его продолжительностію вслѣдствіе усталости отъ непривычнаго для нихъ долгаго стоянія. Іоанна-Елизавета, княгиня ангальтъ-цербстская, описавъ обрядъ обрученія своей дочери съ в. к. Петромъ Ѳеодоровичемъ и послѣдовавшую за тѣмъ обѣдню, съ сокрушеніемъ замѣчаетъ: „весь обрядъ длился четыре часа, въ продолженіи которыхъ нельзя было сидѣть и четверти часа“ [3]).

Изъ всѣхъ частныхъ видовъ нашего богослуженія иностранцамъ наиболѣе доступны были, разумѣется, тѣ, которые совершались всенародно; таковы, напр., крестные ходы, и потому о нихъ очень часто говорятъ иностранцы въ своихъ мемуарахъ. Наиболѣе описаній относится къ обряду водоосвященія 6-го января. Можно сказать, что ни одинъ иностранецъ, бывшій въ Петербургѣ или Москвѣ, не пропустилъ случая посмотрѣть на этотъ торжественный обрядъ и блестящую процессію духовенства и описать ихъ. Въ старину, какъ и теперь, для этого обряда дѣлались нѣкоторыя приготовленія, иногда довольно сложныя и затѣйливыя. Вотъ какъ описываетъ эти приготовленія Корнилій де Бруинъ, видѣвшій этотъ обрядъ въ Москвѣ, въ 1702 г. „Въ столичномъ городѣ Москвѣ, на рѣкѣ Яузѣ, подлѣ самой стѣны Кремля, во льду сдѣлана была четырехъугольная прорубь, каждая сторона которой была въ 13 футовъ, а всего, слѣдов., въ окружности прорубь эта имѣла 52 фута. Прорубь эта по окраинамъ своимъ обведена была чрезвычайно красивой деревянной постройкой, имѣвшей въ каждомъ углу колонну,

---

[1]) Рус. Арх. 1872 г. 1369 стр.

[2]) Ibidem.

[3]) Извѣстія, писанныя княг. Іоанною-Елизаветою, ангальтъ-цербстскою. Сборн. р. ист. общ. т. 7 стр. 39.

которую поддерживалъ родъ карниза, надъ которымъ видны были четыре филенки (дощечки), расписанныя дугами; въ каждомъ углу этой постройки имѣлось изображеніе одного изъ четырехъ евангелистовъ, а на верху два полусвода, посреди которыхъ водруженъ былъ большой крестъ. Сказанныя филенки, расписанныя извнутри, изображали апостоловъ и другихъ (евангелистовъ) святыхъ. Самую красивую часть этой постройки, на востокѣ рѣки, составляло изображеніе крещенія Господа нашего во Іорданѣ Іоанномъ Крестителемъ, съ предстоящими четырьмя ангелами, безъ всякихъ другихъ изображеній. Каждая же изъ наружныхъ филенокъ имѣла на себѣ изображенія ангельскихъ головокъ съ крыльями, три внизу и двѣ сверху. На западной сторонѣ воды въ проруби сдѣланы были четыре ступеньки, на концѣ одной изъ коихъ прикрѣплена ступенька довольно значительнаго вѣса, для того, чтобы можно было сойти внизъ къ водѣ. Патріархъ, или духовное лицо, совершавшее этотъ обрядъ, сошелъ по этимъ ступенькамъ къ самой водѣ, которая въ этомъ мѣстѣ была глубиною въ 8 футовъ. На полу разостланы были большіе красные покровы, обнесенные четвероугольной огородкой, имѣвшей въ ширину отъ одного угла къ другому по 45 шаговъ, а во всѣхъ кругомъ 180 шаговъ. Кромѣ этой были еще двѣ другія огородки, устроенныя въ родѣ перилъ, на разстояніи четырехъ шаговъ одна отъ другой, вышиною въ четыре фута и также покрытыя красными покровами. На краяхъ самой воды или проруби съ западной стороны воздвигнуты были три деревянныхъ алтаря, изящно убранные, покрытые тоже изящными красными покровами. Четыре двери открывали входъ въ это зданіе, по одной съ каждой стороны, и главная дверь была къ югу отъ Кремля. Онѣ были также расписаны, но не такъ искусно и представляли изображенія священныхъ предметовъ“ [1]). Подобныя же приготовленія дѣлались и каждый годъ для этого обряда. Про-

[1]) Чтен. въ общ. ист. и др. р. 1872. 1. IV. 41—42.

цессія духовенства всегда бывала при этомъ торжествѣ многочисленная и блестящая, и иностранцы сознаются, что имъ рѣдко приходилось видѣть подобную. „Процессія здѣшняго духовенства,—говоритъ Берхгольцъ, описывая этотъ обрядъ, виденный имъ въ Москвѣ въ 1722 г.,—была великолѣпна и я едва-ли видѣлъ когда нибудь подобную. Впереди шло до 400 діаконовъ или каплановъ, потомъ болѣе 200 священниковъ въ разноцвѣтныхъ одѣяніяхъ и ризахъ изъ золотой и серебряной парчи, осыпанныхъ жемчугомъ и богато вышитыхъ. За ними слѣдовали епископы и архіепископы, также въ своихъ богатыхъ облаченіяхъ и большихъ круглыхъ митрахъ, украшенныхъ золотомъ, драгоцѣнными камнями и жемчугомъ; они держали въ рукахъ епископскіе жезлы и, подобно прочимъ, свѣчи, а ихъ длинныя великолѣпныя мантіи, подбитыя горностаемъ, были несены позади ихъ. Предъ архипастырями несли множество иконъ, распятій и другихъ священныхъ предметовъ. Священники и діаконы шли съ открытыми головами, хотя многіе изъ нихъ были совершенно сѣдые или плѣшивые. За епископами слѣдовало много монаховъ въ черныхъ одѣяніяхъ, такъ что вся процессія состояла изъ слишкомъ 1000 человѣкъ“ [1]). Самый обрядъ освященія воды Берхгольцъ описываетъ такъ: стоявшіе вокругъ проруби епископы и прочія знатныя духовныя лица молились, читали, пѣли, кадили. Когда архіепископъ трижды погрузилъ въ воду небольшой серебряный крестъ, которымъ она освящается, императоръ (стоявшій предъ фронтомъ войскъ) самъ скомандовалъ стрѣлять, и весь отрядъ, по окончаніи пушечной пальбы, исполнилъ бѣглый огонь... [2]). Какъ только оканчивался обрядъ и крестный ходъ удалялся отъ рѣки, народъ, всегда присутствовавшій при этомъ торжествѣ громадными массами, съ неудержимою стремительностію бросался къ проруби: одни черпали оттуда

[1]) Ч. II, 24.

[2]) Ibid. 25.

разными сосудами воду, пили ее и относили домой; другіе умывались, но не утирались полотенцами, а давали водѣ высыхать на лицѣ, считая грѣхомъ утирать ее[1]. Сюда же приползали разные калѣки, хромые и недужные, и также черпали изъ проруби и пили святую воду[2]. Изъ дворца царскаго присылались обыкновенно большіе сани, уставленныя разной величины бочками, которыя наполнялись святой водой и отвозились обратно во дворецъ[3]. По словамъ нѣкоторыхъ иностранцевъ, народъ приписывалъ (какъ приписываетъ и теперь) этой водѣ особенную силу способность очищать и освящать и тѣло и душу, и потому сохранялъ ее въ продолженіи года, иногда въ сосудахъ, привѣшенныхъ къ потолку, какъ это видѣлъ Коксъ въ избахъ новгородскихъ крестьянъ[4]. Конечно подъ вліяніемъ такого воззрѣнія на свойства этой воды, нѣкоторые изъ народа, по окончаніи обряда водоосвященія, бросались въ прорубь и купались. Берхгольцъ разсказываетъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ въ прорубяхъ послѣ освященія воды купались взрослые. „Одинъ въ нашихъ глазахъ—разсказываетъ Берхгольцъ—бросался туда два раза и оставался такъ долго подъ водою, что я боялся, что онъ попадетъ подъ ледъ и утонетъ, тѣмъ болѣе, что въ продолженіи часа купался уже въ седьмой разъ. Не понимаю, какъ человѣкъ можетъ вынести все это среди зимы!“[5]. Обычай этотъ былъ общераспространенъ (онъ существуетъ и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ) и практиковался даже въ такой холодной странѣ, какъ Сибирь. „Въ Сибири существуетъ еще странный обычай,—говоритъ аб-

---

[1]) Ibid. 29.

[2]) Русск. Арх. 1872 г. 1150—2.

[3]) Дневникъ Берхгольца ч. II, 29. Дневн. Корба. Чт. въ об. и. и др. р. 1867 г. I. 128—9.

[4]) Русск. Старина 1877. т. 2. стр. 24. Седербергъ. Чт. въ об. ист. и др. р. 1873. 2. IV. 18.

[5]) Ч. II стр. 29.

батъ Охотскій:—на Іорданѣ (послѣ водосвятія) молодежь сбрасываетъ шубы и платье и погружается въ прорубь, поддерживаемая на веревкахъ окружающими. Сибиряки полагаютъ, что такое купанье не только здорово для тѣла но и душу даже очищаетъ. Напрасно я пытался доказать имъ, какъ это вредно. Противъ закоренѣлаго предразсудка бороться почти невозможно“ [1]). Седербергъ говоритъ, что въ прорубь погружали даже малолѣтнихъ дѣтей [2]), а Казанова утверждаетъ, будто онъ самъ былъ свидѣтелемъ, какъ непосредственно послѣ водоосвященія на Невѣ, крестили новорожденныхъ младенцевъ черезъ погруженіе прямо въ прорубь на льду [3]).

Кромѣ 6 января, освященіе воды совершалось у насъ еще 1-го августа, и совершалось при той же обстановкѣ, при такомъ же крестномъ ходѣ и съ тѣми же обрядами, какъ и 6 января [4]).—Изъ другихъ крестныхъ ходовъ, которые такъ часты были въ до-петровской Руси и число которыхъ Петръ I значительно сократилъ [5]), Седербергъ упоминаетъ еще о крестномъ ходѣ въ Москвѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. „Въ извѣстный день въ апрѣлѣ—говоритъ онъ—духовенство обходитъ съ своими образами и въ облаченіи вокругъ валовъ

---

[1]) Разсказы о польск. стар. т. 2. стр. 143.

[2]) Чт. въ общ. ист. и др. р. 1873 г. 2. IV. 18.

[3]) Рус. Старина 1874 г. т. I, 543. При этомъ Казанова передаетъ такую сцену: „Случилось въ тотъ день, что попъ, совершавшій крещеніе, старикъ съ бѣлой бородой и трясущимися руками, уронилъ одного изъ этихъ бѣдныхъ малютокъ въ воду и ребенокъ утонулъ. Встревоженные богомольцы приступили съ вопросомъ: Что значитъ такое предзнаменованіе?—„А это значитъ“—отвѣчалъ съ важностію попъ,—„это значитъ... вотъ что... Подайте мнѣ другаго“. Болѣе всего меня удивила радость родителей бѣдной жертвы. Потерять жизнь при самомъ крещеніи, говорили они съ восторгомъ, значитъ прямо пойти въ рай“.—Едвали нужно говорить, что какъ это извѣстіе, такъ и переданная нами сейчасъ сцена,—плодъ фантазіи автора. или же результатъ его легковѣрія.

[4]) Освященіе воды 1 августа описывается у Корба (Чт. въ общ. ист. и др. р. 1866 г. 4. IV. 82—3) и Берхгольца ч. I. 132.

[5]) Исторія Соловьева т. 13 стр. 218.

въ Москвѣ, причемъ кадятъ и читаютъ“ [1]).—Перри видѣлъ крестный ходъ въ Новгородѣ, совершавшійся ежегодно въ іюнѣ мѣсяцѣ въ воспоминаніе прибытія сюда св. Антонія на мельничномъ жерновѣ; при этомъ носили по городу образъ этого святаго [2]).—Августъ Коцебу былъ свидѣтелемъ такой религіозной процессіи въ гор. Курганѣ (тобольской губерн.). „7 іюля,—говоритъ Коцебу,—былъ церковный праздникъ, истинное значеніе и смыслъ котораго я никогда не могъ постигнуть. Онъ состоялъ въ томъ, что образъ святаго переносили изъ сосѣдней деревни въ городъ. Изъ города выходили на встрѣчу также съ образомъ и затѣмъ сопровождали первый образъ въ городскую церковь, читали и пѣли тамъ разныя молитвы, а вечеромъ уносили его обратно въ деревню. Всѣ городскіе жители съ пѣніемъ сопровождали этотъ образъ во время шествія“. Къ участію въ этой процессіи былъ приглашенъ и Коцебу и описываетъ ее такъ: „мы встрѣтили деревенскій образъ около городской черты; его несли шесть деревенскихъ дѣвушекъ, очень красивыхъ, съ священникомъ впереди; всѣ пѣли и крестились. Образа двухъ святыхъ преклонили одинъ предъ другимъ; мы всѣ пошли обратно въ городъ и поставили деревенскій образъ въ городскую церковь...“ [3]).

Кромѣ крестныхъ ходовъ, въ мемуарахъ иностранцевъ часто встрѣчаются описанія нашихъ похоронъ, которые имъ приходилось еще чаще видѣть, чѣмъ различные крестные ходы. Особенно часто и подробно описываетъ похороны Берхгольцъ, не пропускавшій случая присутствовать при погребальныхъ церемоніяхъ. Въ своихъ описаніяхъ онъ касается главнымъ образомъ внѣшней обстановки похоронъ, описываетъ гробъ, его украшенія, одежду участвовавшихъ въ похоронномъ кортежѣ лицъ, порядокъ процессіи и проч. Для насъ представляютъ больше инте-

[1]) Чтен. въ общ. ист. и др. р. 1873 г. 2. IV. 33.

[2]) Перри. стр. 109.

[3]) Достоп. годъ моей жизни. Ч. II стр. 9—10.

реса указанія иностранцевъ на нѣкоторые обычаи, соблюдавшіеся еще въ 18 в., или по крайней мѣрѣ въ началѣ его, какъ остатки до-петровской старины, такъ сильно потрясенной реформами. Такъ Бассевичъ и Берхгольцъ упоминаютъ объ обычаѣ успокоивать умирающихъ принесеніемъ яствъ и напитковъ. Этотъ обычай соблюдался даже въ царской семьѣ и Петръ Великій сильно вооружался противъ него. Бассевичъ разсказываетъ, что по возвращеніи изъ персидскаго похода (1723 г.) Петръ „нашелъ сестру свою Марію Алексѣевну въ предсмертной агоніи..., постель ея была окружена попами, которые, слѣдуя старинному способу успокоенія душъ умирающихъ, приносили ей питье и пищу, спрашивая жалобнымъ голосомъ, имѣетъ ли она въ изобиліи на этомъ свѣтѣ все, что нужно для поддержанія жизни? Разгнѣванный тѣмъ, что осмѣлились исполнять въ его собственномъ семействѣ нелѣпый обычай, оставленный уже и чернью, монархъ съ позоромъ прогналъ этихъ невѣжественныхъ поповъ отъ умирающей царевны“ [1]).

Другой похоронный обычай, противъ котораго также вооружался Петръ Великій и успѣлъ изгнать, по крайней мѣрѣ, изъ своей столицы—это обычай оплакивать умершаго наемными плакальщицами. Еще въ самомъ концѣ 17 в. этотъ обычай практиковался при погребеніи даже знатныхъ лицъ. Корбъ отмѣчаетъ, что при погребеніи одного знатнаго боярина присутствовали наемныя плакальщицы [2]). Петръ рѣшительно возсталъ противъ этого обычая и запретилъ въ Петербургѣ громкія рыданія, плачъ и причитанія на похоронахъ [3]). Такъ, на похоронахъ Маѳы Матвѣевны, супруги Ѳеодора Алексѣевича,—замѣчаетъ Веберъ—строго приказано было, чтобы никто громко не плакалъ и не при-

---

[1]) Рус. Арх. 1865 ст. 584. Почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ передаетъ этотъ фактъ и Берхгольцъ III, 57.

[2]) Чт. въ общ. ист. и др. р. 1866 г. 4. IV. 83.

[3]) Зап. Вебера Р. Арх. 1872 стр. 1353.

читывалъ [1]). „Но въ отдаленныхъ отъ Петербурга мѣстностяхъ—говоритъ тотъ же иностранецъ—русскіе продолжаютъ вести себя въ этомъ отношеніи по старому и въ одномъ селеніи на похоронахъ я слышалъ въ домѣ покойника, чрезъ окна, такой необычайный плачъ и крикъ родныхъ умершаго и постороннихъ, нарочно нанятыхъ для этого, бабъ, что крикъ этотъ разносился по всему селенію [2]). Обычай этотъ продолжалъ существовать въ простомъ народѣ и послѣ Петра, въ теченіи всего 18 в., по крайней мѣрѣ, въ самомъ концѣ его аббатъ Охотскій упоминаетъ о существованіи этого обычая въ Сибири [3]). Иностранцевъ непріятно поражали эти крики, вопли и причитанія на нашихъ похоронахъ; они казались имъ не искренними, или по крайней мѣрѣ столько же притворными, сколько и искренними [4]). Нѣкоторые изъ иностранцевъ передаютъ даже общую, такъ сказать, тему всѣхъ похоронныхъ причитаній. Такъ Седербергъ говоритъ, что, опустивъ покойника въ могилу, остающіеся послѣ него мужъ или жена обращаются къ нему съ такими словами: „ты, N, теперь умолкъ: отъ чего ты умеръ? чего не доставало тебѣ? Не было ли у тебя достаточно пищи, или не довольно усердно служили тебѣ? Неужели ты ничего болѣе не скажешь“ [5])?

Былъ еще обычай, соблюдавшійся у насъ на похоронахъ въ началѣ 18 в., хотя, впрочемъ, и не всегда,—это обычай нести предъ гробомъ икону Спасителя, или образъ того святаго, имя котораго покойникъ получилъ при крещеніи. При послѣднемъ прощаніи съ покойникомъ родственники умершаго и вообще присутствующіе прикладывались сначала къ образу, а потомъ цѣловали уже покойника [6]). Послѣ похоронъ икона отдавалась иногда въ монастырь [7]).

[1]) Ibid. 1343.
[2]) Ibid. 1353.
[3]) Разсказы о польск. стар. т. 2. стр. 143.
[4]) Зап. Вебера Р. Арх. 1872 г. стр. 1343.
[5]) Чт. въ общ. ист. и др. р. 1873 г. 2. IV. 34. Веберъ Р. Арх. 1872 г. 1354 стр.
[6]) Седербергъ. Чт. въ общ. ист. и др. р. 1872 г. 2. IV. 34. Берхг. Ч. II, 55.
[7]) Записки полка очевидца. Р. Старина 1879 г. № 6; стр. 284.

Что касается похоронной обстановки въ 18 в., то она представляетъ мало особенностей сравнительно съ тѣмъ, что мы видимъ въ этомъ отношеніи въ настоящее время,— таже пышность при похоронахъ богатыхъ и знатныхъ лицъ и таже скромная простота при погребеніи бѣдняковъ. Погребеніе богатыхъ и знатныхъ людей отличалось необыкновеннымъ великолѣпіемъ. Въ богатыхъ домахъ всѣ парадныя комнаты, парадная лѣстница и прихожая обивались чернымъ сукномъ. Такимъ же сукномъ обивались экипажи, покрывались лошади, одѣвалась прислуга дома. При погребеніи военныхъ собирались полки, и тогда шляпы, руки и шпаги всѣхъ офицеровъ, всѣ барабаны покрывались крепомъ или другою какою нибудь черною матеріею. Такою же матеріею покрывались гербы почившаго, украшались факелы; дѣлались знамена обыкновенно креповыя, убранныя чернымъ флеромъ. Когда гробъ опускали въ землю, производилась пушечная и ружейная пальба. Затѣмъ, при погребеніи богатыхъ и знатныхъ людей выбирались обыкновенно два, иногда три и болѣе, маршала, отличительнымъ знакомъ которыхъ были длинные жезлы. На обязанности маршаловъ было встрѣчать являвшихся на похороны, наблюдать за порядкомъ во время процессіи и распоряжаться угощеніемъ на обѣдѣ, слѣдовавшемъ тотчасъ послѣ похоронъ. Участвовавшимъ въ похоронной процессіи раздавались черныя мантіи, флеръ и бѣлыя перчатки, а послѣ погребенія, на память объ умершемъ, давались золотыя кольца, на внутренней сторонѣ которыхъ было вырѣзано имя покойника, а иногда и серебряныя ложки [1]).—Ничего подобнаго не бывало при погребеніи простыхъ людей. Веберъ сообщаетъ любопытныя подробности относительно похоронъ петербургскихъ бѣдняковъ. „Въ Петербургѣ въ случаѣ смерти простолюдина, — говоритъ онъ — выставляютъ его прежде на улицу, зажигаютъ предъ нимъ восковую свѣчу

[1]) Дневн. Берхг. II, 51—2; 54—5; III, 190—2; 239—245 и т. д. Зап. поляка очевидца Р. Ст. 1879 г. № 6, 284.

и просятъ у проходящихъ подаянія на погребеніе умершаго. Сердобольные прохожіе кладутъ около свѣчи деньги, и если близкіе покойника, или тѣ люди, которые хотятъ снести его въ могилу, найдутъ, что собраннымъ подаяніемъ достаточно оплачивается ихъ трудъ, то кладутъ покойника въ рогожу, увязываютъ въ ней и, повѣсивъ его въ родѣ мѣшка на шестѣ, взваливаютъ на плечи двумъ изъ среды своей носильщикамъ и такимъ образомъ несутъ на кладбище, уговоривъ въ такомъ случаѣ еще нѣсколько пріятелей покойника проводить его до могилы. Однажды я видѣлъ, какъ двое русскихъ, пронесши уже подобнымъ образомъ покойника порядочное разстояніе, разсудили затѣмъ, что собранныхъ денегъ было недостаточно; поэтому они положили тѣло на землю, зажгли восковую свѣчу, стали по своему креститься и причитать свою краткую обычную молитву „Господи помилуй!“ и поджидали такимъ образомъ подаянія; они никакого подаянія не получили, а ночь между тѣмъ наступила, но они все таки не хотѣли окончательно унести тѣло для погребенія, въ надеждѣ назавтра получить хоть ничтожную милостыню. Поэтому они высмотрѣли подъ мостомъ узкое пустое мѣстечко, сунули покойника туда и какъ голова его не умѣщалась тамъ свободно, то они гнули его и теребили до тѣхъ поръ, пока не запрятали его и съ головой. Затѣмъ благословили его и пошли своей дорогой. На слѣдующій день они отнесли тѣло на кладбище“ [1]). По словамъ того же Вебера, въ средѣ простонародья было вѣрованіе, что душа покойника находится еще шесть недѣль въ томъ мѣстѣ, гдѣ она оставила тѣло; поэтому родственники во все это время окуривали постель умершаго и отправляли ежедневно панихиды [2]).—Похороны 18 в. представляютъ еще одну особенность: они совершались иногда и вечеромъ въ сумерки [3]), тогда какъ теперь закономъ

[1]) Р. Арх. 1872 г. стр. 1353—4.
[2]) Ibid. 1343.
[3]) Ibid. 1342—3. Дневн. Берхг. III, 190—2.

запрещено погребать послѣ солнечнаго заката.—Иностранцы передаютъ еще объ одномъ обычаѣ, соблюдавшемся въ Москвѣ: всѣ найденные на улицахъ убитыми въ продолженіи года, а также казненные по суду, за исключеніемъ тѣхъ, которые за оскорбленіе величества были посажены на позорный колъ, свозились за городъ въ одну глубокую яму, а въ Пятидесятницу (а по другимъ, въ четвергъ предъ Пятидесятницей) въ извѣстный, опредѣленный для того день, посылался туда священникъ, который отправлялъ разомъ по всѣмъ усопшимъ панихиду; послѣ чего яма засыпалась землею; вмѣсто нея вырывалась другая [1]). Относительно поминовенія усопшихъ Веберъ пишетъ: „незадолго предъ Рождествомъ Христовымъ у русскихъ бываетъ праздникъ, называемый родительскою субботою. Въ этотъ день кровные родственники умершихъ собираются на ихъ могилы, приносятъ туда разнаго рода подарки и съѣстные припасы, поднимаютъ тамъ громкій плачь, спрашиваютъ покойниковъ: „что они подѣлываютъ, зачѣмъ умерли, что свело ихъ въ могилу?“ и т. д.; затѣмъ расходятся по домамъ, а священники собираютъ съ могилъ оставленныя тамъ кушанья и подарки въ пользу церкви“ [2]); а по словамъ Корба, принесенныя на могилу кушанья раздавались обыкновенно нищимъ, и такая раздача совершалась нѣсколько разъ въ годъ „изъ любви и нѣжности къ усопшимъ“ [3]).

Изъ таинствъ только крещеніе описывается довольно подробно иностранцами. Крещеніе и въ 18 в. совершалось также, какъ и теперь, съ тѣми же обрядами и обычаями. У простолюдиновъ оно совершалось тотчасъ послѣ рожденія младенца, а у людей достаточныхъ большею частію спустя пять, шесть недѣль [4]). Существовалъ также и нынѣшній

[1]) Веберъ, Р. Арх. 1872 г. стр. 1360.—Корбъ, Чт. въ общ. ист. и др. р. 1866 г. 4. IV. 12. Путеш. Брунна, Чт. въ об. ист. и др. р. 1872. 1. IV. 65 и др.

[2]) Веберъ Р. Ар. 1872 г. 1354 стр.

[3]) Чтен. въ общ. ист. и др. р. 1867. 3. IV. 272.

[4]) Седербергъ, Чт. въ общ. ист. и др. р. 1873 г. 2. IV. 28. Путешествіе... Брунна, Чт. въ общ. и. и др. р. 1872. 2. IV. 113.

обычай давать новорожденному на зубокъ. „У русскихъ, говоритъ Веберъ, существуетъ обычай, чтобы всѣ родственники и близкіе дому люди при крещеніи навѣщали родильницу, цѣловали ее и клали ей на постель подарки“ [1]). Крещеніе совершалось всегда въ церкви, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда церковь отстояла слишкомъ далеко, или младенецъ былъ очень слабъ [2]). Воспріемниковъ обыкновенно бывало двое и, разъ выбранные извѣстнымъ семействомъ, они обязаны уже были крестить потомъ всѣхъ дѣтей въ этомъ семействѣ [3]). Иногда впрочемъ,, крещеніе совершалось при одномъ только воспріемникѣ. Такъ Іоаннъ Антоновичъ былъ воспринятъ отъ купели одною императрицею Анною, безъ участія другихъ воспріемниковъ [4]),—но это фактъ исключительный. Воспріемниками у одной и той же купели не могли быть, по словамъ Вебера: беременная женщина, мужъ и жена, или двое обрученныхъ [5]). Лицамъ, состоявшимъ въ кумовствѣ между собою, церковный законъ запрещалъ вступать въ бракъ, и это запрещеніе, по словамъ Брунна, простиралось до третьей степени духовнаго родства [6]). Законъ былъ такъ строгъ на этотъ счетъ, что, по замѣчанію Берхгольца, русскіе очень остерегались крестить съ такою особою, съ которою когда нибудь могли вступить въ бракъ [7]). На обязанности священника, совершавшаго крещеніе, лежало напоминать воспріемникамъ объ этомъ законѣ [8]). Что касается самаго священнодѣйствія крещенія, то оно описывается подробно у Берхгольца, присутство-

---

[1]) Р. Ар. 1872 г. 1066 стр.

[2]) Седербергъ, Чт. въ общ. ист. и др. р. 1873. 2. IV. 29.

[3]) Ibidem.

[4]) Древн. и Нов. Россія 1876 г. кн. I. стр. 94—5. Донесенія прусскаго посланника Мардефельда.

[5]) Р. Ар. 1872 г. 1094.

[6]) Чт. въ общ. ист. и др. р. 1872. 2. IV. 113.

[7]) Ч. II, 211.

[8]) Ibidem.

вавшаго при совершеніи крещенія въ качествѣ воспріемника. Мы приведемъ это описаніе, потому что въ немъ сгруппированы всѣ тѣ обряды и обычаи, которыми у насъ обставлялся актъ крещенія .. „Меня повели въ русскую церковь,— разсказываетъ Берхольцъ,—куда вслѣдъ за мной явилась и кума съ младенцемъ. Недалеко отъ алтаря стояла уже купель съ водою, въ которой долженъ былъ креститься новорожденный. Скоро пришелъ и священникъ. Онъ взялъ три маленькія восковыя свѣчи и прилѣпилъ ихъ къ купели; потомъ далъ по свѣчѣ намъ, воспріемникамъ, чтобы мы держали ихъ во все время крещенія, и наконецъ самъ взялъ одну, которую, впрочемъ, нѣсколько разъ отдавалъ другому, стоявшему возлѣ него, духовному лицу, и опять бралъ. Послѣ того онъ окадилъ ладаномъ и миртомъ купель и насъ, и со многими церемоніями освятилъ воду. Когда это кончилось, мы, съ зажженными свѣчами въ рукахъ, вмѣстѣ съ священникомъ, читавшимъ что-то изъ книги, обошли три раза вокругъ купели, слѣдуя за дьячкомъ, который шелъ передъ нами съ иконою Іоанна Крестителя. Затѣмъ слѣдовали принятые и у насъ при крещеніи вопросы воспріемникамъ,—во первыхъ: какое имя дать младенцу? Имя это, написанное на бумажкѣ, передали священнику, который, положилъ ее на икону и держа надъ грудью младенца, читалъ молитву. Другой вопросъ былъ: вѣруетъ-ли новорожденный въ Бога Отца, Сына и Духа Святаго? на что мы, воспріемники, должны были отвѣчать утвердительно. Такъ какъ я не понималъ русскаго языка и еще менѣе всѣхъ этихъ церемоній, то рядомъ съ мною стоялъ одинъ изъ священнослужителей, который всякій разъ отвѣчалъ за меня, и показывалъ мнѣ, что нужно дѣлать. Послѣ этихъ вопросовъ мы повернулись спиною къ купели, вмѣстѣ съ священникомъ, и онъ опять началъ спрашивать: отказывается-ли новорожденный отъ сатаны, его ангеловъ и искушеній? желаетъ ли онъ всю жизнь оставаться въ истинной православной вѣрѣ? Мы опять должны были отвѣчать отдѣльно на каждый его

вопросъ и вмѣстѣ съ нимъ усердно отплевываться, а потомъ снова стали лицемъ къ купели. За этимъ началось заклинаніе, именно слѣдующимъ образомъ: священникъ положилъ руку на новорожденнаго и сказавъ: изыди, сатана, изъ младенца сего и дай мѣсто Духу Святому! три раза дунулъ на него. Послѣ этого обряда онъ взялъ ножницы и отрѣзалъ у младенца крестообразно немного волосъ на головѣ, а мнѣ дали кусочекъ скатаннаго воску, которымъ я долженъ былъ снять ихъ съ ножницъ Положивъ отрѣзанные волоса въ книгу, священникъ еще разъ спросилъ насъ, хочетъ ли новорожденный креститься? и тогда уже взялъ его отъ моей кумы, которая въ это время держала его, и совершенно обнаженнаго обѣими руками три раза окунулъ въ воду, закрывъ ему предварительно пальцами носъ, ротъ и уши, при чемъ говорилъ: крещу тебя во имя Отца и Сына и Св. Духа[1]). Послѣ того онъ положилъ въ ротъ младенцу немного соли и помазалъ ему крестообразно освященнымъ муромъ не только лобъ, грудь, руки и спину, но и ноги, виски и другія мѣста, а за тѣмъ взявъ чистую сорочку, надѣлъ ее на ребенка, лежавшаго до тѣхъ поръ нагимъ на подушкѣ, которую держали то моя кума, то я. При этомъ одѣваньи священнослужитель произнесъ слѣдующія слова: „такъ чисто и бѣло омытъ ты теперь отъ первороднаго грѣха“ и потомъ повѣсилъ на шею младенцу серебряный крестикъ, который тому должно носить всю жизнь, въ знакъ того, что онъ христіанинъ. Затѣмъ онъ назвалъ святаго, къ которому новорожденный всегда долженъ обращаться, почитая его предъ всѣми другими, и далъ ему домой образъ

[1]) Разумѣется, Берхгольцъ, какъ плохо знавшій русскій языкъ и притомъ лютеранскаго исповѣданія, не могъ всего понимать въ священнодѣйствіи, при которомъ присутствовалъ, и правильно передать, что видѣлъ. Этимъ объясняются нѣкоторыя неточности въ его описаніи. Такъ, напр. онъ здѣсь, очевидно, ошибся, сказавъ, что священникъ произнесъ: „крещу тебя“. Это формула не православная и не могла быть употреблена. Священникъ произнесъ, безъ сомнѣнія, какъ и слѣдовало: „крещается“, а не „крещу“.

этого святаго; когда же все кончилось, началъ ласкать и цѣловать новаго христіанина и увѣщевать насъ, воспріемниковъ, быть ему настоящими отцемъ и матерью и никакъ не вступать другъ съ другомъ въ бракъ, что здѣсь строжайше запрещено и никогда не допускается“ [1]).

Иностранцы сообщаютъ еще объ одномъ обычаѣ, соединявшемся съ таинствомъ крещенія и относящемся уже къ области суевѣрія: отецъ младенца не смѣлъ присутствовать при совершеніи крещенія, въ противномъ случаѣ это считалось дурнымъ предзнаменованіемъ для ребенка [2]). Обычай этотъ соблюдался даже въ царской семьѣ. Мардефельдъ, сообщая о крещеніи Іоанна Антоновича, замѣчаетъ, что отецъ его, принцъ Антонъ Брауншвейгскій, оставался во время церемоніи въ передней, „потому что по русскому обычаю отецъ не смѣетъ присутствовать при таинствѣ крещенія [3]).

Торжественность нашихъ крестныхъ ходовъ, обиліе обрядовъ и религіозныхъ обычаевъ при различныхъ священнодѣйствіяхъ должны были давать иностранцамъ, особенно протестантамъ, привыкшимъ къ простотѣ и несложности своего церковно-богослужебнаго быта, представленіе о русскихъ, какъ людяхъ по преимуществу внѣшней набожности, и такое представленіе находило для себя еще больше основаній въ другихъ обнаруженіяхъ религіознаго сознанія и жизни русскаго народа, въ которыхъ нагляднѣе и полнѣе выражается привязанность русскихъ къ внѣшнимъ формамъ и пріемамъ благочестія;—и прежде всего въ томъ обиліи церквей, которое иностранцы всюду замѣчали, въ томъ непрерывномъ звонѣ колоколовъ—который такъ не нравился имъ, въ томъ глубокомъ уваженіи къ иконамъ, которое казалось имъ близкимъ къ идолопоклонству, и наконецъ въ томъ почитаніи святыхъ, которое они находили близко граничащимъ съ обоготвореніемъ ихъ.

---

[1]) Ч. II, 209—211.
[2]) Донесеніе прусск. посл. Мардефельда. Др. и Пов. Р. 1876 г. I, 94, 5.
[3]) Ibidem.

Любовь къ построенію храмовъ во всѣ вѣка исторической жизни русскаго народа была отличительною чертою его религіознаго характера. Эта черта въ немъ обусловливалась, конечно, складомъ его религіозныхъ понятій и воззрѣній, была выраженіемъ его благочестія, понятаго имъ своеобразно. Смотря на храмъ, какъ на мѣсто особеннаго присутствія Бога, гдѣ человѣкъ чувствуетъ себя ближе всего къ Богу и входитъ въ духовное соединеніе съ Нимъ, русскій человѣкъ, вслѣдствіе неразвитости своего религіознаго сознанія, вслѣдствіе дѣтскаго простодушнаго воззрѣнія на вещи и на предметы благочестія, естественно пришелъ къ убѣжденію, что въ дѣлѣ благочестія больше всего значитъ то, чтобы имѣть какъ можно больше храмовъ: чѣмъ больше было у него церквей, тѣмъ живѣе чувствовалось имъ вѣяніе благодати, тѣмъ ближе и осязательнѣе казались ему дѣйствія Божества. Такимъ образомъ въ ходѣ религіозной жизни русскаго человѣка, естественно было ожидать, что онъ воспитаетъ въ себѣ особенную любовь къ построенію церквей, и что чѣмъ больше ихъ будетъ у него, тѣмъ ему будетъ казаться лучше. При такомъ воззрѣніи на вещи, строеніе храмовъ получило въ глазахъ его особенное значеніе, значеніе высшаго подвига благочестія; и понятно, всякій, обладавшій средствами, желалъ отличиться этимъ подвигомъ и тѣмъ пріобрѣсти и память въ потомствѣ и спасеніе душѣ. Обиліе церквей въ древней Руси было такимъ образомъ явленіемъ вполнѣ естественнымъ и даже необходимымъ. Свидѣтельства иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію въ 16 и 17 в. в., говорятъ, что у насъ въ это время имѣли право строить церкви не только лица высшихъ сословій, но и купцы и вообще всѣ, кто только имѣлъ средства для этого. Каждый боярин имѣлъ при своемъ домѣ домовую церковь и держалъ на свой счетъ священника, который совершалъ богослуженіе для его домашнихъ; а у князей было даже по двѣ, по три такихъ церквей [1]). Но въ

[1]) Религіозн. быт русск. Рущинскаго 62.

началѣ 18 в. правительство въ видахъ увеличенія матеріальныхъ средствъ духовенства, нашло нужнымъ ограничить это усердіе къ построенію церквей, число которыхъ, по крайней мѣрѣ, въ городахъ значительно превышало дѣйствительныя потребности. Частнымъ лицамъ запрещено было имѣть домовыя церкви и держать домовыхъ священниковъ [1]); маленькія часовни во многихъ мѣстахъ были разрушены [2]); въ присягу архіерейскую было включено обѣщаніе не строить лишнихъ церквей [3]). Но не смотря на эти мѣры для сокращенія количества церквей, число ихъ по городамъ и въ 18 в. было очень велико и удивляло иностранцевъ, не привыкшихъ видѣть у себя, на родинѣ, такого множества церквей. При посѣщеніи какого нибудь русскаго города, или только проѣздѣ чрезъ него, иностранцамъ прежде всего бросались въ глаза церкви съ своими высокими стройными колокольнями, рѣзко отличавшіяся и своею архитектурою и солидностію постройки отъ невзрачныхъ, большею частію, деревянныхъ городскихъ домиковъ,—и потому они заботливо собирали свѣдѣнія о количествѣ церквей въ различныхъ городахъ и отмѣчали въ своихъ мемуарахъ. Такъ, Брунъ, проѣхавшій всю Россію изъ конца въ конецъ, отъ Архангельска до Астрахани, предоставляетъ не мало статистическихъ данныхъ о количествѣ церквей въ различныхъ, видѣнныхъ имъ, городахъ. Въ Вологдѣ, напр., въ его время (1702 г.) было кромѣ соборной церкви о 5-ти главахъ, построенной италіанскимъ зодчимъ, еще: 21 каменная церковь, 43 деревянныхъ, 3 мужскихъ монастыря и одинъ женскій, съ каменною церковью [4]). О Ростовѣ онъ замѣчаетъ, что этотъ городъ наполненъ множествомъ каменныхъ церквей, которыя служатъ ему большимъ украшеніемъ [5]). Подобное же замѣчаніе онъ

[1]) Фонкеродтъ. Чт. въ общ. ист. и др. р. 1874. 2. IV. 113. Донесенія прусск. посл. Мардефельда. Сборн. р. ист. об. т. 15 стр. 247.

[2]) Донесенія саксонскаго легаціоннаго совѣтника Лефорта. Сбор. русск. ист. общ. т. 3 й стр. 347.

[3]) Веберъ. Р. Арх. 1872 г. 1407 стр.

[4]) Чт. въ общ. ист. и др. р. 1872 I. IV. 34.

[5]) Ibid. 36.

дѣлаетъ и о многихъ другихъ городахъ, напр. Ярославлѣ [1]), Свіяжскѣ, Казани [2]), Самарѣ [3]) и др. Въ Устюгѣ онъ насчиталъ 10 или 12 каменныхъ церквей и много деревянныхъ [4]); въ Симбирскѣ—8 каменныхъ церквей и 3 или 4 монастыря [5]); во Владимірѣ на Клязьмѣ—7 или 8 каменныхъ и множество деревянныхъ и т. д. [6]). О Новгородѣ Веберъ говоритъ, что въ немъ и его окрестностяхъ въ 1-й четверти 18 в. было 180 церквей и монастырей, не смотря на пожаръ 1695 г. истребившій значительное число тѣхъ и другихъ [7]); а Перри насчитываетъ однихъ монастырей въ самомъ городѣ и его окрестностяхъ до 72 [8]). Въ Твери, по словамъ Вебера, было въ его время 70 церквей [9])... Но богаче церквами всѣхъ другихъ городовъ была Москва, и она то привлекала къ себѣ особенно вниманіе любознательныхъ иностранцевъ. „Когда путешественникъ подъѣзжаетъ къ городу,—говоритъ Перри—то этотъ послѣдній представляется ему со множествомъ церквей, монастырей, боярскихъ и дворянскихъ домовъ, колоколенъ, куполовъ, крестовъ надъ церквами, позолоченными и раскрашенными, и все это заставляетъ думать, что это самый богатый и красивый городъ въ мірѣ [10]).

Въѣзжая внутрь города, путешественникъ нѣсколько разочаровывался относительно красоты его, но впечатлѣніе, произведенное множествомъ колоколенъ и куполовъ церковныхъ оставалось и не только не уменьшалось при ближайшемъ знакомствѣ съ городомъ, а еще увеличивалось. Какъ велико было число церквей въ Москвѣ въ началѣ 18 в., можно судить уже потому, что даже въ концѣ 18 в., когда

---

[1]) Ibid. 1873 г. 1. IV. 262.
[2]) Ibid. 1872 г. 3. IV. 168.
[3]) Ibid. 174.
[4]) Чт. въ общ. ист. и др. р. 1873 г. 1. IV. 272.
[5]) Чт. въ общ. ист. и др. р. 1872 г. 3. IV. 171.
[6]) Ibid. 1872 г. 4. IV. 242.
[7]) Р. Арх. 1872 г. 1348—9 стр.
[8]) Перри стр. 109.
[9]) Р. Ар. 1872 г. 1349.
[10]) 169 стр.

число домовыхъ церквей и часовень значительно поубавилось, церкви еще такъ часты были, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на пространствѣ тысячи квадратныхъ саженъ стояло по три и даже болѣе церквей [1]). Въ одномъ Кремлѣ въ 1716 году было 40 слишкомъ большихъ и малыхъ каменныхъ церквей [2]). Что касается общаго количества церквей въ Москвѣ, то показанія иностранцевъ въ этомъ отношеніи расходятся между собою. Такъ по однимъ всѣхъ церквей въ Москвѣ было 200 [3]), по другимъ—679 [4]), 1500 [5]), 1600 [6]), и даже 2000 [7]). Всѣхъ монастырей въ Москвѣ въ 1702 году было 22; изъ нихъ два: Чудовскій (мужескій) и Вознесенскій (женскій) находились въ Кремлѣ [8]). Внѣшній видъ московскихъ церквей Берхгольцъ описываетъ такъ: „всѣ онѣ каменныя, прочной постройки, съ колокольнями, на которыхъ много колоколовъ, и большею частію имѣютъ по 5-ти главъ, съ высокими крестами изъ позолоченной мѣди, жести, желѣза или дерева на каждой, что даетъ храмамъ прекрасный видъ“ [9]). Церковныя и колокольныя главы многихъ церквей были вызолочены, что производило чрезвычайное впечатлѣніе, когда солнечные лучи падали и играли на нихъ [10]). По словамъ Корба, на главномъ куполѣ Благовѣщенской церкви, въ Кремлѣ, крестъ былъ огромной цѣны, изъ чистаго, безъ малѣйшей примѣси, золота [11]). Внѣшнему

---

[1]) Разсказы о польской старинѣ. т. 2. Зап. Северина Букара, стр. 219.

[2]) Р. Арх. 1872 г. 1357.

[3]) Корбъ, Чтен. въ общ. ист. и др. р. 1867 г. 3. IV. 203. Седербергъ Чтен. въ общ. ист. и др. р. 1873 г. 2. IV. 11. Разсказы о Польской стар. т. 2. стр. 219.

[4]) Путеш. Брунна, Чт. въ общ. ист. и др. р. 1872. 2. IV. 84.

[5]) Веберъ. Р. Арх. 1872 г. 1359.

[6]) Фоккеродтъ. Чт. въ общ. ист. и др. р. 1874. 2. IV. 44.

[7]) Нолѣстія, писан. Іоанною-Елизаветою... Сбор. р. ист. общ. т. 7 стр. 36.

[8]) Путеш. Брунна, Чт. въ общ. ист. и др. р. 1872. 2. IV. 86.

[9]) Берхг. Ч. II. 147.

[10]) Путеш. Брунна, Чт. въ общ. ист. и др. р. 1872. 2. IV. 81. Письма леди Рондо стр. 27. Зап. Сегюра 83.

[11]) Чт. въ общ. ист. и др. р. 1867. 3. IV. 258.

виду московскихъ храмовъ соотвѣтствовали и внутреннія ихъ украшенія. Иностранцы съ особеннымъ вниманіемъ осматривали главныя кремлевскія церкви: Успенія, Благовѣщенія и Архангела Гавріила и не могли надивиться богатствамъ этихъ церквей. Ихъ поражала масса золота, жемчуга и драгоцѣнныхъ камней на иконныхъ ризахъ и окладахъ, на священныхъ сосудахъ, архіерейскихъ и патріаршихъ облаченіяхъ и др. принадлежностяхъ нашихъ храмовъ и богослуженія [1]). Берхгольцъ, напр. сознается, что онъ никогда и нигдѣ не видѣлъ такого громаднаго и прекраснаго серебрянаго паникадила, какое онъ увидѣлъ въ Успенскомъ соборѣ; „да и не думаю, замѣчаетъ онъ,— чтобы было на свѣтѣ другое, подобное ему по величинѣ; а между тѣмъ оно, говорятъ, принесено въ даръ этой церкви однимъ только боярином“ [2]) Вообще, иностранцы не находили словъ для описанія сокровищъ нашихъ храмовъ и монастырей. „По истинѣ нельзя не удивляться,—говоритъ Веберъ—тѣмъ неописаннымъ сокровищамъ, которыя видишь въ церквахъ и монастыряхъ, въ драгоцѣнныхъ камняхъ, золотѣ и жемчугѣ и которыя у духовенства по всей Россіи лежатъ какъ бы погребенныя“ [3])...—Богатое наслѣдство, доставшееся 18-му вѣку отъ предшествующихъ вѣковъ, въ многочисленныхъ храмахъ, неудовлетворяло однакоже русскихъ людей 18 в. По вызову новыхъ обстоятельствъ и потребностей строились и новыя церкви. Возникали новыя города, присоединялись новыя области, заселявшіяся православнымъ народонаселеніемъ—и усердіе къ строенію храмовъ находило достаточное поприще для своего проявленія.

---

[1]) Довольно подробное описаніе этихъ церквей находится у Корба (Чтен. въ общ. ист. и др. р. 1867 г. 1. IV. 163—4), Брунна (Ibid. 1872 г. 2. IV. 142—147); Вебера (Р. Арх. 1872 г. 1362—5) и Берхгольца (Ч. II, 26—8; 142—7).

[2]) Ч. II, 26. Паникадило это—плодъ набожности боярина Иліи Ивановича Морозова. Оно вѣситъ 60 пуд. 12 ф. 59 зол. Сдѣлано оно было въ Англіи (Истор. опис. Успенскаго Собор. Протоіерея Левшина. М. 1783 г. стр. 96—97).

[3]) Р. Арх. 1872 г. 1374.

Кромѣ государей и государынь на этомъ поприщѣ отличались и частныя лица. Такъ Меньшиковъ еще при Петрѣ I построилъ не мало церквей въ Петербургѣ [1]), въ Москвѣ [2]) и другихъ мѣстахъ; любовь къ строенію храмовъ онъ сохранилъ и послѣ своего паденія; во время ссылки, получая по 10 руб. въ день на содержаніе, онъ откладывалъ часть этихъ денегъ на постройку церкви, надъ которою самъ работалъ съ топоромъ въ рукѣ [3]). Вообще, и въ 18 в. мы встрѣчаемся по временамъ съ такимъ же усердіемъ къ созиданію храмовъ и съ такою же щедростію для украшенія ихъ, какія характеризовали собою набожность русскихъ людей 16 и 17 вв. О жителяхъ, напр., гор. Туринска аббатъ Охотскій пишетъ: „щедрость ихъ для церквей замѣчательна и церкви наполнены богатыми дарами... Туринскъ очень недавно сталъ уѣзднымъ городомъ, но въ немъ уже выстроено пять великолѣпныхъ каменныхъ церквей, очень богато украшенныхъ“ [4]). Нужно впрочемъ, замѣтить, что эта черта набожности чаще проявлялась въ 18 в. въ средѣ людей средняго и низшаго классовъ, чѣмъ между лицами высшаго общества, гдѣ господствовали уже иные взгляды и иное настроеніе, и гдѣ возможенъ былъ, напр., такой фактъ, сообщаемый Лефортомъ и довольно наглядно характеризующій духъ эпохи: Долгорукіе во время своего господства „не постыдились похитить изъ собора (вѣроятно Успенскаго, въ Москвѣ) требникъ, жезлъ и священническую одежду, съ которой князь Иванъ (любимецъ Петра II) велѣлъ снять для себя драгоцѣнные камни, чтобы ими украсить свои наряды“ [5]).

Изъ храмовъ, возникшихъ въ 18 в. и болѣе замѣчательныхъ, иностранцы упоминаютъ лишь о немногихъ въ

---

[1]) Дневн. Берхг. I. 114, 131..

[2]) Веберъ Р. Арх. 1872 г. 1360.

[3]) Зап. Манштейна 8.

[4]) Разсказы о польск. стар. т. 2. 144.

[5]) Сбор. р. ист. общ. т. 5 стр. 376.

Петербургѣ. Берхгольцъ, видѣвшій въ теченіи 1721—1725 г. всѣ петербургскіе соборы и церкви такъ описываетъ ихъ. „Близь зданія адмиралтейства, по направленію къ галерной гавани (нынѣ улица), строится прекрасная каменная церковь (св. Исаакія), которая будетъ принадлежать къ нему. Послѣ крѣпостной церкви (т. е. Петропавловской), она, говорятъ, будетъ лучшею въ Петербургѣ, потому что всѣ прочія, исключая церкви князя (Меньшикова), плохія деревянныя. Кромѣ этихъ двухъ церквей, т. е. крѣпостной и адмиралтейской, самыя красивыя здѣсь: Церковь Св. Троицы и та, которую выстроилъ князь Меньшиковъ на Васильевскомъ острову, недалеко отъ своего дома. Послѣдняя каменная, но первая, находящаяся по ту сторону рѣки, у зданія Коллегій, деревянная, съ широкою открытою колокольнею, на которой много колоколовъ... Ее обыкновенно посѣщаетъ царь во время богослуженій. На церкви князя Меньшикова, внутри хорошо расписанной и вызолоченной, есть также небольшая красивая башня, съ порядочными курантами. Крѣпостная церковь—самая большая и красивая въ Петербургѣ; при ней высокая колокольня въ новомъ стилѣ, крытая мѣдными, ярко вызолоченными листами, которые необыкновенно хороши при солнечномъ освѣщеніи. Но внутри этотъ храмъ еще не совсѣмъ отдѣланъ... Эта прекрасная церковь построена вся изъ камня и не въ византійскомъ, а въ новомъ вкусѣ, внутри съ крѣпкими сводами и колоннами, снаружи съ великолѣпнымъ портикомъ, находящимся подъ колокольнею. Но кромѣ этихъ сводовъ, колоннъ и оконъ въ ней еще ничего не готово“ [1]). Графъ Гордтъ, видѣвшій Петропавловскій соборъ въ окончательной отдѣлкѣ, во всемъ его величіи, такъ отзывается о немъ: „по архитектурѣ это одинъ изъ прекраснѣйшихъ храмовъ, какіе только существуютъ“ [2]). Въ 1768 г. была торжественно совершена, въ присутствіи

---

[1]) Берхг. I, 114—115.

[2]) Р. Арх. 1877. 2. 309.

ПУБЛ. ... З. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.

самой императрицы Екатерины II и при ея личномъ участіи, закладка знаменитаго Исаакіевскаго собора. Въ числѣ присутствовавшихъ при этой торжественной церемоніи находился и англійскій посланникъ, Лордъ Каскартъ, описавшій самую церемонію. На мѣстѣ закладки храма, подъ тріумфальной аркой, возвышалась платформа, откуда императрица могла подойти къ аналою, на которомъ лежалъ камень съ надписью, медалями и монетами. Въ назначенный часъ государыня прибыла на мѣсто, предшествуемая епископами, архимандритами и прочими лицами высшаго духовенства, вмѣстѣ съ придворными пѣвчими. Духовенство размѣстилось на платформѣ и отслужило молебенъ. Затѣмъ императрица положила камень, медали и монеты въ другой большій камень, гдѣ отчасти окружила ихъ известью; тоже сдѣлалъ Великій князь Павелъ Петровичъ, англійскій посланникъ и другіе вельможи. Потомъ императрица помогла опустить камень на предназначенное ему мѣсто, находившееся на значительной глубинѣ. Въ заключеніе архимандритъ Платонъ (впослѣдствіи митрополитъ Московскій) сказалъ краснорѣчивую проповѣдь. Объ этой церемоніи Лордъ Каскартъ замѣчаетъ, что онъ никогда не видѣлъ такого торжественнаго и великолѣпнаго зрѣлища [1]).

Описывая наши храмы, иностранцы, никогда не забывали отмѣтить еще одну особенность, рѣзко бросавшуюся имъ въ глаза—это обиліе колоколовъ на колокольняхъ и любовь русскихъ къ колокольному звону. Москва и въ этомъ отношеніи превосходила другіе города: здѣсь было и больше колоколовъ, и самые колокола отличались большими размѣрами. Особенно вниманіе иностранцевъ обращала на себя колокольня „Иванъ Великій“, съ своимъ громаднымъ колоколомъ, предъ чудовищною величиною котораго иностранцы останавливались съ изумленіемъ, не видѣвъ, по собственному сознанію, нигдѣ ничего подобнаго. Фандербекъ говоритъ,

---

[1]) Сбор. р. ист. общ. т. 12 стр. 349—351.

что „подобнаго славному, мѣдному, московскому колоколу, который имѣетъ въ поперечникѣ 25 футовъ, весь міръ ничего не видывалъ доселѣ“ [1]). По словамъ Бруина, этотъ колоколъ вѣсилъ 8 т. пудовъ и былъ вылитъ въ царствованіе Годунова [2]). Во время пожара въ 1701 г. онъ упалъ съ колокольни и въ то время, когда видѣлъ его Бруинъ, лежалъ подлѣ колокольни. Но вѣроятно впослѣдствіи онъ былъ снова поднятъ на прежнее мѣсто, потому что Веберъ въ 1716 г., а потомъ Берхгольцъ въ 1722 г., видѣли его уже висящимъ на колокольнѣ [3]). Кромѣ этого колокола на той же колокольнѣ было много еще другихъ прекрасныхъ и большихъ колоколовъ, висѣвшихъ въ окнахъ различныхъ ярусовъ колокольни. Бруинъ насчитываетъ ихъ 17 [4]). Но не одна только колокольня „Иванъ Великій“ была такъ богата колоколами. Много ихъ было и на другихъ колокольняхъ [5]), не смотря на то, что Петръ I послѣ нарвскаго пораженія значительно умепьшилъ ихъ, приказавъ перелить цѣлыя тысячи ихъ въ пушки [6]). Вслѣдствіе множества колоколовъ звонъ колокольный въ Москвѣ былъ безъ конца [7]), особенно въ великіе праздники. „Торжество сихъ дней“,—говоритъ Корбъ, перечисливши главные праздники православной церкви,—„сопровождается безпрерывнымъ и непріятнымъ колокольнымъ звономъ“ [8]), По словамъ нѣкоторыхъ иностранцевъ, русскіе любили звонить много и часто не потому только, что колокольный звонъ услаждалъ ихъ слухъ, но и потому еще, что

---

[1]) Сынъ Отечества 1842. кн. 1. стр. 27.

[2]) Кажется, Бруинъ здѣсь ошибается. Судя по его описанію, это тотъ колоколъ, который вылитъ былъ при Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1655 г. (Религ. быт русск. Рущанскаго 70 стр.).

[3]) Веберъ Р. Арх. 1872 г. 1363 стр. Берхг. II, 28—29.

[4]) Путеш. Бруина, Чт. въ общ. ист. и др. р. 1872 г. 2. IV. 81.

[5]) Берхг. II, 147. Веберъ Р. Арх. 1872 г. 1359.

[6]) Зап. Бассевича, Р. Арх. 1865 г. 602. Фоккер. Чт. въ общ. ист. и др. р. 1874. 2. IV. 44 и др.

[7]) Веберъ Р. Арх. 1872 г. 1359.

[8]) Чтен. въ общ. ист. и др. р. 1867. 3. IV. 271.

придавали ему особенное значеніе. „Въ большіе праздники и особенно на святой недѣлѣ—говоритъ Веберъ—простолюдины неудержимо стремятся на колокольни, чтобы позвонить; они вѣрятъ, что отъ такого усердія и уши ихъ и другія дѣла пребудутъ благополучны на слѣдующій годъ“ [1]). Впрочемъ, Брунъ не соглашается съ тѣми иностранными писателями, которые думали, что „русскіе приписываютъ колоколамъ особенное достоинство, пріятное Богу“; по его мнѣнію, „русскіе только освящаютъ колокола и звонятъ въ нихъ по большимъ праздникамъ, во время богослуженія“ [2]). Но что русскіе питали нѣчто въ родѣ благоговѣйнаго уваженія къ колоколамъ, это можно видѣть изъ того, что женщины не считались достойными звонить въ колокола и допускались на колокольню только на святой недѣлѣ. Баронъ Гюйссенъ отмѣчаетъ, какъ особенный фактъ, то обстоятельство, что послѣ полтавской побѣды, праздновавшейся въ Москвѣ, между прочимъ, восьмидневнымъ колокольнымъ звономъ, звонили и женщины и дѣвушки, „что обыкновенно женскому полу дозволяется только на свѣтлой недѣлѣ“ [3]).— На сколько любили колокольный звонъ русскіе, на столько же онъ не нравился иностранцамъ. Казанова, описывая свою прогулку, по Москвѣ, говоритъ, что онъ вынесъ одно только впечатлѣніе: неумолкаемый звонъ колоколовъ, терзавшій ухо [4]). А графъ Гордтъ жаловался на колокольный звонъ даже въ Петербургѣ, гдѣ колоколовъ меньше было и звонъ ихъ рѣже раздавался. „Но что мнѣ непріятно было (во время заключенія въ Петропавловской крѣпости)—говоритъ онъ—такъ это колокольный звонъ, который въ Россіи не прекращается, можно сказать, ни день ни ночь. Безпрерывный этотъ звонъ безъ сомнѣнія требуется греческимъ обрядомъ, но за то нигдѣ, можетъ быть, сосѣдство церкви

[1]) Р. Арх. 1872 г. 1359.

[2]) Чт. въ общ. ист. и др. р. 1872. 2. IV. 84.

[3]) Собраніе разныхъ записокъ... Туманскаго т. 8, 126 стр.

[4]) Р. Старина 1874 г. I. 547.

не составляетъ большаго неудобства, чѣмъ здѣсь“ [1]).—Въ началѣ 18 в. былъ въ большомъ ходу обычай украшать колокольни часами съ курантами, разыгрывавшими псалмы. Такіе часы были въ Москвѣ, напр. на церкви князя Меньшикова [2]); но особенно много ихъ было въ Петербургѣ. Такъ, на колокольнѣ Троицкой церкви были не большіе куранты, игравшіе сами собою чрезъ каждую четверть часа, „Господи помилуй“; были также куранты на церкви князя Меньшикова; но особенно хороши и велики были куранты, помѣщавшіеся на колокольнѣ крѣпостной Петропавловской церкви; они стоили Петру 55 т. руб.; на нихъ играли каждое утро отъ 11—12 часовъ; кромѣ того, каждые полчаса и часъ они играли еще сами собой, приводимые въ движеніе большою желѣзною машиною съ мѣднымъ валомъ [3]).

Къ особенностямъ нашего церковно-богослужебнаго быта, обращавшимъ на себя вниманіе иностранцевъ и въ 18 в. и прежде, принадлежитъ еще одна—это чрезвычайно широкое распространеніе въ народѣ иконъ и вообще священныхъ изображеній и глубокое уваженіе къ нимъ. Недостатокъ религіознаго просвѣщенія дѣлалъ для народа иконы существенною необходимостію: онѣ замѣняли для него все въ христіанствѣ: и догматы, и знаніе церковной исторіи и даже богослуженіе. Поэтому иконы всегда имѣли самое широкое примѣненіе въ нашемъ религіозномъ быту. Онѣ составляли необходимую принадлежность и украшеніе нашихъ храмовъ; не только иконостасы были уставлены ими, но и всѣ стѣны сверху до низу расписывались священными изображеніями, и при томъ какъ извнутри такъ и извнѣ [4]). Богослужебныя книги испещрялись изображеніями святыхъ и различныхъ событій библейской и евангельской исторіи [5]).

[1]) Р. Арх. 1877. 2. 307.

[2]) Р. Арх. 1872 г. 1360.

[3]) Берхг. I, 114. 115. 141.

[4]) Путеш. Брунна Чт. въ общ. ист. и др. р. 1872. 2. IV. 143. Берхг. II, 26. 27. 146 и др.

[5]) Путеш. Брунна, Чт. въ общ. ист. и др. р. 1872. 2. IV. 146. Берхг. II, 144.

Ни одинъ видъ общественнаго или частнаго богослуженія не совершался безъ иконъ; предъ ними молились въ храмѣ, ихъ носили при крестныхъ ходахъ, употребляли при совершеніи крещенія, при похоронахъ; послѣ бракосочетанія родители новобрачныхъ благословляли ихъ образами [1]). Заболѣвалъ ли кто, священникъ въ торжественномъ ходѣ отправлялся съ иконою въ домъ больнаго и прикасался ею къ головѣ больнаго [2]). Словомъ ни одинъ обрядъ религіозный не совершался безъ иконъ. Но церковно богослужебнымъ употребленіемъ иконъ далеко не обнимаются всѣ случаи примѣненія ихъ въ религіозномъ быту русскихъ 18 в. Иностранцамъ приходилось видѣть ихъ не въ однихъ только храмахъ и не при богослуженіи только; онѣ попадались имъ на глаза и на улицахъ, и въ многочисленныхъ часовняхъ, стоявшихъ, по словамъ Бассевича, на всѣхъ перекресткахъ Москвы [3]) и даже на судахъ военныхъ. Перри разсказываетъ, что Петръ, осматривая флотъ въ Воронежѣ, нашелъ каюты кораблей наполненными иконами и велѣлъ оставить на каждомъ кораблѣ только по одной иконѣ, а всѣ прочія убрать, говоря, что достаточно будетъ и одной, чтобы креститься передъ ней [4]). Корбъ и Берхгольцъ передаютъ, что у насъ былъ обычай на мѣсто пожара выносить, такъ называемыя, пожарныя иконы: „это родъ небольшихъ знаменъ“,—объясняетъ Берхгольцъ—„съ изображеніями нѣкоторыхъ святыхъ, которые, по мнѣнію народа, могутъ останавливать дѣйствіе огня“ [5]). Наконецъ иконы составляли

---

[1]) Разсказы о польской старинѣ. т. 2 стр. 154.

[2]) Корбъ, Чт. въ общ. ист. и др. р. 1867. 1. IV. 156—8. При Петрѣ I этотъ обычай былъ отмѣненъ и вообще хожденіе съ иконами въ дома прихожанъ запрещено указомъ Св. Синода отъ 21 Февр. 1722 г. (Полн. собр. постановленій по вѣдомству Православ. Исповѣд. т. 2, № 419), но противъ этого запрещенія возстали члены Сената, а потомъ при Екатеринѣ I члены верховнаго тайнаго совѣта. (Ист. Соловьева т. 18 стр. 318. 328).

[3]) Р. Арх. 1865 г. 575.

[4]) стр. 144—5.

[5]) Чтен. въ общ. ист. и др. р. 1867 г. 1. IV. 163. Берхг. II. 273.

необходимую принадлежность каждаго частнаго дома. Ими уставлялись обыкновенно всѣ стѣны въ домахъ[1]); преимущественно же въ переднемъ, почетномъ углу, противъ двери, помѣщалось много иконъ[2]), такъ что въ каждомъ домѣ, по словамъ аббата Шаппа, было нѣчто въ родѣ маленькой часовни[3]). До 18 в. обычай имѣть въ домахъ множество иконъ былъ общимъ для всѣхъ классовъ общества и чѣмъ кто знатнѣе и богаче былъ, тѣмъ больше можно было увидѣть въ его домѣ иконъ. Но въ 18 в. этотъ обычай удержался во всей силѣ только въ средѣ простаго народа; въ высшихъ же слояхъ общества онъ мало по малу былъ оставленъ, и Петръ Великій первый подалъ примѣръ къ этому. По словамъ Перри, онъ первый собралъ въ своихъ собственныхъ домахъ и мѣстопребываніи число иконъ, ограничиваясь только Распятіемъ, или изображеніемъ Спасителя, и убѣдилъ и приближенныхъ своихъ, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ старыхъ бояръ, слѣдовать его примѣру[4]). Мѣсто иконъ въ домахъ богатыхъ и знатныхъ людей стали заступать теперь картины свѣтскаго содержанія. Иногда, впрочемъ, и тѣ и другія, и иконы и свѣтскія изображенія помѣщались въ одной и той же комнатѣ. Берхгольцъ разсказываетъ, что Герцогъ Голштинскій, при посѣщеніи Петра Андреевича Толстого, невольно обратилъ вниманіе на двѣ совершенно различныя картины, повѣшенныя въ противоположныхъ углахъ комнаты: одна изображала кого-то изъ святыхъ, а другая—нагую женщину[5]). Этотъ случай довольно наглядно характеризуетъ отношеніе нашего высшаго общества къ обычаямъ старины въ переходную эпоху Петра Великаго, когда общество не успѣло

---

[1]) Разсказы о польской старинѣ т. 2. 155.

[2]) Перри 143.

[3]) Антидотъ. XVIII в. Бартенева т. 4. 247.

[4]) 144 стр.

[5]) Ч. I, 98.

еще отрѣшиться вполнѣ отъ взглядовъ и обычаевъ старины и въ тоже время уже повѣяло новымъ духомъ и новые иноземные обычаи стали вторгаться во внѣшнюю обстановку жизни. Но это, такъ сказать, двоевѣріе высшаго русскаго общества исчезло при дальнѣйшемъ усвоеніи европейскихъ обычаевъ, а съ нимъ исчезъ и обычай украшать и освящать дома иконами, какъ исчезли и многіе другіе, не всегда, впрочемъ, невѣжественные, обычаи благочестивой старины. Но если въ высшемъ обществѣ относились индифферентно къ иконамъ и даже совершенно изгоняли ихъ изъ домашняго употребленія, то въ простомъ народѣ, котораго мало коснулась западная новизна и западные обычаи, иконы сохранили и въ 18 в. все свое обязательное значеніе; область примѣненія ихъ въ религіозномъ быту была такъ же широка, какъ и въ предшествующіе вѣка, не смотря на нѣкоторыя попытки правительства ограничить слишкомъ широкое употребленіе ихъ. Такъ, при Петрѣ I запрещено было держать иконы на улицахъ и въ часовняхъ; указъ объ этомъ, по словамъ Берхгольца, удивилъ и поразилъ народъ и даже многихъ старыхъ вельможъ [1]). Петръ III заявлялъ намѣреніе сократить число иконъ даже въ церквахъ; призвавъ къ себѣ архіепископа новгородскаго Димитрія Сѣченова, „онъ далъ понять ему, что смотритъ на большое количество образовъ, находящееся во всѣхъ церквахъ, какъ на вкравшееся злоупотребленіе, и потому его воля такова, чтобы за сохраненіемъ только двухъ образовъ: Спасителя и Божіей Матери, всѣ остальные были уничтожены“ [2]). Но скоро послѣдовавшее низверженіе съ престола не дало времени Петру III осуществить это намѣреніе, достойное яраго протестанта.

---

[1]) Ч. II, 191—2. Бассевичъ Р. Арх. 1965 г. 575. Депеши Лефорта, Сборн. г. и. об. т. 3 стр. 347.

[2]) Донесеніе австр. посл. графа Мерси Аржанто. Сбор. русск. истор. общ. т. 18 стр. 371.

Широкому употребленію иконъ въ народѣ соотвѣтствовало и глубокое почтеніе къ нимъ. Это почтеніе выражалось въ тѣхъ же формахъ, въ какихъ оно выражается и теперь. Предъ иконами зажигали свѣчи и лампады [1]), осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ, клали поклоны и прикладывались [2]). Такъ чествовались иконы и въ церквахъ, при общественной молитвѣ, и въ домахъ, при частной молитвѣ. Народъ любилъ выражать свое почтеніе къ нимъ вездѣ, гдѣ только встрѣчалъ ихъ. Подъ вліяніемъ этого уваженія къ иконамъ сложился обычай при входѣ въ чужой домъ кланяться сперва иконамъ, а потомъ уже привѣтствовать хозяевъ. „Каждый, входящій въ комнату,—говоритъ Перри,—(приходитъ ли онъ въ гости, или по другому поводу) первымъ дѣломъ, переступивъ порогъ, крестится и говоритъ: „Господи помилуй“! и вмѣстѣ съ тѣмъ съ большимъ уваженіемъ кланяется образамъ, а потомъ обращается съ привѣтствіемъ къ хозяину дома и ко всему обществу. Въ домѣ же бѣднаго человѣка, гдѣ существуетъ только одинъ такой образъ, или изображеніе, и гдѣ бываетъ очень темно, а живопись уже стерта и цвѣтомъ похожа на цвѣтъ стѣнъ, потемнѣвшихъ отъ дыма, свойственнаго русскимъ избамъ, да гдѣ не всегда предъ образомъ горитъ и восковая свѣчка, которую зажигаютъ только по праздникамъ,—то чужому человѣку, входящему въ избу, трудно съ перваго раза разсмотрѣть, гдѣ находится изображеніе или образъ, и онъ первымъ дѣломъ спрашиваетъ: „а гдѣ же Богъ?“, на что кто нибудь изъ присутствующихъ указываетъ ему, на какомъ мѣстѣ стѣны виситъ образъ; онъ проявляетъ свою набожность, какъ выше сказано, а иногда, если имѣетъ расположеніе, то кланяется въ самую землю, касаясь голо-

---

[1]) Седербергъ, Чт. въ общ. ист. и др. р. 1873. 2. IV. 28. Антидотъ. 18 в. Вартенева т. 4. стр. 248.

[2]) Перри 113. Седербергъ, Чт. въ общ. ист. и др. р. 1873. 2. IV. 21. Зап. Казановы, Р. Стар. 1874. I. 543 и др.

вою объ полъ“ [1]). Въ высшемъ обществѣ этотъ обычай соблюдался еще въ началѣ 18 в., но съ теченіемъ времени мало по малу началъ вытѣсняться свѣтскими приличіями, основанными большею частію на подражаніи французскому обществу. Уваженіе народа къ иконамъ выражалось еще въ обычаѣ не вѣшать ихъ на гвоздяхъ,—такъ какъ это считалось не довольно почетнымъ,—а ставить на полкахъ [2]). Когда заходила рѣчь объ иконахъ, то самыя выраженія старались подбирать вполнѣ благоприличныя и соотвѣтствующія священному свойству предмета. Такъ, считалось недостаткомъ уваженія говорить о пріобрѣтенной иконѣ, что она куплена, а употреблялось выраженіе, что икона вымѣнена на деньги [3]). Въ Москвѣ существовалъ особый дворъ съ лавками (иконная площадь), гдѣ продавались иконы, и никто здѣсь не смѣлъ торговаться, но обязанъ былъ или платить запрошенную цѣну, или оставить лавку [4]).

Особеннымъ благоговѣніемъ окружено было почитаніе чудотворныхъ иконъ. Вѣра въ ихъ чудотворную силу была такъ велика, что того, кто дерзнулъ бы, говоритъ Веберъ, усомниться въ чудотворной силѣ напр. иконы Божіей Матери, писанной по преданію евангелистомъ Лукою, народъ растерзалъ бы на части [5]). Но съ другой стороны эта сильная вѣра, вслѣдствіе недостаточнаго религіознаго просвѣщенія народа, дѣлала очень легкимъ появленіе ложныхъ чудесъ и мнимо-чудотворныхъ иконъ и вообще открывала широкое поприще для тѣхъ, кому совѣсть не запрещала эксплуатировать въ свою пользу легковѣріе народа. Такъ Веберъ

---

[1]) Перри 143. Путеш. Брунна, Чт. въ общ. ист. и др. р. 1872 г. I. IV. 63. Седербергъ, Чт. въ об. ист. и др. р. 1873. 2. IV. 14. Сегюръ, 30. Разсказы о польск. стар. т. 2. 155 и др.

[2]) Перри 150.

[3]) Седербергъ, Чт. въ общ. ист. и др. р. 1873. 2. IV. 14. Перри 144.

[4]) Веберъ, Р. Арх. 1872. 2. 1357.

[5]) Седербергъ, Чтен. въ общ. истор. и др. р. 1873. 2. IV. 13. Веберъ Р. Арх. 1872 г. 1619.

разсказываетъ объ одномъ священникѣ въ Петербургѣ, который задумалъ обогатиться посредствомъ устроенныхъ имъ нѣкоторыхъ чудесныхъ дѣйствій иконы Божіей Матери, собирая съ легковѣрныхъ деньги ради чудотворной иконы. Какъ ни тайно велъ дѣла свои этотъ священникъ, но слухъ о новыхъ чудесахъ дошелъ до Петра (Вел.). Священникъ былъ вызванъ во дворецъ, куда принесена была также и икона чудотворная, чтобы она въ присутствіи царя совершила чудо; но священникъ тотчасъ же упалъ въ ноги, сознался въ обманѣ, вслѣдствіе чего былъ посаженъ въ крѣпость, гдѣ его подвергли тѣлесному наказанію и затѣмъ лишили сана. По этому поводу,—замѣчаетъ Веберъ—священникамъ дано предостереженіе, чтобы они отнюдь не противились спасительнымъ распоряженіямъ царя противъ суевѣрій и ложныхъ чудесъ, и чтобы они не укрѣпляли въ нихъ народъ, и безъ того склонный къ предразсудкамъ“ [1]). Иногда вѣра въ чудотворныя иконы, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, переходила и въ прямое суевѣріе. Архіепископъ московскій Амвросій, убитый во время чумы 1771 г., представляетъ печальный примѣръ жертвы подобнаго суевѣрія [2]). Въ своемъ почитаніи иконъ народъ нерѣдко переходилъ границы, установленныя догматомъ объ иконопочитаніи. Иконы, имѣющія своимъ назначеніемъ только напоминать тѣхъ, которые изображены на нихъ, иногда получали въ глазахъ народа самостоятельное значеніе, значеніе живыхъ существъ. Такъ Берхгольцъ говоритъ, что простой народъ смотрѣлъ на чудотворныя иконы, находящіяся въ Успенскомъ соборѣ, въ Москвѣ, какъ на божества [3]). Веберъ замѣчаетъ, что у русскихъ отъ всякой бѣды и для всякаго предпріятія есть особый святой заступникъ, или покрови-

---

[1]) Ibid. 1618.

[2]) Донесенія Англійск. посл. лорда Каскарта. Сборн. р. и. об. т. 19 стр. 235—6.

[3]) Ч. II. 27.

тель, и въ отдаленныхъ мѣстностяхъ государства, гдѣ царскіе указы не достигли еще полнаго приложенія и силы, „суевѣріе народа такъ велико, что, если, напр., кто нибудь увидитъ, что сосѣду его повезло счастье въ торговлѣ, урожаѣ, воспитаніи дѣтей и проч., то онъ беретъ у него на прокатъ его икону святаго, покровителя жатвы, или иную какую, и воздаетъ ей въ своемъ домѣ всевозможныя почести для достиженія счастливаго успѣха въ своемъ предпріятіи. Другіе берутъ святаго (т. е. икону) съ собою на поле, и если кто нибудь придетъ къ нимъ на домъ и спроситъ: гдѣ же ихъ святой, то хозяйка—мать, или дѣти отвѣчаютъ обыкновенно: онъ отправился въ поле“ [1]). Но такъ думалъ объ иконахъ и такъ смотрѣлъ на нихъ только простой народъ, и притомъ въ наиболѣе невѣжественной части своей; большинство же имѣло правильный взглядъ на иконопочитаніе, относя чествованіе не къ самимъ иконамъ по ихъ веществу, а къ тѣмъ святымъ, которые изображены на нихъ [2]).

Но и въ самомъ почитаніи святыхъ, по словамъ иностранцевъ, русскіе не всегда наблюдали границы, опредѣленные православнымъ вѣроученіемъ, не всегда, и не всѣ, смотрѣли на святыхъ только какъ на угодниковъ и слугъ Божіихъ, ходатайствующихъ за насъ предъ Богомъ и приносящихъ къ Нему наши молитвы, или по крайней мѣрѣ, не всегда на практикѣ полагали строгое различіе между почитаніемъ, приличнымъ Богу, и почитаніемъ, приличнымъ святымъ. Всѣ иностранцы единогласно свидѣтельствуютъ, что у насъ изъ всѣхъ святыхъ наибольшее уваженіе оказывалось святителю Николаю. Дни, посвященные его памяти, праздновались съ особенною торжественностію и въ честь его болѣе всего было построено храмовъ; къ нему чаще всего обращались съ молитвою и ему воздавались почести почти божескія. „Изъ всѣхъ своихъ святыхъ—говоритъ Перри—русскіе св. Николаю (или

[1]) Р. Арх. 1872 г. 1619.
[2]) Перри 144. Корбъ, Чт. въ общ. ист. и др. р. 1867. 1. IV. 162.

св. Николая) всего больше уважаютъ и часто говорятъ объ немъ такъ же, какъ говорятъ о Богѣ; напр , если спросить ихъ, какъ мнѣ случалось это дѣлать, проѣзжая по озерамъ Онегѣ, Ладогѣ....; далеко ли до такого-то мѣста? какъ много времени потребно имъ, чтобы совершить въ лодкахъ своихъ такой-то переѣздъ?—Они тотчасъ же отвѣчаютъ вамъ, что „если угодно Св. Николѣ“, или: „когда св. Никола пошлетъ имъ попутный вѣтеръ“, то они обыкновенно совершаютъ путешествіе въ такой-то срокъ“ [1]). Такое же свидѣтельство мы находимъ и у другихъ иностранцевъ, и притомъ не только у протестантовъ, склонныхъ по своимъ религіознымъ воззрѣніямъ неодобрительно смотрѣть на почитаніе святыхъ, но и у католиковъ, которые могли еще у себя, на родинѣ, свыкнуться съ преувеличенными формами набожности. Вотъ что говоритъ одинъ изъ этихъ послѣднихъ, Казанова: „русскіе суевѣрнѣйшій народъ въ цѣломъ свѣтѣ. Св. Николаю, ихъ патрону, одному воздается болѣе молитвъ и земныхъ поклоновъ, чѣмъ всѣмъ остальнымъ святымъ календаря въ совокупности. Русскій молится не Богу: онъ поклоняется св. Николаю и ему возноситъ свои моленія. Вы найдете здѣсь вездѣ образъ этого святого; его икону я видѣлъ и въ столовыхъ залахъ, и въ кухняхъ, и однимъ словомъ, всюду, гдѣ бы то ни было. Это ихъ домашнее божество, ихъ богъ-ларъ“ [2]). Не придавая полной достовѣрности этому свидѣтельству, какъ слишкомъ преувеличенному, нельзя однако, въ виду единогласнаго свидѣтельства другихъ иностранныхъ писателей, касавшихся этого предмета, не признать того факта, что простой темный народъ въ своемъ почитаніи св. Николая былъ близокъ къ обоготворенію его [3]).

---

[1]) Стр. 145. Седербергъ, Чт. въ общ. ист. и др. р. 1873. 2. IV. 14. Веберъ р. Арх. 1872. 1619 и др.

[2]) Р. Старина 1874. I. 543. Корбъ. Чт. въ общ. ист. и др. р. 1867. 3. IV. 268. Антидотъ. XVIII в. Баргенева т. 4. стр. 342.

[3]) Да и не одинъ только простой народъ, по своему невѣжеству, близокъ былъ къ обоготворенію Св. Николая. Невѣжество даже между духовенствомъ

На ряду съ этими крайними проявленіями почитанія иконъ и святыхъ иностранцы представляютъ факты и противоположнаго отношенія къ нимъ и даже совершеннаго отрицанія ихъ. Такъ Веберъ разсказываетъ, что „одинъ русскій священникъ, по имени Ѳома [1]), дерзнулъ въ Москвѣ открыто проповѣдывать противъ русской религіи, противъ чествованія иконъ и др. подобныхъ вещей. Вначалѣ духовенство увѣщевало его отказаться отъ своего лжеученія; но когда онъ все таки не обращался на истинный путь и даже въ праздникъ св. Алексѣя (1714 г.) вторгся въ церковь во время общественнаго богослуженія, изрубилъ топоромъ въ щепы икону сказаннаго святого и Божіей Матери [2]) и притомъ началъ было еще сильнѣе объяснять народу нелѣпости русской вѣры,—его схватили, посадили въ тюрьму и послѣ наряженнаго совѣщанія и суда надъ нимъ, сожгли въ Москвѣ живаго, при чемъ онъ, держа въ огнѣ руку съ топоромъ согласно приговору, обнаружилъ непоколебимую твердость во все время, пока пламя пожирало его тѣло и до послѣдняго издыханія не переставалъ проповѣдывать народу“ [3]). Другой подобный же случай былъ въ Москвѣ въ 1720 г. Одинъ плотникъ, изъ закоренѣлыхъ раскольниковъ, пришелъ въ Москву и въ сентябрѣ 1720 г., въ день торжественнаго крестнаго хода, въ воспоминаніе избавленія Москвы отъ осаждавшихъ татаръ, бросился съ дубиною на архіерея и

было еще такъ велико въ концѣ 18 в., что, напр., одинъ священникъ на экзаменѣ, въ присутствіи преосв. Тихона (Малинина), еп. воронежскаго и елецкаго, сказалъ, что св. Николай есть одно изъ лицъ Пресв. Троицы. (Орловскія Епарх. вѣдом. 1868 г. № 23. стр. 1858.).

[1]) Веберъ ошибается: Ѳома (Ивановъ) былъ не священникомъ, а цырюльникомъ и однимъ изъ самыхъ рьяныхъ послѣдователей извѣстнаго московскаго еретика Тверитинова, о которомъ однако же ни Веберъ, ни Берхгольцъ, описавшій со словъ голштинскаго посланника Штамке, казнь Ѳомы, не упоминаютъ (Истор. Соловьева т. 16 стр. 337—44).

[2]) Объ этой послѣдней ни Соловьевъ (16 т. 343) ни Знаменскій (руковод. къ р. ц. истор. 332) ничего не говорятъ.

[3]) Р. Арх. 1872 г. 1147—8. Берхг. II. 283–4.

ударилъ нѣсколько разъ по иконѣ, осыпанной алмазами и драгоцѣнными камнями. Тогда одинъ солдатъ ранилъ шпагою правую руку раскольника и выхватилъ у него дубину. Преступника связали и привезли въ Петербургъ. На допросѣ онъ сознался, что убилъ бы и самого царя, еслибы тотъ находился въ крестномъ ходѣ. Преступникъ былъ сожженъ по приговору суда [1]).—Въ 1724 г. совершено торжественное перенесеніе мощей Александра Невскаго изъ Владиміра въ Петербургъ, въ нововыстроенный монастырь имени святого. Во время слѣдованія мощей въ монастырь гробъ окружала необъятная толпа зрителей, одни изъ нихъ крестились и кланялись, другіе въ чувствѣ благоговѣйнаго умиленія плакали; „но были—говоритъ Борхгольцъ—и такіе, которые смѣялись, или смотрѣли съ сожалѣніемъ на слѣпую и глупую толпу“ [2]) Если Берхгольцъ—не разумѣетъ здѣсь только себя и тѣхъ иностранцевъ, которые присутствовали при этомъ торжествѣ, то это замѣчаніе характерно для своего времени—времени распространенія въ высшемъ обществѣ и даже въ массѣ народа (Тверитиновъ, Ѳома Пановъ и др.) вольнодумства и протестантскихъ воззрѣній, на что такъ часто жаловались нѣкоторые архипастыри первой четверти 18 в. (напр. Аѳанасій холмогорскій, Димитрій ростовскій, Стефанъ Яворскій и др.) [3]).

Какъ на особенность нашего иконопочитанія, иностранцы указываютъ еще на отсутствіе у насъ рѣзныхъ и изваянныхъ изображеній. Наши предки отвергали всякія пластическія изображенія на томъ основаніи, что въ десятословіи запрещено поклоняться и служить всему то-

---

[2]) Обозрѣніе иностранныхъ извѣстій о Россіи въ вѣкъ Петра Вел. Донесенія французск. посланниковъ и агентовъ при русскомъ дворѣ, извлеченныя изъ архивовъ Тургеневыхъ. Журн. Мин. Нар. Просв. Ч. XXXVII, отд. II, стр. 166.

[2]) Ч. IV, 84.

[3]) Рук. въ р. п. ист. Знаменскаго 331.

му, что изваяно [1]). Это запрещеніе до 18 в. понималось такъ строго, что примѣнялось даже къ пластическимъ изображеніямъ, не имѣвшимъ священнаго характера; но съ 18 в. статуи и бюсты дѣлаются обычнымъ украшеніемъ садовъ и домовъ богатыхъ людей.—Что касается живописи нашихъ иконъ, то, говоря вообще, иностранцы были не высокаго о ней мнѣнія, насколько можно судить объ этомъ по тѣмъ двумъ, тремъ отзывамъ, какіе мы нашли въ мемуарахъ иностранцевъ. Бруинъ, видѣвшій лучшіе образцы нашей церковной живописи въ иконахъ кремлевскихъ церквей, и могшій правильно судить о нихъ, будучи самъ искуснымъ художникомъ, отзывается однако-же объ нихъ довольно пренебрежительно, замѣчая, что „есть изображенія не дурной работы, греческаго пошиба“ [2]). Объ иконѣ Божіе Матери, писанной, по преданію, евангелистомъ Лукою, онъ говоритъ: „образъ этотъ чрезвычайно темный и почти даже черный; но не знаю, было ли это вліяніе времени, или копоть отъ восковыхъ свѣчей, или же наконецъ вкусъ или пошибъ живописи. Какъ бы то ни было, только вѣрно то, что произведеніе не изъ замѣчательныхъ“ [3]). Берхгольцъ повидимому хвалитъ нашу церковную живопись. Описывая главныя кремлевскія церкви, онъ говоритъ, что всѣ онѣ внутри прекрасно расписаны и вызолочены [4]). Но этотъ отзывъ, по своей неопредѣленности, не много говоритъ въ пользу искусства нашихъ живописцевъ. Если же иностранцы отзывались такъ о лучшихъ образцахъ нашей церковной живописи, то конечно нельзя ожидать отъ нихъ хорошихъ отзывовъ объ иконахъ, которыя имъ приходилось видѣть въ домахъ простолюдиновъ, не могшихъ по весьма понятной причинѣ—недостатку средствъ—имѣть болѣе или

---

[1]) Корбъ, Чт. въ общ. ист. и др. р. 1867. 3. IV. 267. Перри 113—4.
[2]) Чт. въ общ. ист. и др. р. 1872. 2. IV. 143.
[3]) Ibid.
[4]) Ч. II, 26. 28. 146.

менѣе изящныхъ иконъ. Коксъ, описывая внутренность избы новгородскаго крестьянина, говоритъ объ иконахъ, находившихся тамъ, что всѣ онѣ были грубо написаны на деревѣ и большею частію не имѣли никакого человѣческаго подобія [1]).—Вообще, кажется, русскіе не столько обращали вниманіе на художественную сторону иконъ, сколько на украшеніе ихъ золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями, и иностранцамъ приходилось видѣть иконы въ этомъ отношеніи замѣчательныя, и притомъ не только въ церквахъ, но и у частныхъ лицъ. Такъ Веберъ видѣлъ у князя Гагарина икону, которая вся была осыпана драгоцѣннѣйшими брилліантами и стоила князю, какъ увѣряли Вебера ювелиры, 130 т. руб. сер. [2]). Даже у людей сравнительно не богатыхъ можно было найти, по словамъ аббата Охотскаго, иконы въ богатыхъ золотыхъ и серебряныхъ ризахъ [3]). Съ особенною заботливостію и усердіемъ украшались иконы Божіей Матери; онѣ отдѣлывались обыкновенно золотомъ, серебромъ, жемчугомъ и вообще драгоцѣнными камнями [4]).

Если мы обратимся теперь отъ церковно богослужебнаго быта русскихъ 18 в. къ частной, практической жизни ихъ, или, точнѣе, къ тѣмъ проявленіямъ этой жизни, которыя носятъ на себѣ печать религіозно-нравственнаго характера народа, то и въ этой области замѣтимъ туже наклонность русскаго народа къ внѣшнему обрядовому благочестію, туже привязанность его къ внѣшнимъ формамъ и пріемамъ благочестія, которая такъ бросалась въ глаза иностранцамъ въ обиліи церковно-богослужебныхъ обрядовъ, религіозныхъ церемоній и обычаевъ, въ обиліи храмовъ и доброшумныхъ колоколовъ и въ преувеличенномъ почитаніи иконъ и святыхъ. Но говоря объ обрядовомъ

---

[1]) Р. Старина 1877. 2. 24.
[2]) Р. Арх. 1872 г. 1385.
[3]) Разсказы о польской старинѣ т. 2. 154.
[4]) Перри 144.

направленіи религіозности русскаго народа въ 18 в., мы имѣемъ въ виду по преимуществу народъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. простой народъ, почти нетронутый просвѣщеніемъ 18 в, такъ какъ къ этой собственно части русскаго общества и относятся замѣтки иностранцевъ, характеризующія религіозность русскаго народа въ 18 в. Что касается высшаго образованаго общества, то оно въ своей религіозной жизни не представляло для иностранцевъ почти никакихъ особенностей сравнительно съ тѣмъ, что они видѣли въ этомъ отношеніи у себя, на западѣ. Оно отличалось, особенно во 2 й половинѣ 18 в., тѣмъ же индифферентизмомъ, тою же безрелигіозностію, какіе господствовали въ это время вездѣ на западѣ. Поэтому иностранцы почти не находили въ жизни нашего высшаго общества данныхъ для характеристики его религіозности въ частномъ житейскомъ быту. Ихъ вниманіе обращалъ на себя главнымъ образомъ простой народъ, поражавшій ихъ своимъ контрастомъ съ высшими слоями общества. Этотъ контрастъ рѣзче всего обнаруживался, конечно, въ центрахъ нашей интеллигенціи, въ Москвѣ и Петербургѣ, гдѣ собранъ былъ цвѣтъ высшего общества. Вотъ что говоритъ, напр., Сегюръ объ этой рѣзкой противоположности различныхъ классовъ петербургскаго населенія. „Петербургъ представляетъ уму двойственное зрѣлище; здѣсь въ одно время встрѣчаешь просвѣщеніе и варварство, слѣды X и XVIII в., Азію и Европу, скиѳовъ и европейцевъ, блестящее гордое дворянство и невѣжественную толпу. Съ одной стороны модные наряды, богатые одежды, роскошные пиры, великолѣпныя торжества, зрѣлища, подобныя тѣмъ, которыя увеселяютъ избранное общество Парижа и Лондона; съ другой купцы въ азіатской одеждѣ, извощики, слуги и мужики въ овчинныхъ тулупахъ, съ длинными бородами, съ мѣховыми шапками и рукавицами, и иногда съ топорами, заткнутыми за ременными поясами. Эта одежда, шерстяная обувь и родъ грубаго котурна на ногахъ напоминаютъ скиѳовъ,

даковъ, роксолановъ и готовъ, нѣкогда грозныхъ для римскаго міра“ [1])... Таже противоположность въ большей или меньшей степени замѣчалась и вездѣ и касалась не внѣшности только, но и понятій и воззрѣній. Вообще со времени реформъ Петра Великаго, сблизившихъ Россію съ западною Европою, вдвинувшихъ ее въ семью европейскихъ государствъ, — высшій классъ общества и простой народъ, прежде неразрывно связанные между собою единствомъ склада религіознаго сознанія и жизни, теперь далеко разошлись, до рѣзкой противоположности. Въ то время, какъ высшее образованное общество жило уже общею съ другими европейскими народами жизнію, или, по крайней мѣрѣ, старалось устроять свою жизнь по образцу другихъ народовъ, заимствуя у нихъ ихъ нравы, обычаи, одежду и даже языкъ [2]), и усвоя самый духъ, направленіе, господствовавшее въ духовной жизни этихъ народовъ — простой народъ все еще тяготѣлъ къ старинѣ, все еще жилъ идеалами и формами, выработанными предшествующею его историческою жизнію. Набожность и благочестіе, сдѣлавшіяся очень рѣдкими въ высшемъ обществѣ, по прежнему составляли отличительныя черты простаго народа и налагали свою печать на всѣ проявленія его жизни. Эту набожность и благочестіе иностранные писатели 18 в. изображаютъ въ тѣхъ же чертахъ, въ какихъ изображали ихъ и писатели предшествующихъ вѣковъ и въ какихъ онѣ проявляются и теперь. Главныя требованія идеала религіозно-нравственной жизни, выработавшагося въ сознаніи русскихъ людей предшествующихъ вѣковъ, сохранили свою силу для простаго народа и въ 18 в. Эти требованія касались прежде всего соблюденія постовъ. По словамъ иностранцевъ, русскіе придавали постамъ особенное значеніе, видѣли въ нихъ существенную и необходимую принадлежность своей религіи [3]), и даже твердо вѣрили, что

[1]) Стр. 30.
[2]) Зап. Казановы Р. Стар. 1874. I. 538.
[3]) Седербергъ, Чт. въ общ. ист. и др. р. 1873 г. 2. IV. 32.

чистота ихъ религіи заключается преимущественно въ строгомъ соблюденіи постовъ [1]). При такомъ воззрѣніи на значеніе постовъ, народъ естественно склоненъ былъ строго относиться къ тѣмъ, которые не соблюдали ихъ, какъ къ иностранцамъ, такъ и своимъ. „Они (русскіе)—говоритъ Перри—считаютъ всѣхъ прочихъ людей, папистовъ и протестантовъ, еретиками и язычниками за то, что они ѣдятъ мясо, какъ собаки, которые не соблюдаютъ поста“ [2]). Еще съ большей строгостію осуждалъ народъ за несоблюденіе поста своихъ, русскихъ; даже въ концѣ 18 в., когда несоблюденіе поста сдѣлалось обычнымъ явленіемъ въ высшемъ обществѣ, и народъ, повидимому, долженъ былъ свыкнуться съ нимъ, онъ возмущался открытымъ нарушеніемъ поста. Такъ, по словамъ Гельбига, празднества, устраивавшіяся Потемкинымъ во время великаго поста, возбуждали ропотъ въ народѣ [3])·—Самъ народъ относился съ глубокимъ уваженіемъ къ установленіямъ церкви относительно постовъ. Иностранцы удивлялись продолжительности нашихъ постовъ и строгому соблюденію ихъ народомъ. Манштейнъ говоритъ, что у русскихъ непрерывные посты, которые они обязаны соблюдать по обряду православной церкви, такъ что они постятся три четверти года [4]). Точнѣе опредѣляетъ число и продолжительность нашихъ постовъ Корбъ. „По средамъ и пятницамъ,—говоритъ онъ,—русскіе вообще не ѣдятъ мяса; кромѣ того они постятся еще четыре раза въ годъ: 1) отъ воскресенья 40-дневнаго поста до Пасхи; 2) отъ воскресенья послѣ Пятидесятницы до праздника св. апостоловъ Петра и Павла; 3) отъ 1-го августа до праздника Успенія Пресвят. Богородицы и 4) отъ 10 (15?) ноября до Рождества Христова“ [5]). О характерѣ нашихъ постовъ Берхгольцъ замѣ-

---

[1]) Перри 149.
[2]) Ibid.
[3]) Р. Арх. 1868 г. № 4 и 5, стр. 824. (Депеша отъ $^{5}/_{16}$ іюня 1791 г.).
[4]) Стр. 121.
[5]) Чтен. въ общ. истор. и др. р. 1867. 3. IV. 272—3. Перри 149.

чаетъ вообще, что они гораздо строже католическихъ, потому что запрещаютъ ѣсть не только мясо, но и яйца, масло и молоко [1]). Особенною строгостію въ отношеніи пищи и внѣшняго поведенія отличалось время великаго поста. Корбъ былъ пораженъ внезапной, рѣзкой перемѣной, послѣдовавшей за шумною, разгульной масляницей, въ первую недѣлю великаго поста. „Сколько было на прошедшей недѣлѣ (масляницѣ)—говоритъ онъ—шума и шалостей, столько въ настоящую тишины и смиренія.. послѣдовало внезапное преобразованіе: лавки заперты, торги на рынкахъ закрыты, присутственныя и судебныя мѣста прекратили свои занятія; нигдѣ не подавали на столъ ни рыбы, ни кушаній съ деревяннымъ масломъ; наблюдался строжайшій постъ, чтобы умертвить плоть; питались только хлѣбомъ и земными плодами“ [2]). Въ такомъ же строгомъ воздержаніи проводилась и послѣдняя, страстная, недѣля поста „На страстной—говоритъ Берхгольцъ—не было ни баловъ, ни визитовъ...; русскіе въ продолженіи этой недѣли не выходятъ никуда, кромѣ церкви, и держатъ самый строгій постъ, даже не ѣдятъ рыбы, которая въ первыя шесть недѣль дозволяется“ [3]). Въ оффиціальномъ мірѣ въ первую и послѣднюю недѣлю великаго поста обыкновенно прекращались всякія занятія, и иностранные министры нерѣдко жаловались въ своихъ донесеніяхъ, что въ это время нельзя переговорить ни съ кѣмъ о дѣламъ [4]). Въ началѣ царствованія Петра Великаго посты строго соблюдались еще и въ высшемъ обществѣ; но скоро вліяніе иностранцевъ, стремленіе подражать имъ во всемъ, а главное, примѣръ самого царя и его двора [5]) значительно ослабили въ нѣкоторой части общества уваженіе къ постамъ и измѣнили самый

[1]) Ч. I. 121.
[2]) Чт. въ общ. истор. и др. р. 1867. 1. IV. 151.
[3]) Ч. II. 160.
[4]) Сбор. р. ист. общ. т. 15 стр. 272. т. 18 стр. 197.
[5]) Берхг. II, 160.

взглядъ на обязательность ихъ. „Въ началѣ этого царствованія (Петра I)—говоритъ Мардефельдъ—посты соблюдались такъ свято, что нарушавшихъ и отвергавшихъ ихъ предавали сожженію. Теперь пишутъ и учатъ публично, что посты не что иное, какъ людьми своевольно постановленные обряды; какъ объ нихъ учатъ, такъ и соблюдаютъ ихъ. Всѣ окружающіе императора, желая отличаться отъ простолюдиновъ, почти вовсе не соблюдаютъ постовъ, исключая нѣсколькихъ упрямыхъ стариковъ, не желающихъ отречься отъ вѣры своихъ отцовъ“ [1]). Въ этихъ словахъ, конечно, много преувеличеній; за несоблюденіе и отрицаніе однихъ постовъ у насъ никого не сожигали, по крайней мѣрѣ, при Петрѣ; не писали также и не учили публично, кромѣ, можетъ быть, протестантовъ, проживавшихъ въ Россіи, что „посты не что иное, какъ людьми своевольно постановленные обряды“; но то несомнѣнно, что съ самаго начала 18 в. въ общество стали проникать и распространяться протестантскіе взгляды на церковную обрядность вообще и на посты въ частности. Разумѣется, эти взгляды не были общими, господствующими во всемъ обществѣ; они находили себѣ сочувствіе и примѣненіе къ практической жизни по преимуществу между людьми новаго направленія и главнымъ образомъ между молодыми воспитанниками запада. Но ревнители старины, воспитанные въ духѣ благоговѣйнаго уваженія къ обрядности, чуждались такихъ взглядовъ и ревностно соблюдали посты. Веберъ говоритъ, что „хотя русскіе во многомъ отстали отъ своихъ прежнихъ обычаевъ, но именно въ постахъ они отнюдь не хотятъ дѣлать уступки, и тѣ знатные русскіе, которые, въ бытность мою въ Россіи, по болѣзненному состоянію не могли ѣсть мяса, потихоньку посылали большіе деньги къ главному патріарху въ Константинополь для того, чтобы испросить у него разрѣшеніе на мясную пищу“ [2]). Въ этой части обще-

[1]) Сбор. р. и. об. т. 15 стр. 204—5.

[2]). Р. Арх. 1872 г. 1620.

ства можно было еще встрѣтить въ первой половинѣ 18 в. такихъ суровыхъ постниковъ, которые въ строгости воздержанія не уступали набожнымъ людямъ 16 и 17 вв. Берхгольцъ, говоря о продолжительности великаго поста, замѣчаетъ, что тѣ, которые строго соблюдали его, дѣлались подъ конецъ такъ слабы, что едва могли ходить“ [1]). Лефортъ передаетъ о первой супругѣ Петра Великаго Евдокіи Лопухиной, что она, будучи, впрочемъ, уже монахиней и въ преклонныхъ лѣтахъ, во время великаго поста принимала пищу только два раза въ недѣлю, а на послѣдней седмицѣ только одинъ разъ [2]). По словамъ герцога Лирія, во время его пребыванія въ Россіи великій постъ соблюдался и въ высшемъ обществѣ съ величайшею строгостію, такъ что не бывало никакихъ увеселеній [3]). Это свидѣтельство нисколько не противорѣчитъ сказанному нами объ ослабленіи уваженія къ постамъ съ самаго начала 18 в. Время пребыванія Лирія въ Россіи (1728—1730) было временемъ господства Долгорукихъ и временемъ реакціи противъ западныхъ нововведеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ ослабленія церковныхъ уставовъ.—Со второй половины 18 в. мы уже не встрѣчаемъ у иностранцевъ замѣчаній, подобныхъ приведеннымъ, о строгомъ соблюденіи постовъ въ высшемъ обществѣ. Строгое воздержаніе перестало быть добродѣтелью, и несоблюденіе постовъ сдѣлалось чѣмъ то въ родѣ обычая или признака благовоспитанности въ высшемъ обществѣ.

Что касается простаго народа, не заразившагося ни мудрствованіями протестантизма, ни легкой, насмѣшливой, французской философіей, то въ немъ продолжалъ господствовать и въ 18 в. взглядъ его предковъ на строгое соблюденіе постовъ, какъ на выраженіе высшей набожности и благочестія и усердіе къ постамъ въ немъ никогда не осла-

---

[1]) Чт. II, 160.
[2]) Сбор. р. и. общ. т. 5, 306.
[3]) Письма о Россіи стр. 58

бѣвало. „Я всегда удивлялся—говоритъ Веберъ—тому, какъ ревностно крестьяне соблюдаютъ свои посты; причемъ нѣкоторые изъ нихъ до того суевѣрны, что и проѣзжему въ это время не продаютъ ни яицъ, ни молока“ [1]). По словамъ аббата Шаппа, у насъ крестьяне постомъ питаются лишь хлѣбомъ съ водою [2]). Другой аббатъ, Охотскій, отзывается о сибирякахъ, что они „посты соблюдаютъ такъ строго, что иные во весь постъ даже рыбы не ѣдятъ. Страстные четвергъ, пятницу и субботу ничего не ѣдятъ“ [3]). Строгость народа въ отношеніи постовъ доходила до крайности. Отступленія отъ строгаго воздержанія не дѣлалось ни ради возраста, ни ради слабости здоровья. По словамъ Перри, русскіе „во время болѣзни скорѣе умрутъ, чѣмъ примутъ какое-либо лѣкарство, не освѣдомившись предварительно и не получивъ удостовѣренія въ томъ, что оно не скоромно, т. е. не осквернено чѣмъ либо, происходящимъ отъ мяса“ [4]). „Русскіе—говоритъ Корбъ—считаютъ дѣломъ болѣе богоугоднымъ умереть, сохраняя постъ, нежели, подкрѣпивъ свои силы употребленіемъ въ пищу яицъ или мяса, спасти свою жизнь“. По его словамъ, еще въ началѣ царствованія Петра Великаго сохраняло всю свою силу прежнее постановленіе, чтобы врачи, прежде чѣмъ получить право заниматься практикой, давали подъ присягой обязательство, что въ постъ не будутъ давать такого лѣкарства, для составленія котораго надо употребить яйца, мясо, молоко, или коровье масло, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они ясно увидятъ, что больной безъ употребленія такого лѣкарства можетъ умереть въ самомъ скорѣйшемъ времени [5]).—Иностранцы порицали эту неумѣренную привязанность народа къ постамъ; въ ней они видѣли одну изъ главныхъ причинъ

---

[1]) Р. Арх. 1872 г. 1353.
[2]) Антидотъ. XVIII в. Барсенева т. 4-й, 245.
[3]) Разсказы о польской старн. т. 2. 155.
[4]) 149.
[5]) Чт. въ общ. ист. и др. р. 1867. 3. IV. 272.

сильнаго развитія болѣзней и смертности между рабочими людьми, матросами и солдатами, для которыхъ не всегда и не вездѣ можно достать здоровой постной пищи. По словамъ Вебера, Петръ желалъ отучить своихъ подданныхъ отъ ихъ суровыхъ постовъ, въ несоблюденіи которыхъ содѣйствовалъ имъ собственнымъ примѣромъ, „ибо такое строгое соблюденіе постовъ—замѣчаетъ онъ—низвело въ могилу несчетное множество матросовъ, солдатъ и рабочихъ людей“ [1]). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что относительно строгости постовъ Петръ ввелъ порядочныя измѣненія, особенно въ войскахъ, каковому доброму примѣру слѣдуютъ все болѣе и чаще тѣ, которые видѣли не одно только свое отечество, Россію [2]). Манштейнъ также указываетъ на строгое соблюденіе постовъ, какъ на обстоятельство, сильно способствующее развитію болѣзней въ русскихъ арміяхъ, въ чемъ онъ имѣлъ случай лично убѣдиться во время турецкой войны, при Аннѣ Іоанновнѣ, „...и народъ такъ суевѣренъ,—замѣчаетъ онъ—что не смотря на разрѣшеніе Синода во время похода питаться скоромнымъ, мало кто пользуется этимъ позволеніемъ; прочіе готовы лучше умереть, нежели употреблять грѣшную пищу“ [3]).

Эти свидѣтельства не оставляютъ сомнѣнія, что русскій народъ свою привязанность къ постамъ доводилъ до крайности. Но кончался постъ, наступали праздники, и народъ впадалъ въ другую, противоположную крайность—разгулъ, пьянство, невоздержность, какъ бы спѣша наверстать потерянное. Веберъ сближаетъ эти два противоположныя явленія въ жизни русскаго народа, поставляетъ ихъ въ причинную связь между собою. По его словамъ, простой народъ твердо былъ убѣжденъ, что если онъ будетъ свято соблюдать посты, то во всякое другое время можетъ

[1]) P. Арх. 1872 г. 1620.
[2]) Ibid. 1695.
[3]) 121.

жить въ свое удовольствіе [1]), и такое убѣжденіе онъ оправдывалъ на дѣлѣ самымъ необузданнымъ пьянствомъ въ праздничные дни. Всѣ иностранцы, бывшіе въ Россіи въ 18 в., единогласно отзываются о нехристіанскомъ препровожденіи народомъ праздничныхъ дней. Такъ, тотъ же Веберъ, описывая празднованіе Пасхи, говоритъ: „праздникъ Пасхи празднуется здѣсь съ особеннымъ великолѣпіемъ, и голодъ отъ строгаго и продолжительнаго предъ тѣмъ поста вознаграждается въ эти дни съ избыткомъ. Разгулъ и безуміе русскихъ въ эти дни неописанны и кто не былъ дюжину разъ пьянъ, тотъ, по ихъ мнѣнію, вовсе не благочестиво провелъ праздникъ“ [2]). Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: „хотя въ средѣ русскихъ есть не пьющіе рѣшительно ни какихъ крѣпкихъ напитковъ, но большинство считаетъ не достаточно добрымъ христіаниномъ того, кто захотѣлъ бы воздержаться отъ вина на масляницѣ, или въ какіе нибудь другіе большіе праздничные дни“ [3]). Перри рисуетъ мрачную картину народнаго пьянства, буйства и всякихъ безчинній въ праздничные дни. „Не смотря на то,—говоритъ онъ—что русскіе гордятся тѣмъ, что правильно соблюдаютъ посты и воздерживаются отъ мяса, но въ народѣ, а также между священниками, въ праздничные дни существуетъ обыкновеніе утромъ ходить въ церковь, а послѣ обѣда напиться пьянымъ до ночи, и чѣмъ больше праздникъ, тѣмъ болѣе считается это извинительнымъ и обычнымъ. Въ такое время, проѣзжая по улицамъ Москвы, въ вечеръ великаго праздника, вы видите священниковъ, равно какъ и другихъ людей, лежащихъ пьяными на улицахъ. Если кто либо заговоритъ съ ними, или подойдутъ къ нимъ, чтобы помочь имъ встать, они говорятъ: „воля твоя, батька праздникъ: я

---

[1]) P. Арх. 1872 г. 1353.
[2]) Ibid. 1067—8.
[3]) Ibid 1139.

пьянъ!...“ [1]). Немного ниже онъ говоритъ: „въ средѣ простаго народа еще господствуетъ обычай напиваться пьянымъ въ день праздника какого-либо святого, считая это знакомъ уваженія къ нему и дѣломъ религіознымъ. Такихъ праздничныхъ дней у нихъ бываетъ много въ году. Сколько безчинствъ, убійствъ и злыхъ дѣлъ связано съ этимъ обычаемъ, и все это отъ того, что священники не просвѣщаютъ ихъ; они даже присоединяются къ нимъ и поощряютъ примѣромъ своимъ. Я положительно тысячу разъ видалъ ихъ столь пьяными, что они не могли стоять на ногахъ... Предоставляю читателю судить: даже страшный грѣхъ содомскій въ этой странѣ почти не считается преступленіемъ; въ пьяномъ видѣ они очень къ нему склонны [2]). Ничего нѣтъ болѣе обыкновеннаго, какъ во время русской масляницы и въ другіе дни утромъ послѣ великихъ праздниковъ слышать о совершенныхъ убійствахъ и видѣть ограбленныхъ и убитыхъ людей, лежащихъ на улицахъ Москвы“ [3]). По свидѣтельству Корба, женщины также не уступали мужчинамъ въ невоздержаніи и даже превосходили ихъ; пьяныхъ женщинъ не рѣдко можно было встрѣтить валяющимися на

[1]) 147.

[2]) Къ сожалѣнію, это свидѣтельство, Перри, кажется не лишено нѣкотораго основанія. Народъ не далеко еще ушелъ отъ того времени и состоянія, которое такими мрачными красками изображаетъ сербъ Крижаничъ; въ немъ еще господствовали тѣ же чувственные инстинкты и тѣ же пороки, которые такъ бичуетъ этотъ славянскій патріотъ. Вотъ что Крижаничъ, котораго нельзя заподозрить въ злобной клеветѣ на русскіе нравы, говоритъ устами г. Соловьева объ этомъ порокѣ русскихъ: „У турокъ намъ должно учиться трезвости, стыдливости... Эти невѣрные не менѣе насъ грѣшатъ противоестественнымъ грѣхомъ, но они соблюдаютъ стыдливость: никто у нихъ не промолвится объ этомъ грѣхѣ... Въ Россіи же этотъ гнусный грѣхъ считаютъ шуткой. Публично, въ шутливыхъ разговорахъ одинъ хвастаетъ грѣхомъ, иной упрекаетъ другаго, третій приглашаетъ ко грѣху; недостаетъ только, чтобы при всемъ народѣ совершали преступленіе“ (Истор. Соловьева т. 13 стр. 198—9).

[3]) Перри 148.

улицахъ [1]). Для многихъ изъ простолюдиновъ этотъ пьяный разгулъ праздничный оканчивался очень печально: „Не проходитъ ни одного праздника,—говоритъ Фоккеродтъ—чтобы во всѣхъ большихъ городахъ не отвозили въ полицію множество простолюдиновъ, либо опившихся, либо лежавшихъ замертво пьяными на улицахъ и замерзшихъ" [2]). Пьянство, впрочемъ, было порокомъ не одного только простаго народа, оно составляло черное пятно въ жизни и высшихъ классовъ общества, особенно въ первой четверти 18 в. Ни одинъ праздникъ въ это время, ни одно торжество церковное, гражданское или частное семейное, не обходилось безъ сильныхъ кутежей между вельможами и при этомъ пили не только мужчины, но и женщины, иногда добровольно, чаще по принужденію. Нерѣдко эти кутежи оканчивались крупными ссорами и даже драками [3]). Къ чести высшаго общества нужно однако же сказать что эти грубые обычаи и нравы въ немъ въ концѣ уже первой половины и особенно во второй половинѣ 18 в., подъ цивилизующимъ вліяніемъ запада, стали смягчаться и уступать мѣсто болѣе мягкимъ формамъ общежитія и болѣе благороднымъ средствамъ развлеченія [4]). Много здѣсь значилъ также примѣръ двора и самаго государя. „При Петрѣ I,—говоритъ Манштейнъ,—такъ какъ и въ слѣдующія царствованія, при дворѣ сильно пили; не то было при Аннѣ. Она видѣть не могла пьянаго человѣка... Но чтобы вообще не совсѣмъ потеряли привычку пить, то 29 января, день восшествія на престолъ императрицы, было положено праздновать Бахусу. На этой церемоніи

---

[1]) Чт. въ общ. ист. и др. р. 1866. 4. IV. 56. 57. 1867. I, 147. 174.

[2]) Чт. въ общ. ист. и др. р. 1874. 2. IV. 111.

[3]) Перри 147—8. Берхг. Ч. I. 59—61. 84—5. 123—8. 212—13. Ч. II. 81—2. 243. 248—9 и др. Фоккеродтъ Чт. въ общ. ист. и др. р. 1874. 2. IV. 95.

[4]) См. напр. въ Зап. Сегюра изображеніе русскаго общества высшаго круга. Стр. 30. 32. 33. 42—44 и др.

каждый гость обязанъ былъ выпить по большому кубку венгерскаго вина, ставъ на одно колѣно предъ ея величествомъ“ [1]). Не будемъ долѣе останавливаться на этомъ печальномъ недугѣ русскаго народа, во всѣ вѣка составлявшемъ темную сторону его быта, и перейдемъ къ болѣе свѣтлымъ явленіямъ въ его нравственно религіозной жизни.

Одною изъ наиболѣе употребительныхъ и любимыхъ народомъ формъ выраженія своей набожности и благочестія во всѣ времена было подаяніе милостыни нищимъ. Высокое и святое чувство любви и милосердія къ бѣднымъ было всегда присуще сострадательному сердцу русскаго человѣка. Прекрасное само по себѣ, но не управляемое и не умѣряемое въ своихъ проявленіяхъ благоразуміемъ,—это чувство вело однакоже за собою одно зло: сильное развитіе нищенства. Частная благотворительность въ древней Руси, а отчасти и въ новой, проявлялась въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что давала средства для существованія громадному числу нищихъ; и такъ какъ русскій человѣкъ любилъ подавать милостыню, не справляясь, кому онъ даетъ ее, то между нищими не всегда были одни только обиженные природою, не способные къ работѣ и потому заслуживающіе помощи сострадательныхъ людей, часто нищенскія лохмотья прикрывали тунеядцевъ и воровъ. Особенно много было такихъ нищихъ въ Москвѣ, въ началѣ 18 в. Брунъ говоритъ, что нищіе, мужчины и женщины, во множествѣ шатаются по московскимъ улицамъ и „тотчасъ окружаютъ васъ со всѣхъ сторонъ, какъ только вы остановились въ лавочкѣ и хотите купить что нибудь. При этомъ особенно непріятно то, что въ толпѣ этихъ нищихъ замѣшиваются часто воры, которые обрѣзываютъ кошели съ деньгами, и совѣсть рус-

[1]) 183—4.

скихъ какъ-то легко выносить подобныя продѣлки [1]). Это зло естественно должно было обратить на себя вниманіе правительства и вызвать противъ себя какія нибудь мѣры. Петръ Вел., старавшійся водворить вездѣ порядокъ, искоренять злоупотребленія и привлекать всѣхъ къ работѣ, къ службѣ государству, не могъ оставить безъ вниманія и это не нормальное явленіе, и принималъ противъ него мѣры. Лучшее средство противъ развитія нищенства онъ видѣлъ въ ограниченіи частной благотворительности въ пользу общественной. Въ 1702 г., по словамъ Брунна, онъ запретилъ нищимъ просить по улицамъ милостыни, съ другой же стороны, запретилъ всѣмъ безъ исключенія и подавать милостыню, подъ опасеніемъ взысканія пени въ 5 руб. Въ тоже время, чтобы обезпечить существованіе бѣдныхъ, заведены близъ каждой церкви, какъ внутри такъ и внѣ Москвы, богадѣльни, на содержаніе которыхъ царь приказалъ отпускать ежегодно жалованье. „Такимъ обр.—говоритъ Брунъ,—уничтожено было это великое неудобство; ибо нельзя было выйти изъ церкви безъ того, чтобы толпы нищихъ не преслѣдовали васъ съ одного конца улицы до другаго. Мѣра эта имѣла еще и то доброе послѣдствіе, что многіе бездѣльные бѣдняки стали работать, изъ опасенія попасть въ богадѣльню; ибо нищіе естественно не любятъ труда и не смотрятъ на нищенство, какъ на постыдное дѣло“ [2]). Но этою мѣрою не искоренено было нищенство; оно продолжало находить для себя почву въ слишкомъ глубоко вкоренившейся въ народѣ склонности къ частной благотворительности, въ ущербъ общественной, и потому вызывало повтореніе распоряженій противъ себя. Такъ Берхгольцъ передаетъ, что 14 декабря 1722 года жители Москвы давали подписку, вслѣдствіе недавно объявленнаго указа, что не будутъ терпѣть на улицахъ нищихъ, относительно призрѣнія которыхъ должны быть приняты осо-

[1]) Чт. въ общ. ист. и др. р. 1872 г. 2. IV. 96—7.

[2]) Ibid.

были мѣры [1]); и такія распоряженія повторялись часто. Если вѣрить Сегюру, который говоритъ, что „нигдѣ не встрѣтишь нищаго, а если они попадаются, ихъ отсылаютъ къ владѣльцамъ, которые обязаны ихъ содержать“ [2]), то можно думать, что эти распоряженія достигали своей цѣли по крайней мѣрѣ въ столицѣ. Но запрещая поощрять тунеядство, правительство не препятствовало никому слѣдовать добрымъ внушеніямъ сердца и являться съ помощію тамъ, гдѣ она дѣйствительно необходима была. Особенное сочувствіе и сострадательность возбуждали къ себѣ въ народѣ заключенные въ тюрьмахъ. Веберъ, говоря, что тюрьмы въ Москвѣ переполнены преступниками, замѣчаетъ, что содержатся они подаяніями, и нѣкоторые совсѣмъ безъ работы остаются въ нихъ всю свою жизнь... [3]). Берхгольцъ говоритъ, что заключенные въ тюрьмахъ выпускались оттуда по временамъ и ходили по городу въ оковахъ собирать для своего пропитанія милостыню [4]). Коцебу и аббатъ Охотскій, испытавшіе тяжкую участь ссыльныхъ въ Сибирь, не разъ съ теплымъ чувствомъ благодарности вспоминаютъ въ своихъ запискахъ объ участіи и сострадательности, съ какими относились жители Сибири и тѣхъ мѣстъ, чрезъ которыя они проѣзжали, къ нимъ и вообще къ ссыльнымъ, которыхъ они называли не иначе, какъ несчастными“ [5]). Прекрасно характеризуетъ доброе сердце русскаго простолюдина и его готовность оказывать посильную помощь нуждающемуся вездѣ, гдѣ бы онъ его ни встрѣтилъ, слѣдующій, напр., случай. Бруинъ разсказываетъ, что на пути въ Астрахань, по Волгѣ, они встрѣтили на берегу нищаго, который, подходя къ нимъ, безпрестанно крестился и клалъ поклоны; рабочіе на суднѣ, увидѣвъ его, тотчасъ сѣли въ лодку и поплыли къ берегу,—

---

[1]) Ч. II, 345. Депеши Лефорта, Сборн. р. и. общ. т. 3; 361.
[2]) 42.
[3]) Веберъ, Р. Арх. 1872. 1387.
[4]) Берхг. ч. IV. 97.
[5]) Достоп. годъ моей жизни. Коцебу ч. I. 150.

хотя въ этомъ мѣстѣ очень трудно было пристать,—чтобы вручить бѣдняку все, что каждый пожелалъ дать ему, и между прочимъ нѣсколько хлѣбовъ. Нѣсколько далѣе они увидѣли на берегу трехъ женщинъ, такихъ же бѣдныхъ, съ дѣтьми на рукахъ, и подали и имъ милостыню [1]). Вообще, по словамъ аббата Охотскаго, „къ нищимъ русскіе очень щедры; выходя изъ церкви, всегда раздаютъ милостыню. Въ каждомъ домѣ города или мѣстечка для нищаго всегда готовъ пріютъ.“ [2]).

Наравнѣ съ нищими—тунеядцами подвергались преслѣдованію при Петрѣ Вел. еще юродивые. Но тоже чувство набожности, которое заставляло подавать милостыню всякому нищему, не разбирая, достоинъ ли онъ ея, или нѣтъ, побуждало давать пріютъ и оказывать уваженіе и юродивымъ; народъ издавна привыкъ смотрѣть на каждаго юродиваго, какъ на человѣка святаго, принявшаго юродство ради подвига, для благоугожденія Богу,—хотя безъ сомнѣнія далеко не всѣ изъ нихъ были люди благочестивые и святые [3]),—привыкъ такъ смотрѣть потому именно, что юродивые своимъ внѣшнимъ видомъ и поведеніемъ удовлетворяли требованіямъ сложившагося въ сознаніи народа идеала религіозно-нравственной жизни. Этотъ идеалъ носилъ на себѣ сильный отпечатокъ монашескаго аскетизма, направленнаго главнымъ образомъ къ обузданію, къ умерщвленію плоти. Юродивые, ходившіе безъ обуви и одежды лѣтомъ и зимой, терпѣливо переносившіе зной и стужу, голодъ и жажду, пренебрегавшіе самыми элементарными удобствами жизни,—однимъ словомъ, обуздывавшіе свою плоть, естественно поэтому должны были казаться въ глазахъ народа людьми благочестивыми и святыми, хотя бы по внутреннему настроенію были очень далеки отъ благочестія и святости. Броса-

---

[1]) Чт. въ об. ист. и др. р. 1872. 3. IV. 158.

[2]) Зап. о пол. стар. т. 2. 155.

[3]) См. напр. въ Истор. Соловьева т. 18 стр. 218.

ющаяся въ глаза наружность юродивыхъ и уваженіе къ нимъ народа должны были обращать на нихъ вниманіе иностранцевъ, и мы дѣйствительно находимъ у Брунна нѣкоторыя свѣдѣнія объ одномъ изъ этихъ людей. „Я нашелъ здѣсь (въ Архангельскѣ)—пишетъ Брунъ—одного русскаго человѣка 66 лѣтъ, слывшаго святымъ между своими соотечественниками. Онъ былъ женатъ, но, бросивъ жену, бродилъ совершенно нагой по странѣ до самой Вологды, часто появляясь въ такомъ видѣ на дорогахъ, въ церквахъ и даже во дворѣ губернатора. Онъ показался мнѣ совершенно не вѣдущимъ богослуженія, лишеннымъ разсудка и всякаго чувства стыдливости, но въ тоже время я увѣренъ, что единственною цѣлью его было пробавляться въ жизни представленіемъ изъ себя святого, чего онъ съ успѣхомъ и достигалъ. Иногда онъ носилъ небольшой поясъ, или повязку изъ сѣтки вокругъ поясницы, но чаще былъ совершенно безо всего, и въ такомъ видѣ расхаживалъ всюду, зимой и лѣтомъ. Волоса на головѣ и бородѣ этого человѣка сплелись и онъ никогда не употреблялъ гребня для расчесыванія ихъ“ [1]).

Къ числу благочестивыхъ обычаевъ, которымъ нашъ народъ всегда придавалъ высокое религіозно-нравственное значеніе, принадлежитъ еще хожденіе на богомолье. Монастыри, прославленные святостію и чудесами почивающихъ въ нихъ св. угодниковъ, всегда привлекали къ себѣ большія толпы богомольцевъ. По словамъ иностранцевъ наибольшимъ уваженіемъ пользовались въ народѣ и потому наичаще посѣщались имъ три монастыря. Это во 1-хъ монастырь св. Антонія въ Новгородѣ. Седербергъ, Перри и нѣкоторые другіе иностранцы, упоминая объ этомъ монастырѣ, не забываютъ при этомъ передать и разсказъ, связанный съ нимъ и ходившій въ народѣ, именно о чудесномъ прибытіи св. Антонія, моремъ, изъ Рима въ Новгородъ, на мельничномъ жерновѣ; въ память этого чуда, вызвавшаго будтобы обращеніе въ христіанство всего края, и построенъ монастырь, въ

[1]) Чт. въ общ. ист. и др. р. 1883. 1. IV. 283.

которомъ покоятся мощи св. Антонія; тамъ же находится и мельничный жерновъ: „этотъ камень—говоритъ Седербергъ—еще и теперь, крѣпко оберегаемый монахами, показывается и дается лобызать богомольцамъ, приходящимъ туда огромными толпами". Перри самъ видѣлъ этотъ камень и съ пропіей замѣчаетъ: „думаю, что никакая пробка не могла бы плавать подобно ему" [1]).—Еще большею извѣстностью и уваженіемъ пользовался въ народѣ другой монастырь—Троицкій, въ 60 верстахъ отъ Москвы, прославившійся не только святостію и многочисленными чудесами своего основателя св Сергія, но и великими историческими заслугами въ бѣдственное для Россіи время самозванцевъ. Этотъ монастырь былъ обычнымъ мѣстомъ богомолья всѣхъ царствовавшихъ у насъ лицъ, какъ предшественниковъ Петра Вел., такъ и преемниковъ его; причемъ высокіе богомольцы изъ глубокаго уваженія къ св. Сергію за полмили отъ монастыря выходили обыкновенно изъ экипажа и остальной путь совершали пѣшкомъ; а иногда шли пѣшкомъ и изъ самой Москвы, какъ напр., импер. Елизавета [2]). Сюда же ѣздили нѣкоторые государи, напр. Петръ II, попоститься и помолиться предъ коронаціей [3]). Біографическія свѣдѣнія, сообщаемыя нѣкоторыми иностранцами о св. Сергіѣ, не отличаются точностію и вѣрностію. Такъ Берхгольцъ передаетъ: „Св. Сергій, по мнѣнію русскихъ, былъ человѣкъ дородный и высокаго роста. Онъ жилъ лѣтъ 350 тому назадъ и спачала славился какъ доблестный воинъ, но потомъ оставилъ свѣтъ и, отличаясь необыкновенно строгою и святою жизнію, основалъ этотъ монастырь въ честь св. Троицы. Послѣ смерти онъ былъ причтенъ къ лику святыхъ и оказалъ много чудесъ надъ больными, которыхъ исцѣляли его

[1]) Седербергъ. Чт. въ об. ист. и др. р. 1873 г. 2 IV. 1. Перри 109 –111. Антидотъ. XVIII в. Бартенева т. 4. 342 и др.

[2]) Седербергъ. Чт. въ общ. ист. и др. р. 1873. 2 IV. 15. Берхг. II, 253. Письма о Россіи. Лирія. XVIII в. Барт. т. 3. 89. Архивъ кн. Воронцова т. 1. 504.

[3]) Письма о Россіи Дука де Лирія. XVIII в. Барт. т. 2. 51.

мощи. Поэтому многіе приходятъ къ нимъ на поклоненіе“ [1]). Объ уваженіи народа къ св. Сергію Седербергъ говоритъ, что и „въ цѣломъ томѣ не вмѣстятся всѣ тѣ почетныя названія, которыя русскіе ему придаютъ“ [2]).—Третій монастырь, славившійся болѣе всѣхъ другихъ своею святынею—это Кіево-Печерскій. „Есть, между прочимъ, мѣсто,—говоритъ Перри—особенно прославившееся чудеснымъ сохраненіемъ тѣлъ ихъ святыхъ: монастырь около Кіева, гдѣ ведется особенный списокъ заслугъ ихъ святыхъ и чудесъ, ознаменовавшихъ жизнь ихъ. Священники сохраняютъ все это съ особеннымъ тщаніемъ, и это оказывается для нихъ весьма выгодно. Мѣсто это пользуется такимъ великимъ уваженіемъ, что были случаи, что набожныя и твердо вѣрующія особы, платившія за это своими помѣстьями, изъявляли въ духовномъ завѣщаніи желаніе, чтобы тѣла ихъ были перенесены изъ Москвы въ Кіевъ и тамъ похоронены“ [3]). Кромѣ этихъ монастырей, имѣвшихъ, такъ сказать, общерусское значеніе, у насъ было много частныхъ, мѣстныхъ монастырей, удовлетворявшихъ религіознымъ потребностямъ окрестнаго населенія и привлекавшихъ также не мало богомольцевъ. Седербергъ, сказавъ, что русскіе очень высоко ставятъ путешествія для богомоленія и что въ прежнія времена самъ царь считалъ своею обязанностію два раза въ годъ посѣщать Троицкій монастырь,—замѣчаетъ: „отправляются на богомолье также во многіе другіе монастыри, и такъ какъ въ цѣлой Россіи очень много такихъ святыхъ, которые за совершенныя чудеса причтены къ лику святыхъ, то народъ, полагая, что такія путешествія могутъ излѣчить отъ болѣзней, бродитъ ежегодно въ процессіяхъ по монастырямъ и церквамъ“ [4]). Веберъ, впрочемъ, замѣчаетъ, что „хожденіе на поклоненіе св. мощамъ въ насто-

[1]) Ч. II, 252—3.
[2]) Седербергъ, Чт. въ общ. ист. и др. р. 1873 г. 2. IV. 15.
[3]) Стр. 110.
[4]) Чт. въ общ. ист. и др. р. 1873. 2. IV. 15.

ящее время значительно уменьшилось съ тѣхъ поръ, какъ самъ его величество (Петръ I) не ходитъ и не ѣздитъ на богомолье“ [1]). Но то, что мы видимъ еще и въ настоящее время—эти тысячи богомольцевъ, идущихъ изъ самыхъ отдаленныхъ угловъ Россіи на поклоненіе, напр. кіевской святынѣ,—даетъ право не вполнѣ довѣрять этому замѣчанію Вебера, или по крайней мѣрѣ признавать его справедливымъ лишь для своего времени и по отношенію только къ высшимъ слоямъ общества, гдѣ съ ослабленіемъ набожности долженъ былъ ослабѣть и этотъ обычай. Простой же народъ какъ въ древней Руси, такъ и во все послѣдующее время отличался особенною любовію къ путешествію по святымъ мѣстамъ. И теперь завѣтное желаніе каждаго простолюдина—самому побывать въ тѣхъ монастыряхъ и поклониться тѣмъ угодникамъ, о которыхъ онъ слышалъ такъ много отъ другихъ богомольцевъ. И нигдѣ онъ не молится такъ усердно, такъ горячо, какъ въ древнихъ обителяхъ, богатыхъ храмами, чудотворными иконами, мощами, гдѣ все располагаетъ его къ молитвѣ и гдѣ отъ каждаго предмета вѣетъ благочестіемъ и набожностію его предковъ.

Строгое соблюденіе постовъ, частое подаяніе милостыни, путешествія на богомолье—все это безспорно свидѣтельствуетъ о набожности русскихъ людей 18 в., правда, внѣшней, обрядовой, не исключавшей противонравственныхъ и противорелигіозныхъ явленій въ ихъ жизни, но во всякомъ случаѣ искренней, истекавшей изъ глубокаго религіознаго чувства, для надлежащаго направленія котораго недоставало только религіознаго просвѣщенія. Таже набожность, таже привязанность къ внѣшнимъ формамъ благочестія проявлялась и въ частной, повседневной ихъ жизни. День обыкновенно начинался и оканчивался молитвою. „Они (русскіе)—говоритъ Седербергъ—тотчасъ какъ встанутъ съ постели и прежде, чѣмъ выйти изъ дома, вздыхаютъ предъ

---

[1]) Р. Арх. 1872 г. 1620.

своими святыми, точно также и выходя изъ воротъ, обращаются къ какой-либо Церкви съ молитвою“ [1]). Входя въ домъ, русскій человѣкъ, какъ мы видѣли уже, считалъ своею обязанностію перекреститься и произнести свою обычную краткую молитву: „Господи помилуй“. Садился-ли за столъ, онъ также прежде молился и тогда уже приступалъ къ трапезѣ. Этотъ обычай соблюдался въ началѣ 18 в. и на торжественныхъ обѣдахъ вельможъ. Такъ Берхгольцъ, описывая свадьбу одного вельможи, говоритъ, что когда гости усѣлись за столъ, то маршалъ подалъ знакъ къ молитвѣ и тогда только приступили къ обѣду, „потому что до молитвы никто не можетъ даже развернуть своей салфетки [2]). Ни одного дѣла, даже самаго маловажнаго, русскій человѣкъ не начиналъ безъ того, чтобы не осѣнить себя напередъ крестнымъ знаменіемъ, не говоря уже о какихъ нибудь особенныхъ случаяхъ, во время опасности напр. и т. п.; тогда онъ учащенно крестился и шепталъ молитвы [3]). Иностранцевъ удивляла эта привычка русскихъ часто осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ. „Русскіе—говоритъ Веберъ—безпрестанно прибѣгаютъ къ крестному знаменію, которое совершаютъ они, сложивъ два перста [4]) и прикладывая ихъ сперва на голову, потомъ на грудь, на правое и на лѣвое плечо, и на всѣхъ улицахъ, гдѣ только завидятъ они

---

[1]) Чт. въ общ. ист. и др. р. 1873. 2. IV. 14. Берхг. III, 148. Зап. пастора Теге. Р. Арх. 1864 г. 324 и др.

[2]) Ч. I. 183.

[3]) См. напр. Достоп. годъ моей жизни Коцебу. ч. I, 120.

[4]) Въ этихъ словахъ, очевидно, ошибка. Но замѣчательно, что эта ошибка принадлежитъ не одному только Веберу. И Корбъ, и Перри, и Седербергъ съ какою-то странною настойчивостію утверждаютъ, что русскіе совершаютъ крестное знаменіе двумя перстами и что этотъ способъ креститься введенъ лишь недавно патріархомъ, который постановилъ на соборѣ, состоявшемся при участіи восточныхъ патріарховъ, вызванныхъ съ большими издержками въ Москву для приданія большаго авторитета соборному постановленію,—чтобы всѣ міряне непремѣнно крестились двумя перстами; ослушникамъ велѣно рубить головы: однимъ только священникамъ и вообще духовенству предоставлено право совершать крестное знаменіе прежнимъ способомъ, т. е. тремя перстами (Корбъ.

церковь или крестъ, ихъ всегда встрѣчаешь въ такомъ благоговѣйномъ положеніи“ [1]). По словамъ иностранцевъ, русскіе придавали очень важное значеніе самому способу перстосложенія для крестнаго знаменія. „Самыя сильныя и жаркія распри между ними,—говоритъ Перри—когда зайдетъ рѣчь о какомъ вѣроисповѣдномъ разногласіи, заключаются въ томъ, какъ складывать пальцы для совершенія крестнаго знаменія“ [1]), а по замѣчанію Корба „у Москвитянъ вся вѣра и все средство къ спасенію состоитъ въ способѣ креститься“ [2]). По отношенію къ нѣкоторой части русскаго народа, именно къ раскольникамъ, до фанатизма, до забвенія существеннаго въ христіанствѣ, преданнымъ буквѣ, обряду,—это замѣчаніе Корба, пожалуй, и не будетъ особеннымъ преувеличеніемъ или по крайней мѣрѣ, не много нужно еще прибавить къ перстосложенію, какъ напр. двойную аллилуію, старыя книги и т. п., чтобы это замѣчаніе было вполнѣ справедливо.

Набожности русскихъ, привязанности ихъ къ внѣшнимъ знакамъ благочестія обязанъ, между прочимъ, своимъ происхожденіемъ и существованіемъ обычай носить крестикъ на шеѣ, свято соблюдающійся въ простомъ народѣ и до настоящаго времени. Мы видѣли уже, что крестикъ возлагался при самомъ крещеніи; съ тѣхъ поръ онъ долженъ былъ составлять существенную принадлежность каждаго православнаго христіанина, въ теченіи всей его жизни, такъ что, если кого нибудь находили на улицѣ мертвымъ и на немъ не оказывалось крестика, то такого не хоронили по обряду православной церкви [4]). Крестикъ этотъ пользо-

Чт. въ общ. ист. и др. р. 1876 г. 3. IV. 259. 265-6. Седерб. Чтен... 1873. 2. IV. 15. Вебер. Р. Арх. 1872 г. 1620. Перри 150). Эта ошибка нагляднѣе всего показываетъ, какъ мало еще были знакомы иностранцы съ русскою церков. исторіею и какъ поверхностны ихъ наблюденія надъ религіознымъ бытомъ русскаго народа.

[1]) Р. Арх. 1872 г. 1370.

[2]) 149—150.

[3]) Чт. въ общ. истор. и др. р. 1867. 3. 259. 265—6.

[4]) Седерб[ергъ], Чтен. въ общ. истор. и др. р. 1873. 2. IV. 29. Веберъ Р. Арх. 1872 г. 1352 стр. и др.

вался большимъ уваженіемъ въ народѣ, и даже между такими людьми, какъ разбойники, отъ которыхъ менѣе всего можно ожидать уваженія къ какой бы то ни было святынѣ. Не лишенъ интереса слѣдующій случай, разсказываемый Бруномъ. На пути изъ Архангельска въ Москву,—передаетъ онъ—въ селѣ Двинцѣ, мы узнали, что недавно еще трое русскихъ купцовъ, ѣхавшихъ тоже изъ Архангельска, были ограблены 26 ю человѣками разбойниковъ, и что одинъ изъ этихъ грабителей снялъ съ главнаго изъ купцовъ серебряный крестъ, который носятъ обыкновенно въ этой землѣ на груди, хотя товарищи грабителя и отговаривали его отъ этого, потому что крестъ вообще весьма уважается; негодяй этотъ, самъ имѣвшій на себѣ крестъ, снялъ его съ своей шеи и, надѣвъ на шею купца, сказалъ ему: „ну, теперь мы братья съ тобою, помѣнявшись крестами“[1])! Разбойникъ такимъ образомъ удовлетворилъ и требованіямъ набожности, не оставивъ купца безъ креста, и требованіямъ своей алчности, замѣнивъ свой, вѣроятно не дорогой крестъ дорогимъ серебрянымъ крестомъ купца.

Вліяніе религіознаго чувства отражалось, наконецъ, даже на такихъ обычаяхъ, чисто національныхъ и не имѣющихъ никакого отношенія къ религіозной жизни и къ предметамъ вѣры и благочестія, какъ отвращеніе къ употребленію табаку и ношеніе бороды. Привычка нюхать и курить табакъ, по словамъ Корба, даже въ царствованіе Петра Великаго, еще осуждалась духовенствомъ, какъ дѣло дьявольское и безбожное; и когда одинъ русскій купецъ, незадолго до отъѣзда Петра за границу въ 1697 г., купилъ у правительства монополію продажи табаку, то патріархъ отлучилъ его, со всѣмъ семействомъ и даже потомками, отъ Церкви, проклявъ весь родъ его на вѣкъ[2]). Перри, говоря, что табакъ до конца 17 в. былъ воспрещенъ въ

---

[1]) Чтен. въ общ. ист. и др. р. 1872. 1. IV. 33.

[2]) Чт. въ общ. ист. и др. р. 1867. 3. IV. 251.

Россіи патріархомъ, какъ вещь нечистая и противорелигіозная, замѣчаетъ, что и „до сего дня никакой священникъ не войдетъ въ комнату, гдѣ накурено табакомъ“ [1]). Но мало по малу табакъ вошелъ во всеобщее употребленіе и нашелъ многочисленныхъ потребителей не только въ высшихъ и среднихъ классахъ общества, но и въ простомъ народѣ. Одни только раскольники, лучше удержавшіе у себя старинные народные обычаи и взгляды, сохранили, какъ извѣстно, и до настоящаго времени въ прежней силѣ отвращеніе къ табаку, какъ бѣсовскому зелью.—Не такъ легко проникъ въ народъ другой иноземный обычай—обычай брить бороды. „Русскіе—говоритъ Перри,—положительно питали нѣкотораго рода религіозное уваженіе къ своимъ бородамъ, тѣмъ болѣе, что это ставило различіе между ними и иностранцами; а священники поддерживали ихъ въ этомъ обычаѣ, приводя въ примѣръ то, что всѣ благочестивые мужи въ древности носили бороду, согласно тому, какъ на иконахъ изображаютъ святыхъ“ [2]). Служа однимъ изъ внѣшнихъ признаковъ отличія православнаго русскаго человѣка отъ иноземцевъ-еретиковъ, борода мало по малу получила въ глазахъ народа значеніе отличительнаго признака самаго православія, стала отождествляться съ нимъ. При такомъ отношеніи къ бородѣ и взглядѣ на нее, распоряженіе Петра I брить бороды естественно должно было показаться народу почти грѣхомъ со стороны царя и покушеніемъ на религію [3]). Въ отнятіи бороды онъ видѣлъ искаженіе образа Божія, и Синодъ долженъ былъ обнародовать сочиненіе, въ которомъ подробно доказывалось, что борода не принадлежитъ къ подобію Божію; но „со всѣмъ тѣмъ—замѣчаетъ Фоккеродтъ—между гражданами еще очень много такихъ, которые не хотятъ признавать силу этихъ доказательствъ и лучше перенесутъ все, чѣмъ

[1]) Стр. 107.
[2]) 126.
[3]) Ibid.

подвергнуть свои бороды бритвѣ“ [1]). Распоряженіе это, по словамъ Перри, вызвало противъ себя сильный протестъ со стороны народа, выразившійся въ многочисленныхъ подметныхъ письмахъ на имя царя, въ которыхъ его упрекали въ тиранствѣ и даже язычествѣ [2]). Многіе изъ народа, не смѣя ослушаться воли царя, брили бороды, но сбритые волосы хранили у себя какъ святыню, чтобъ потомъ можно было предстать вмѣстѣ съ нею на судъ Божій и дать отчетъ въ правильномъ употребленіи Его даровъ. Перри разсказываетъ, что когда онъ, въ первый разъ увидавъ съ выбритой бородой одного знакомаго ему русскаго плотника, спросилъ его, что онъ сдѣлалъ съ своею бородою, то тотъ, въ отвѣтъ на это, сунулъ руку за пазуху и, вытащивъ бороду, сказалъ, что онъ сохранитъ ее до смерти и велитъ положить съ собою во гробъ, для того, чтобы явившись на тотъ свѣтъ, онъ могъ дать отчетъ о ней св. Николаю; тоже самое, говорилъ онъ, сдѣлали и другіе его товарищи—работники [3]).—Но такъ было только въ первое время введенія этого обычая. Съ теченіемъ времени народъ примирился и съ этимъ обычаемъ, тѣмъ болѣе, что по смерти Петра Вел. никого уже не заставляли насильно разставаться съ бородой [4])·

Если брадобритіе на первыхъ порахъ казалось народу великою ересью, искаженіемъ образа Божія, а распоряженіе о немъ—покушеніемъ на религію, то такая перемѣна, касавшаяся церковно-гражданскаго быта, какъ введеніе новаго способа лѣтосчисленія, должна была представляться ему подрывомъ самыхъ основъ православія. Объ этой перемѣнѣ и впечатлѣніи, произведенномъ ею, довольно подробно говоритъ Перри. „Когда я впервые пріѣхалъ въ эту страну,—разсказываетъ онъ,—русскіе вели лѣтосчисленіе отъ сотво-

[1]) Чт. въ общ. ист. и др. р. 1874. 2. 101.
[2]) 127.
[3]) Ibid.
[4]) Перри 126. Фоккеродтъ, Чт. въ общ. ист. и др. р. 1874. 2. IV. 104.

ренія міра и считали тогда 7206 г. (1698), но я не могъ добиться отъ нихъ и понять, откуда и на какомъ основаніи они ведутъ этотъ счетъ, развѣ только то, что это дѣлается по преданію отцевъ. Они также считаютъ первымъ днемъ года 1-е сентября и празднуютъ его съ великою торжественностію. Вотъ причина, которою они объясняютъ, почему начинаютъ годъ 1-го сентября, причина, которую спорщики ихъ, гордящіеся тѣмъ, что они мастерски владѣютъ своими доказательствами, считаютъ весьма основательной и убѣдительной. Они говорятъ, что Богъ премудрый и добрый создалъ міръ осенью, когда рожь была въ полномъ колосѣ и плоды земные зрѣлые, такъ что только оставалось срывать ихъ и ѣсть, и что Онъ не могъ создать міръ среди зимы, какъ полагаютъ прочіе европейцы; т. е. тогда, когда земля, замерзла и покрыта снѣгомъ. Но царь..., чтобы сообразовать страну свою съ прочими странами Европы, постановилъ считать первый день года съ 1-го генваря и вести лѣтосчисленіе такъ, какъ и всѣ прочіе христіане, начиная съ воплощенія Спасителя нашего. Чтобы привести въ дѣйствіе это нововведеніе, онъ избралъ слѣдующій способъ: 1-го генваря стараго счисленія 1700 г. онъ провозгласилъ юбилей и приказалъ праздновать его цѣлую недѣлю при пушечныхъ выстрѣлахъ и со звономъ колоколовъ; улицы во время дня должны были быть разукрашены развѣвающимися разноцвѣтными флагами, а по вечерамъ назначено было освѣщеніе, обязательное для всѣхъ домовъ болѣе значительныхъ: тогда же изданъ былъ указъ, по которому никто, подъ страхомъ наказанія, не смѣлъ считать начало года по старинному обычаю, котораго до сихъ поръ придерживались русскіе. Все это онъ сдѣлалъ, не взирая на то, что недовольные смотрѣли на это, какъ на важное нововведеніе, подрывающее основанія ихъ вѣроисповѣданія. Они подчинились этому указу только изъ страха, но и до сихъ поръ находятся еще нѣкоторые старые русскіе, которые въ день 1-го сентября собираются между собою и съ рев-

постнымъ усердіемъ. празднуютъ этотъ день, какъ первый день новаго года. Въ частныхъ разговорахъ они тайно будутъ увѣрять васъ, что свѣтъ дѣйствительно такъ старь, какъ они полагаютъ, согласно разсчету ихъ [1]).

Въ связи съ этими перемѣнами въ вѣковыхъ національныхъ русскихъ обычаяхъ, въ которыхъ народъ привыкъ видѣть внѣшнее выраженіе своего православія и своей особности, отличія отъ другихъ неправославныхъ народовъ, стоитъ еще одна перемѣна, которая также характеризуетъ религіозное настроеніе русскаго правительства и общества въ 18 в. и которую поэтому мы не можемъ обойти молчаніемъ,—это перемѣна въ отношеніяхъ къ иностранцамъ, какъ иновѣрцамъ. Эти отношенія до 18 в., обосновываясь почти исключительно на религіозномъ чувствѣ, не отличались терпимостію и дружелюбіемъ ни со стороны высшей власти, ни со стороны народа. Иностранцевъ принимали и даже вызывали въ Россію, какъ людей нужныхъ, искусныхъ въ ратномъ и во всякихъ другихъ дѣлахъ, пользовались ихъ услугами и за это хорото платили имъ, но не предоставляли имъ полной свободы вѣроисповѣданія; да и та небольшая доля свободы, какая давалась имъ въ этомъ отношеніи, не была обезпечена ни какимъ положительнымъ закономъ, была дѣломъ одной милости и снисхожденія высшей свѣтской и духовной власти, и потому одно движеніе царя или патріарха могло лишить иновѣрцевъ всѣхъ ихъ правъ. Вотъ почему въ дѣйствіяхъ свѣтской и духовной власти по отношенію къ иностранцамъ иновѣрцамъ мы видимъ за это время, т. е. до 18 в., частыя колебанія: то имъ дозволяли строить церкви и совертать богослуженіе, то разрушали эти церкви; то дозволяли селиться въ городахъ, то выгоняли за черту городскихъ стѣнъ [2]). Большею послѣдовательностію отличались отношенія къ иновѣрцамъ со стороны народа: онъ всегда отно-

[1]) 151—3.

[2]) Религіозн. быть русск. Рущинскаго. 216.

сился къ нимъ съ одинаковымъ чувствомъ отвращенія и какой-то брезгливости, видѣлъ въ нихъ еретиковъ, нечистыхъ, поганыхъ бусурмановъ, приравнивалъ ихъ за несоблюденіе поста къ собакамъ и язычникамъ и всякое общеніе съ ними считалъ осквернеміемъ. Это воззрѣніе и чувство къ иностранцамъ-иновѣрцамъ простой народъ сохранилъ и въ 18 в.; непріязнь и отвращеніе къ нимъ въ массѣ народа даже усилились, потому что всѣ реформы Петра В. народъ приписывалъ вліянію на него иностранцевъ, совратившихъ, по его убѣжденію, царя въ свою вѣру и желавшихъ обусурманить и весь православный русскій народъ [1]). Господство иностранцевъ послѣ Петра В., оскорблявшее религіозное и національное чувство народа, ужасы бироновщины, гоненіе на православную церковь въ лицѣ ея представителей-архіереевъ и священниковъ не могли, конечно, ослабить непріязненныхъ чувствъ къ нимъ и уничтожить религіозно-національнаго предубѣжденія народа противъ всего иноземнаго. Поэтому въ простомъ народѣ и въ 18 в. былъ еще довольно силенъ духъ религіозной и національной нетерпимости и исключительности. Аббатъ Шаппъ, не безъ преувеличенія впрочемъ, говоритъ, что русскіе простолюдины утверждаютъ и вѣрятъ, что иностранецъ не принадлежитъ къ числу ихъ братьевъ, и что они боятся болѣе нарушить постъ, чѣмъ убить иностранца [2]). Но въ образованномъ обществѣ и въ сферѣ правительственной власти, духовной и свѣтской, взгляды и отношенія къ иностранцамъ, какъ иновѣрцамъ, въ 18 в. существенно измѣнились. Говоря вообще, отношенія эти въ 18 в. запечатлѣны характеромъ гораздо большей вѣротерпимости, сравнительно съ пред-

[1]) Ходилъ даже разсказъ — и ему, по словамъ Фоккеродта, вѣрилъ не одинъ только простой народъ.—будто Петръ не настоящій сынъ царя Алексѣя, а дитя нѣмецкаго хирурга, которымъ царица Наталья тайно подмѣнила рожденную ею дочь, и этому обстоятельству приписывалась склонность Петра къ иноземнымъ нравамъ и обычаямъ (Фоккеродтъ, Чт. въ общ. ист. и др. р. 1874. 2. IV. 105—106).

[2]) Антидотъ. XVIII в. Барт. т. 4. 407.

шествующими вѣками. Петръ Великій, ясно сознавая, что единственный выходъ для Россіи изъ того состоянія внутренней слабости и безпомощности, въ какомъ она находилась вслѣдствіе своей замкнутой односторонней политической жизни,—что единственное средство для дальнѣйшаго плодотворнаго развитія русскаго народа заключается въ сближеніи его съ образованнымъ и сильнымъ своимъ образованіемъ западомъ и въ усвоеніи богатства его цивилизаціи, не могъ уже относиться къ представителямъ этого запада въ Россіи въ духѣ своихъ предшественниковъ. Вызывая цѣлыми тысячами иностранцевъ въ Россію на службу государству и, въ качествѣ учителей русскаго народа, предоставляя имъ значительныя гражданскія права, онъ долженъ былъ расширить и религіозныя ихъ права и обезпечить неприкосновенность этихъ правъ закономъ. И дѣйствительно, въ 1702 г. онъ издалъ указъ, устанавливавшій общую вѣротерпимость въ государствѣ; этотъ указъ приводится у Берга въ слѣдующемъ видѣ: „Такъ какъ въ нашемъ государствѣ—писалось, между прочимъ, въ указѣ—еще издавна повсюду царствовала свобода вѣры, то мы подтверждаемъ эту свободу и, не дѣлая никакого насилія въ дѣлахъ вѣры, позволяемъ всякому самому заботиться о своемъ душевномъ спасеніи. Поэтому строго слѣдуетъ наблюдать, чтобы никто не терпѣлъ никакого препятствія въ свободномъ отправленіи какъ общественнаго такъ и частнаго своего богослуженія, и чтобы эта свобода всячески была обезпечена въ тѣхъ мѣстахъ государства, гдѣ доселѣ ея не было; равно и въ войскахъ, гдѣ находились не только иностранные офицеры, а даже цѣлые отряды состояли изъ иновѣрцевъ, которые оставались безъ проповѣдниковъ“ [1]). Такимъ обр. этотъ указъ полагалъ въ основу отношеній къ иностранцамъ—иновѣрцамъ принципъ полной вѣротерпимости, и послѣ Петра Великаго никто изъ преемниковъ его уже не измѣнялъ этому прин-

[1]) Религіозн. бытъ русск. Рущинскаго 235

цину. Иностранцы въ теченіи всего 18 в. пользовались правомъ свободно строить свои храмы, содержать при нихъ священниковъ и открыто совершать свое богослуженіе. Еще до изданія этого указа лютеране и кальвинисты имѣли свои кирки въ нѣкоторыхъ городахъ, напр. въ Архангельскѣ, Москвѣ [1]); теперь имѣются ихъ церкви въ Воронежѣ [2]), а послѣ возникновенія Петербурга, и въ этомъ городѣ [3]), а также въ Кронштадтѣ [4]) и др. мѣстахъ, и даже въ отдаленномъ Тобольскѣ, куда сослано было много шведовъ, взятыхъ въ плѣнъ во время сѣверной войны [5]). Католики, къ которымъ особенно недружелюбно относились и правительство и народъ въ предшествующіе вѣка, такъ что всѣ ихъ попытки утвердиться въ Россіи оказывались тщетными [6]), теперь также получили право строить свои храмы, какъ въ столицахъ, въ Москвѣ [7]), Петербургѣ [8]), такъ и въ другихъ городахъ, и содержать при нихъ духовенство; Петръ Вел. не терпѣлъ только іезуитовъ и въ 1719 г. изгналъ ихъ изъ Россіи, впрочемъ, не столько по религіознымъ побужденіямъ, сколько по политическимъ [9]) Екатерина II загладила эту обиду іезуитамъ, давъ имъ пріютъ въ Бѣлоруссіи въ то время, когда ихъ изгоняли изъ всѣхъ христіанскихъ странъ,

---

[1]) Путеш. Бруина. Чт. въ общ. ист. и др. р. 1872. I. IV. 26, II, 116 и др.

[2]) Собраніе разныхъ записокъ... Туманскаго. т. 8. 45.

[3]) Веберъ, Р. Арх. 1872 г. 1071. Берхг. Ш, 178. Сборн. р. ист. общ. т. 6. Донесеніе Пецольда 480—1. Зап. Позье. Р. Старина 1870. 1, 77. 94. 211. 218.

[4]) Берхг. Ш. 187.

[5]) Веберъ. Р. Арх. 1872. 1071.

[6]) Седерьбергъ, Чт. въ общ. ист. и др. р. 1873 г. 2. IV. 6.

[7]) Путеш. Бруина. Чт. въ общ. ист. и др. р. 1872. 4. IV. 249. Донесеніе Плейера. Чт. въ об. ист. и др. р. 1874. 2. IV. 10—11. Письма о Россіи Дука де Лирія. XVIII в. Барт. т. 2. 52 и др.

[8]) Веберъ, Р. Арх. 1872 г. 1104. Донесен Пецольда. Сбор. р. ист. общ. т. 6, 480—1 и др.

[9]) Веберъ, Р. Арх. 1872 г. 1658—9. Зап. Бассевича, Р. Ар. 1865 г. 168. Обозр. иностр. извѣст. въ вѣкъ Петра Вел... Тургенева. Журн. Мин. Нар. Пр. ч. XXXVII. отд. II, 158—161.

и когда самый орденъ ихъ былъ уничтоженъ папскою буллою [1]). Далѣе, иностранцамъ предоставлялось право заводить свои училища, и русскіе настолько отрѣшились отъ своей прежней нетерпимости и страха за чистоту православія, что не боялись посылать въ эти еретическія училища и своихъ дѣтей; особенно часто приходилось обращаться къ помощи этихъ училищъ въ началѣ 18 в., когда собственныхъ училищъ у насъ было очень мало; пользовались услугами даже іезуитовъ, пока они не были еще изгнаны изъ Россіи, хотя ревность этихъ усердныхъ слугъ папства и католицизма и умѣнье ихъ пользоваться всѣми случаями и средствами для религіозной пропаганды, хорошо были извѣстны русскимъ [2]).—Это расширеніе религіозныхъ правъ иностранцевъ-иновѣрцевъ было дѣломъ свѣтской власти. Духовная власть съ своей стороны также оказывала имъ снисхожденіе. Такъ, обычай перекрещиванія обращающихся въ православіе иновѣрцевъ, отмѣненный еще на соборѣ 1667 г., но, какъ видно изъ свидѣтельства нѣкоторыхъ иностранцевъ [3]), продолжавшій существовать по мѣстамъ въ практикѣ церковной, теперь былъ совершенно уничтоженъ [4]) и иновѣрцы принимались въ лоно православной церкви чрезъ одно миропомазаніе. Такъ была присоединена къ православію, напр., Екатерина II [5]). Еще болѣе важная уступка иновѣрцамъ, или, вѣрнѣе, новому духу и потребностямъ времени, была сдѣлана со стороны духовной власти въ 1721 г.; въ этомъ году отъ имени Св. Синода изданъ былъ указъ, разрѣшавшій всѣмъ право-

---

[1]) Зап. Сегюра 24.

[2]) Путеш. Брунна, Чт. въ общ. ист. и др. р. 1872. 2. IV. 116. Донесеніе Шлейера, Чт. въ общ. ист. и др. р. 1874. 2. IV. 10—11. Фоккеродтъ ibid. 101. Веберъ, Арх. Р. 1872 г. 1399. Берхг. II. 218.

[3]) Корбъ, Чт. въ общ. ист и др. р. 1867. 3. IV. 266—7. Перри 97—8 (примѣч.). Седербергъ, Чт. въ общ. ист. и др. р. 1873. 2. IV. 30.

[4]) Р. Арх. 1872 г. 1695 г.

[5]) Извѣстія, писанныя княг. Іоанною Елизав. Сборн. р. и. об. т. 7. 29—35.

славнымъ вступать въ бракъ съ неправославными. Этотъ указъ вызванъ былъ, по словамъ Бассевича, слѣдующимъ обстоятельствомъ. Многіе изъ шведскихъ плѣнниковъ, разосланныхъ по разнымъ мѣстамъ европейской Россіи и Сибири, потерявъ надежду на обмѣнъ или выкупъ, рѣшились, посредствомъ браковъ, навсегда основаться въ Россіи. „Но они были слишкомъ велики душею,—говоритъ Бассевичъ—чтобы ради любви отречься отъ вѣры своихъ отцовъ, а русскія женщины, хотя и плѣненныя кротостію нравовъ этихъ иностранцевъ, боялись осквернить бракомъ съ протестантами. Нѣкоторыя изъ нихъ, пренебрегшія подобнымъ предразсудкомъ, были разлучены священниками, господами и безжалостными судьями съ любимыми мужьями-еретиками и выданы за православныхъ, которые имъ не нравились. Извѣщенный объ этомъ царь нашелъ, что такіе поступки столь же несправедливы, сколь и противны его интересамъ; но со всѣмъ тѣмъ не хотѣлъ показать, что дѣйствуетъ по своему произволу въ вопросахъ, касающихся религіи. Дѣло это отдано было на разсмотрѣніе Св. Синоду, который напечатаннымъ въ Петербургѣ 18 августа 1721 г. указомъ, дѣлающимъ по своему благоразумію честь его составителямъ, объявилъ браки между православными и иновѣрцами не только законными и дозволенными, но и похвальными, если они клонятся ко благу государства, и подчинилъ ихъ одному только условію, по которому еретикъ обязывался давать подписку, что не станетъ тревожить совѣсти своей жены, и что дѣти будутъ исповѣдывать господствующую религію страны“ [1]). Фоккеродтъ указываетъ слѣдующія три условія, которыми Синодъ, въ видахъ огражденія интересовъ православія и государства, обставилъ свое разрѣшеніе браковъ православныхъ съ иновѣрцами, это во 1-хъ, чтобы иностранецъ, вступающій въ бракъ съ православною, объявилъ себя напередъ подданнымъ русскаго государства и обязался служить ему вѣчно; 2) чтобы

[1]) Р. Арх. 1865 г. 1989.

дѣти обоего пола были крещены и воспитаны въ православной вѣрѣ и 3) чтобы иностранецъ не старался ни силою, ни убѣжденіями совращать свою жену съ ея вѣры и для того дозволялъ бы во всякое время свободный входъ къ себѣ въ домъ священнику своего прихода, обязанному наблюдать за тѣмъ [1]). Перемѣна въ воззрѣніяхъ духовенства и общества на иностранцевъ—иновѣрцевъ выразилась, между прочимъ, еще и въ томъ, что они не устранялись уже, какъ прежде, отъ участія въ нашемъ богослуженіи; равнымъ образомъ не считалось грѣхомъ присутствовать и при ихъ богослуженіи. Православные храмы перестали быть для иностранцевъ недоступною святынею, за порогъ которой они не смѣли прежде и переступить, не опасаясь подвергнуться за это очень непріятнымъ для себя послѣдствіямъ. Теперь посѣщеніе иностранцами нашихъ храмовъ не считалось болѣе осквернеміемъ этихъ послѣднихъ и не влекло за собою освященія ихъ св. водою и куреніемъ ѳиміама, какъ это было прежде, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда иностранцамъ по чему нибудь оказывалось это снисхожденіе. „До сихъ поръ,—говоритъ Перри,—никакому человѣку, не принявшему русской вѣры, не дозволялось входить въ ихъ церкви; въ тѣхъ же рѣдкихъ случаяхъ, когда это было допускаемо, на это смотрѣли, какъ на великую милость, и послѣ того церковь очищалась святою водою и куреніемъ ѳиміама... Но такъ какъ теперешній царь (Петръ Великій) самъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ господъ, часто ходитъ въ иностранныя церкви, находящіяся въ предмѣстьяхъ Москвы....., то съ этихъ поръ иностранцамъ открытъ свободный доступъ въ русскія церкви“ [2]). Веберъ, впрочемъ, передаетъ, что когда онъ захотѣлъ посѣтить женскій Вознесенскій монастырь въ Москвѣ (который онъ по ошибкѣ называетъ Чудовымъ), то игумена сначала воспротивилась этому и впустила его въ монастырь только

[1]) Фоккеродтъ. Чт. въ общ. ист. и др. р. 1874. 2. IV. 17.
[2]) 130.

послѣ предъявленія архіепископскаго приказа, которымъ онъ запасся въ Петербургѣ. Двѣ старыя монахини, по распоряженію игумена, показали иноземцу церковь; „одна изъ этихъ монахинь — разсказываетъ Веберъ — постоянно придерживала меня за рукавъ, и когда я, желая изъ любопытства посмотрѣть на алтарѣ (иконостасѣ) одну чрезвычайно древнюю изящную икону, высвободился отъ нея, то сейчасъ же во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я былъ, стали окуривать ладономъ“ [1]),—такъ еще сильно было по мѣстамъ предубѣжденіе противъ иновѣрцевъ, видѣвшее въ нихъ что-то нечистое, одно прикосновеніе котораго къ святынѣ оскверняетъ ее. Но случаи, подобные вышеприведенному, были уже рѣдки въ 18 в. Вообще же иностранцамъ не запрещалось посѣщать наши храмы, осматривать ихъ достопримѣчательности и святыню, иногда сами духовныя лица старались удовлетворить любопытству иностранцевъ въ этомъ отношеніи. Берхгольцъ разсказываетъ, что когда герцогъ голштинскій (Карлъ-Фридрихъ) пожелалъ осмотрѣть Кремлевскія церкви, то архіепископъ Новгородскій (Ѳеодосій Яновскій) самъ вызвался быть его проводникомъ, и не только показывалъ ему замѣчательныя святыни этихъ церквей, какъ, напр., гвоздь изъ Креста Спасителя, но и давалъ ему и его спутникамъ брать ихъ въ руки и ощупывать, что вызвало удивленіе со стороны даже иностранца, австрійскаго посланника, замѣтившаго, что „въ его отечествѣ, кромѣ установленнаго отъ Бога духовенства, никому изъ грѣшныхъ людей не дозволяютъ брать въ руки и осязать такія драгоцѣнности, какъ эта святыня“ [2]).—Наравнѣ съ храмами у насъ считались священными мѣстами также кладбища и потому въ древней Руси строго запрещено было хоронить иностранцевъ на православныхъ кладбищахъ. Въ 18 в. это запрещеніе не строго соблюдалось, особенно въ царствованіе Петра; при немъ и по его приказанію иностранцевъ, пользовавшихся особеннымъ его ува-

[1]) Р. Арх. 1872 г. 1367.
[2]) Берхг. ч. II, 145.

женіемъ, хоронили часто и на православныхъ кладбищахъ, при чемъ нерѣдко самъ царь участвовалъ въ похоронной процессіи; такъ, напр., онъ самъ провожалъ до могилы, со свѣчею въ рукѣ, тѣло своего лейбъ-медика Арескина, погребеннаго въ Александроневскомъ монастырѣ, между склепами царевны Наталіи Алексѣевны и одного голландскаго контръ-адмирала [1]). Подобныхъ случаевъ погребенія иностранцевъ на православныхъ кладбищахъ въ мемуарахъ иностранцевъ указывается не мало [2]). Сближеніе съ иностранцами въ области практической религіозной жизни шло еще далѣе. Иностранцы принимали участіе въ нашихъ таинствахъ и тѣхъ случаяхъ общественной и частной жизни, которые освящались этими таинствами. Напр. ихъ приглашали быть воспріемниками при крещеніи [3]), и сами русскіе не отказывались крестить у иностранцевъ [4]). Петръ Великій, обходившійся съ иностранцами запросто и любившій оказывать имъ знаки своего вниманія, очень часто крестилъ у нихъ дѣтей [5]). Иностранцы присутствовали, нерѣдко въ качествѣ свадебныхъ чиновъ, при нашихъ бракосочетаніяхъ и принимали участіе въ свадебныхъ торжествахъ [6]) и т. д. Вообще, въ практической религіозной жизни русскихъ 18 в. мы видимъ полную общительность между ними и иностранцами, въ противоположность прежней замкнутости, отчужденности. Едва ли слѣдуетъ говорить, что внѣ сферы религіозной жизни эта общительность простиралась еще дальше, и даже слишкомъ далеко. Извѣстно, что общественный и частный бытъ нашего образованнаго класса въ 18 в. былъ болѣе или менѣе точною копіею быта западныхъ народовъ. Сознавъ свою отсталость отъ образованныхъ европейцевъ, русскіе 18 в. старались нагнать

[1]) Беберъ. Р. Арх. 1872 г. 1641.
[2]) Перрэ 150. Берхг. III, 95—8 и др.
[3]) Берхг. II, 208, IV, 99.
[4]) Ibid. III 22. Сборн. р. ист. общ. т. 19. 65 и т. д.
[5]) Берх. IV, 76 и др.
[6]) Ibid. I. 205—9. 231—6. III. 38; 88—9.

ихъ, стать въ уровень съ ними, сравниться, если не солидностію образованія, то по крайней мѣрѣ внѣшними формами общежитія, внѣшнимъ лескомъ образованія. Естественнымъ слѣдствіемъ такого стремленія общества было подражаніе иностранцамъ, принявшее по характеру общества, еще юнаго, не способнаго отнестись съ разборомъ, критически къ воспринимаемому, самые широкіе размѣры. Подражали иностранцамъ во всемъ и вмѣстѣ съ добрыми обычаями перенимали у нихъ и много худыхъ; напр. вмѣстѣ съ науками и искусствами, плохо, впрочемъ, прививавшимися къ русской почвѣ, перенимали моды и наряды, и роскошь во всѣхъ ея видахъ, а съ нею и распущенность нравовъ; изучая иностранные языки и стараясь говорить на нихъ, иногда совершенно безъ нужды, забывали свой родной языкъ и т. д Вообще, подражаніе иностранцамъ въ 18 в., и особенно во второй половинѣ его, доходило до крайности, до забвенія и пренебреженія къ своему родному. Сегюръ говоритъ, что русскіе уже съ полвѣка привыкли во всемъ подражать иностранцамъ,—одѣваться, жить, меблироваться, ѣсть, встрѣчаться и кланяться, вести себя на балѣ и на обѣдѣ, какъ французы, англичане, нѣмцы [1]). А Мальмсбюри отзывается о современныхъ ему русскихъ, разумѣется, высшаго общества, что они не имѣли ни въ нравахъ, ни въ характерѣ ничего собственнаго [2]). Эта неумѣренная, рабская подражательность, это увлеченіе всѣмъ иноземнымъ составляетъ выдающуюся и, нужно сказать, печальную черту русскаго образованнаго общества 18 в., говоримъ: печальную, потому что эта вѣтренная подражательность была причиною искорененія многихъ хорошихъ національныхъ обычаевъ и замѣны ихъ чужими дурными обычаями.

Переворотъ въ воззрѣніяхъ и настроеніи русскаго правительства и общества, рѣзко сказавшійся съ самаго на-

---

[1]) 32.

[2]) Р. Арх. 1874 г. 1. 1179.

чала 18 в. рѣшительнымъ стремленіемъ къ усвоенію европейской цивилизаціи, и отразившійся въ области религіозной жизни расширеніемъ вѣротерпимости и сближеніемъ съ инов'ѣрными христіанами, породилъ на западѣ, между католиками, надежды на возможность соединенія русской церкви съ католическою и вызвалъ извѣстную попытку въ этомъ направленіи со стороны сорбонскихъ богослововъ. Въ 1717 г., во время пребыванія Петра въ Парижѣ, сорбонскіе богословы сдѣлали ему предложеніе о соединеніи восточной церкви съ западною и подали объ этомъ предметѣ длинную записку. Въ слѣдующемъ году на эту записку посланъ былъ изъ Россіи отрицательный отвѣтъ, сущность котораго состояла въ томъ, что въ рѣшеніи такого важнаго вопроса, какъ вопросъ о соединеніи церквей, должна участвовать не одна русская, но и вся вселенская церковь [1]). Попытка такимъ образомъ окончилась, какъ и слѣдовало ожидать, ничѣмъ, но она имѣла своимъ послѣдствіемъ продолжительные толки въ западно европейской печати, особенно протестантской. Вопросъ о соединеніи восточной церкви съ западной подвергнутъ былъ всестороннему обсужденію и рѣшался протестантами отрицательно. Послушаемъ, что говоритъ одинъ изъ нихъ,—Веберъ, и какія препятствія указываетъ онъ для осуществленія давняго желанія католиковъ—подчинить себѣ восточную церковь посредствомъ соединенія ея съ западною. Сказавши, что въ 1717 г. Петру Великому былъ представленъ сорбонскими богословами проэктъ соединенія восточной церкви съ западною путемъ взаимныхъ уступокъ, Веберъ продолжаетъ: „но кто имѣетъ свѣдѣнія объ обѣихъ этихъ религіяхъ и кто въ особенности знаетъ правила нынѣ правящаго царя, тотъ легко пойметъ невозможность этого предположенія. Царю необходимо то, чтобы пребывающее въ темномъ невѣжествѣ его духовенство само пріобрѣтало надлежащія

---

[1]) Обозр. иностр. изв. Тург. Журн. М. Н. Пр. ч. XXXVII, 147. 160. 168.

познанія, впушало ихъ вмѣстѣ со страхомъ Божіимъ своимъ слушателямъ и вразумило бы этихъ послѣднихъ въ необходимости повиновенія Богу и своему государю; отъ всѣхъ же споровъ и преній, ему нужно, чтобы духовенство его воздерживалось и стремилось по возможности соединять въ себѣ только простую вѣру съ святою жизнію".

„Введеніе римско-католической вѣры было бы сѣменемъ вѣчныхъ споровъ и нарушило бы церковный и свѣтскій миръ, невозмутимо держащійся до сихъ поръ въ Россіи, а вслѣдствіе сего, безъ сомнѣнія, подвергло бы опасности и то прочное положеніе, въ которое царь поставилъ себя по отношенію къ русскому духовенству и къ вѣрному сторонику этого духовенства, сельскому сословію. Еще менѣе можно было бы предполагать, что съ католическою вѣрою внѣдрится въ Россіи больше знаній, такъ какъ въ настоящее время царь и безъ того частію распространилъ уже ихъ своими достохвальными учрежденіями, частію же продолжаетъ дальнѣйшее ихъ распространеніе призывомъ многихъ ученыхъ людей со всего свѣта и посылкою своихъ кандидатовъ въ иностранные университеты. Такимъ образомъ вслѣдствіе обученія своихъ подданныхъ и вслѣдствіе ограниченія въ Россіи авторитета патріарха, а еще болѣе вслѣдствіе теперешняго устройства русской арміи, значеніе духовной власти подвергнется еще большей зависимости, которой никогда не потерпятъ ни папа, никакой духовный совѣтъ и вообще духовенство, въ пріобрѣтенныхъ уже имъ правахъ по дѣлахъ вѣры".

„О такихъ важныхъ пунктахъ, какъ, напр., о бракѣ священниковъ, свято соблюдаемомъ въ Россіи, а равно и о другихъ, въ которыхъ обѣ церкви разнствуютъ и не легко могутъ придти къ соединенію, говорить здѣсь ничего не стану; замѣчу только, что царь никогда и не помышлялъ о такомъ соединеніи церквей и поэтому всѣ слухи и сужденія объ этомъ приказалъ объявить ложными и не осно-

вительными“ [1]). На это сужденіе Вебера по вопросу о соединеніи церквей можно смотрѣть какъ на выраженіе общаго въ его время всѣмъ протестантамъ мнѣнія по этому предмету; по крайней мѣрѣ Буддей считаетъ также не возможнымъ соединеніе церквей и по тѣмъ же причинамъ, на которыя указываетъ въ сейчасъ приведенныхъ словахъ Веберъ; а Коль даже находитъ, что православная церковь скорѣе можетъ вступить въ союзъ съ протестантствомъ, чѣмъ съ католичествомъ, такъ какъ по своему вѣроученію она ближе къ первому, чѣмъ къ послѣднему [2]). Но указывая эти препятствія для соединенія церквей, протестанты забывали упомянуть еще объ одномъ и притомъ самомъ важномъ, именно глубокой привязанности русскаго народа къ своему православію, съ которымъ неразрывно органически связано все его предшествующее историческое развитіе и весь настоящій строй его жизни. Католики, впрочемъ, хорошо знали и понимали это препятствіе, эту привязанность русскаго народа къ православію. Аббатъ Шапинъ, напр., говоритъ, что народъ русскій привязанъ къ греческой вѣрѣ до фанатизма, и что этотъ фанатизмъ усиливается по мѣрѣ того, какъ удаляются отъ столицы [3]), и утѣшаетъ себя въ неудачѣ, постигшей попытку сорбонскихъ богослововъ, тѣмъ, что эти ученые мужи по крайней мѣрѣ снискали себѣ этою попыткою такое уваженіе средп русскаго духовенства, что это послѣднее убѣждено, будто во Франціи нельзя быть ученымъ, не принадлежа къ этому знам.-нитому сословію [4]).

Мы представили всѣ выдающіяся черты, съ которыми

---

[1]) P. Арх. 1872 г. 1673—5.

[2]) Чистовичъ. Ософанъ Прокоповичъ и его время, примѣч. на стр. 44—5. Коль, разсмотрѣвши пункты согласія и несогласія греко-русской церкви съ римскою и лютеранскою, дѣлаетъ слѣдующій выводъ: „ergo graecorussica et lutherana religio facillime maximeque legitime uniuntur“.

[3]) Антидотъ. XVIII в. Бартен. т. 4. 337.

[4]) Ibid. 334.

выступаетъ нашъ религіозный бытъ въ мемуарахъ иностранцевъ 18 в. Теперь естественно спросить: какое же общее впечатлѣніе, какой общій взглядъ, выносили иностранцы изъ своихъ наблюденій надъ религіозною жизнію русскаго народа? Пусть отвѣтятъ на этотъ вопросъ сами же иностранцы. „Я думаю,—говоритъ Корбъ—что ни одинъ народъ въ свѣтѣ не отличается столькимъ числомъ внѣшнихъ знаковъ, выражающихъ истинное благочестіе, столькимъ числомъ благовидныхъ личинъ честности, какъ этотъ (т. е. русскій), который въ то же время и далеко, безъ сомнѣнія, превосходитъ всѣ другіе народы лицемѣріемъ, обманомъ, вѣроломствомъ и необузданнымъ дерзновеніемъ на всякаго рода преступленія“... „Если звукъ колоколовъ—продолжаетъ тотъ же писатель—и богомольство, выражаемое крестнымъ знаменіемъ, удовлетворяютъ требованія христіанскаго благочестія, то церковь наша имѣетъ въ москвитянахъ самыхъ лучшихъ христіанъ“ [1]). „Вы меня спрашиваете—писала въ одномъ изъ своихъ писемъ въ Англію леди Рондо—о религіи русскихъ; на этотъ вопросъ не съумѣю вамъ отвѣтить, потому что слишкомъ мало владѣю русскимъ языкомъ. Какъ мнѣ кажется, религія здѣсь состоитъ изъ внѣшнихъ обрядовъ и держится однимъ только суевѣріемъ“ [2]); „...народъ этотъ (русскій) такъ мало просвѣщенъ въ дѣлахъ своей вѣры,—замѣчаетъ аббатъ Шаппъ—что онъ вообще считаетъ всѣ религіозныя обязанности исполненными соблюденіемъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ обрядовъ, въ особенности же строгимъ воздержаніемъ во время поста“ [3]). Можно было бы привести много другихъ подобныхъ же отзывовъ, если бы и приведенныхъ не было достаточно для обозначенія взгляда иностранцевъ на нашъ религіозный бытъ въ 18 в. Обобщая частные отзывы и взгляды, мы должны сказать, что иностранцы вообще смот-

[1]) Чт. въ общ. ист. и др. р. 1867. 3. IV. 271.

[2]) Письмо Ш. Р. Старина 1873 г. II, 43.

[3]) Анекдот. XVIII в. Барсукова т. 4. стр. 337.

рѣли на русскихъ, какъ на людей по преимуществу внѣшней набожности, полагавшихъ все свое благочестіе въ строгомъ соблюденіи внѣшнихъ религіозныхъ обрядовъ, въ почитаніи святыхъ, иконъ, мощей и т. д., и въ то же время оставлявшихъ въ сторонѣ болѣе существенныя требованія христіанскаго благочестія. Нельзя не признать значительной доли правды въ такомъ взглядѣ иностранцевъ на характеръ религіозности русскаго народа: нашъ народъ дѣйствительно отличался и отличается склонностію придавать въ дѣлѣ благочестія слишкомъ большое значеніе внѣшней обрядности, иногда даже въ ущербъ истинной религіозности, требующей угожденія Богу болѣе внутреннимъ благочестивымъ настроеніемъ и добрыми дѣлами, чѣмъ внѣшними обрядовыми дѣйствіями. Но признавая вмѣстѣ съ большинствомъ иностранцевъ эту черту въ религіозномъ характерѣ нашего народа, мы не можемъ принять ихъ взглядъ въ полномъ его объемѣ; не можемъ видѣть въ набожности русскихъ людей 18 в. одной мертвой формальности, одного бездушнаго исполненія обрядовъ, а еще менѣе можемъ считать эту набожность плодомъ одного лицемѣрія, ханжества, или суевѣрія. Въ какихъ бы внѣшнихъ формахъ ни проявлялась эта набожность, она все-таки имѣла въ основѣ своей глубокое религіозное чувство, изъ него она истекала и на немъ опиралась. Этого-то внутренняго религіознаго чувства, скрытаго подъ внѣшними формами народной религіозности, иностранцы и не замѣчали и готовы были видѣть въ набожности народа или формализмъ, фарисейство, или плодъ крайняго суевѣрія. Но это и неудивительно; вниманіе ихъ скользило только по поверхности народной жизни, не проникая въ глубь ея; наблюдательность ихъ не шла далѣе внѣшнихъ формъ и обнаруженій, а то, что сокрыто подъ этими формами, что лежитъ въ основѣ этихъ обнаруженій, оставалось для нихъ темною областію, terra incognita. Но, повторяемъ, выдающаяся и, такъ сказать, господствующая черта въ религіозномъ

характерѣ русскаго народа, дававшая сразу замѣтить себя иностранцамъ, схвачена и выражена ими вѣрно, это именно наклонность народа къ внѣшнему обрядовому благочестію. Причину такого направленія народной религіозности нѣкоторые иностранцы, какъ, напр. аббатъ Шаппъ, справедливо видѣли въ неразвитости религіознаго сознанія народа и происходящемъ отсюда смѣшеніи формы съ сущностію, обряда съ вѣрою; а такая неразвитость религіознаго сознанія была слѣдствіемъ недостатка религіознаго просвѣщенія, которое въ 18 в. стояло на очень низкой ступени. Если и теперь еще уровень религіознаго просвѣщенія въ народѣ очень и очень не высокъ, то въ 18 в. онъ былъ, конечно, еще ниже. И дѣйствительно свидѣтельства иностранцевъ 18 в. открываютъ предъ нами печальную картину глубокаго религіознаго невѣжества народа. Корбъ говоритъ, что между русскими весьма мало такихъ, которые бы знали самыя обыкновенныя и самыя краткія молитвы: „Отче нашъ“ или „Богородице Дѣво“ [1]). Правда, это свидѣтельство принадлежитъ еще концу 17 в., но такія же свидѣтельства мы встрѣчаемъ и въ 18 в. Седербергъ, напр. говоритъ, что русскіе кажутся очень благочестивыми, хотя едва одинъ изъ десятерыхъ знаетъ „Отче нашъ“, а многіе даже убѣждены, что знаніе молитвъ—это дѣло священниковъ и господъ, которые не знаютъ другаго дѣла и другихъ заботъ [2]). Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что русскіе такъ мало знакомы съ христіанскимъ ученіемъ, что немногіе знаютъ „Отче нашъ“ и „Символъ вѣры“ [3]). Веберъ говоритъ, что вслѣдствіе отсутствія школъ и проповѣди народъ не можетъ имѣть большихъ свѣдѣній въ религіи [4]); а въ другомъ мѣстѣ онъ прямо отзывается, что народъ пребываетъ въ грубомъ рели-

---

[1]) Чт. въ общ. ист. и др. р. 1867. 3. IV. 265—6.
[2]) Ibid. 1873. 2. IV. 28.
[3]) Ibid. 37.
[4]) Р. Арх. 1872 г. 1352.

гіозномъ невѣжествѣ, не слыша поученій съ церковной каѳедры [1]). Характеренъ слѣдующій разсказъ того же Вебера, указывающій съ одной стороны на тягостное положеніе крестьянъ въ эпоху реформъ, а съ другой на степень ихъ познаній въ вѣрѣ. Одинъ евангелическій проповѣдникъ въ Россіи, передаетъ Веберъ, разсказывалъ мнѣ, что когда онъ разспрашивалъ нѣкоторыхъ простодушныхъ крестьянъ объ ихъ вѣрѣ и о томъ, что должны они дѣлать, чтобы достигнуть блаженства, то они отвѣчали ему, что и не слыхивали о томъ, что могутъ попасть на небо, и полагали всегда, что оно назначено только царямъ да знатнѣйшимъ боярамъ [2]).

Чтобы вывести народъ изъ невѣжества, внести свѣтъ религіознаго просвѣщенія въ темную массу, правительство свѣтское и духовное съ самаго начала 18 в. предпринимало нѣкоторыя мѣры. Такъ, Петръ Великій, сознавая важное значеніе проповѣди, какъ средства къ распространенію въ народѣ здравыхъ религіозныхъ понятій, внушалъ пастырямъ церкви проповѣдывать и вразумлять народъ въ истинахъ вѣры и нравственности [3]). Но, при отсутствіи образованія среди самаго духовенства, такія внушенія не могли достигать своей цѣли. Живое, проповѣдническое слово если и раздавалось по временамъ, то только съ каѳедръ городскихъ церквей, при которыхъ состояли образованные священники, и безмолвствовало въ бѣдныхъ сельскихъ храмахъ [4]). Далѣе, Петръ, съ цѣлію распространенія въ народѣ религіозно нравственнаго просвѣщенія, приказывалъ переводить съ иностранныхъ языковъ сочиненія по части богословія и нравственности и распространять ихъ въ народѣ [5]);

---

[1]) Ibid. 1637.

[2]) Ibid. 1426.

[3]) Обозр. иностр. ист. Турген. Жур. М. П. Пр. ч. XXXVII отд. II. 164. Веберъ. Р. Арх. 1872. г. 1695.

[4]) Перри 138. Веберъ. Р. Арх. 1872 г. 1352. 1637.

[5]) Р. Арх. 1872. г. 1417. Перри 142—3.

сдѣлалъ распоряженіе объ исправленіи и изданіи библіи [1]); наконецъ велѣлъ составить катихизисъ, котораго до того времени у насъ не было [2]). Но всѣ эти мѣры, чисто палліативнаго характера, были безсильны противъ застарѣлой слѣпоты народа. Книги, издававшіяся правительствомъ для назиданія и просвѣщенія народа, могли бы, конечно, принести свою пользу, если бы народъ былъ грамотенъ; но этого-то въ немъ и не было. По свидѣтельству Кокса, принадлежащему уже второй половинѣ 18 в., даже между купцами и мѣщанами, для которыхъ, по роду ихъ занятій, была безусловно необходима грамотность, очень не многіе однако же умѣли читать, писать и считать механически по счетамъ [3]). Да и откуда было взяться грамотности между народомъ, если для него не существовало школъ? Петръ Вел., заботясь объ образованіи дворянства и духовенства и заводя для нихъ школы, не простиралъ однако же заботъ своихъ, по свидѣтельству Фоккеродта и Манштейна, на крестьянъ и мѣщанъ [4]). Не видимъ такихъ заботъ и со стороны ближайшихъ преемниковъ его. Екатерина Вел. первая обратила вниманіе на образованіе простаго народа. Дѣти купцовъ, мѣщанъ и вольныхъ крестьянъ получили при ней доступъ въ привилегированныя учебныя заведенія для дворянъ, напр. въ смольный институтъ, сухопутный шляхетскій Кадетскій корпусъ [5]) и др. Кромѣ того стали заводиться спе-

---

[1]) Веберъ. Рус. Арх. 1872 г. 1695. Зап. Бассевича Р. Арх, 1865 г. 170. Въ указанныхъ мѣстахъ говорится, впрочемъ, не объ исправленіи Библіи, а о переводѣ ея на русскій языкъ. Изданіе библіи состоялось уже при Елизаветѣ Петровнѣ въ 1752 г. (Истор. Соловьева т. 23. стр. 143).

[2]) Донесенія прусск. посл. Мардефельда. Сбор. р. ист. общ. т. 15. стр. 196. Мардефельдъ говоритъ объ этомъ катихизисѣ, что онъ „повсемѣстно составленъ строго по лютеранскому вѣроисповѣданію и выпущены всякія суевѣрія, а также поклоненіе святымъ."

[3]) Р. Старина 1877. II, 46.

[4]) Фоккеродтъ. Чт. въ общ. ист. и др. р. 1874. 2. IV. 3. Зап. Манштейна 382.

[5]) Пребыв. Кокса въ Россіи. Р. Стар. 1877. II. 48. Донес. англ. посл. Лорда Каскарта. Сбор. р. ист. общ. т. 12. 370—1.

ціальныя школы для простаго народа; въ Твери, напр. въ 1776 г. была учреждена школа для мѣщанскихъ дѣтей, на 200 воспитанниковъ, которыхъ обучали чтенію, письму, счетоводству и ремесламъ [1]). Въ Петербургѣ устроено было главное народное училище и при немъ 13 декабря 1783 г. открыта учительская семинарія для приготовленія учителей въ народныя школы [2]). При несомнѣнныхъ услугахъ дѣлу общаго образованія народа, школы эти однако же, кажется, мало приносили пользы собственно религіозному просвѣщенію народа. Иностранцы не говорятъ намъ о томъ, какъ преподавался въ этихъ школахъ Законъ Божій, и даже не упоминаютъ о немъ при перечисленіи предметовъ обученія. Но другіе источники сообщаютъ данныя, заставляющія сильно сомнѣваться, чтобы эти школы оказывали замѣтное вліяніе на религіозное развитіе народа. Въ угоду духу времени, неразборчиво преслѣдовавшему колкою сатирою и дѣйствительныя суевѣрія и чисто православныя вѣрованія, преподаваніе Закона Божія въ этихъ школахъ было значительно стѣснено изъ опасенія, какъ бы не заразить учениковъ суевѣріемъ; законоучителю не рекомендовалось читать страшныхъ разсказовъ изъ ветхаго завѣта, говорить о чудесахъ, о страшномъ судѣ и вѣчныхъ мукахъ; предписывалось преимущественно внушать воспитанникамъ правила естественной религіи сердца и гуманной морали (въ духѣ Ж. Ж. Руссо), а не положительное вѣроученіе и православіе, и слишкомъ настойчиво толковалось о развитіи духа вѣротерпимости, ничѣмъ тогда не отличавшагося отъ чистаго индифферентизма [3]). Обставленное такими ограниченіями и стѣсненіями, преподаваніе Закона Божія въ народныхъ школахъ не могло, конечно, содѣйствовать значительному возвышенію уровня религіознаго обра-

---

[1]) Коксъ. Ibid. 23—4.

[2]) Ibid. 51.

[3]) Рук. къ р. ц. ист. Знаменскаго ст. 455.

зованія народа, а если принять во вниманіе малочисленность народныхъ школъ и слѣд. весьма незначительный процентъ получавшихъ въ нихъ хоть кой-какое религіозное образованіе, то можно съ увѣренностію сказать, что и въ концѣ 18 в. простой народъ былъ погруженъ въ такое же религіозное невѣжество, въ какомъ засталъ его Петръ Великій.

Не выше, чѣмъ въ простомъ народѣ, стояло религіозное образованіе и среди такъ называемаго образованнаго класса, какимъ было въ 18 в. по преимуществу дворянство. Въ первой четверти этого вѣка дворяне ничѣмъ почти не отличались отъ своихъ крестьянъ и по степени общаго образованія; весьма не многіе изъ нихъ умѣли даже читать и писать. Мардефельдъ, по поводу смотра и записи дворянъ въ службу при Петрѣ I (въ 1722 г.), говоритъ, что изъ многихъ тысячъ ихъ не найдется и десяти, умѣющихъ читать и писать [1]). Но благодаря указамъ Петра В., вмѣнявшимъ въ непремѣнную обязанность для дворянъ обученіе своихъ дѣтей, подъ опасеніемъ потери имѣнія [2]), а еще болѣе подъ вліяніемъ усиливавшейся потребности въ образованіи, свѣтское образованіе, хотя медленно, все таки дѣлало замѣтные успѣхи въ обществѣ. Но религіозное образованіе находилось въ пренебреженіи; для распространенія его въ обществѣ не предпринималось такихъ рѣшительныхъ мѣръ, какъ для распространенія свѣтскаго образованія, а само общество, въ большей своей части, эмансипировавшись отъ благочестивыхъ обычаевъ и благочестиваго этикета старины, а съ ними и отъ прежней набожности, мало чувствовало потребность въ такомъ образованіи. Все религіозное образованіе дворянъ и другихъ чиновъ въ первой половинѣ 18 в., по словамъ синодальнаго представленія 1743 г., ограничивалось только чтеніемъ часослова и псалтири, и то еще въ дѣтствѣ, при обученіи грамотѣ [3]). Но съ конца первой по-

[1]) Сборн. р. и. общ. т. 15. 203.
[2]) Перри 142—3.
[3]) Истор. Соловьева 21 т. 258—9. Рук. къ р. и. ист. Знаменскаго 392.

ловины 18 в., т. е. со времени усиленія французскаго вліянія, домашнее воспитаніе перестало давать и такое религіозное образованіе; оно перешло большею частію въ руки гувернеровъ французовъ, людей чуждыхъ по вѣрѣ своимъ питомцамъ, и притомъ людей очень часто безъ всякихъ религіозныхъ убѣжденій и весьма сомнительной нравственности. Что за люди были эти воспитатели благородныхъ дворянскихъ дѣтей, можно видѣть изъ слѣдующаго отзыва о нихъ ихъ же соотечественника, Мессельера: „Мы (члены французскаго посольства) были огорчены и удивлены, говоритъ онъ, найдя, что у многихъ знатныхъ господъ живутъ бѣглецы, банкроты, развратники и не мало женщинъ такого-же рода, которые, по здѣшнему пристрастію къ французамъ, занимались воспитаніемъ дѣтей значительныхъ лицъ; должно быть, что эти отверженцы нашего общества разселились вплоть до Китая: я находилъ ихъ вездѣ“ [1]). Въ рукахъ такихъ педагоговъ домашнее воспитаніе не могло давать религіознаго образованія даже въ духѣ естественной религіи сердца и гуманной морали Ж. Ж. Руссо и прививало только нравственную порчу съ дѣтства. Не давала достаточно религіознаго образованія и школа. Училища, заведенныя Петромъ Вел. для образованія дворянскихъ дѣтей, имѣли чисто практическій и притомъ узко-спеціальный характеръ; они образовывали только моряковъ, инженеровъ, офицеровъ, медиковъ и т. д. [2]), но не ставили своею задачею давать учащимся общее всестороннее образованіе, въ составъ котораго необходимо должно было бы войти, какъ одна изъ сторонъ его, и религіозное образованіе. Недостатокъ въ такомъ образованіи при Петрѣ Вел. отчасти восполнялся духовными школами, не бывшими тогда еще заведеніями спеціально-сословными. Принципъ спеціальности духовныхъ

---

[1]) Р. Арх. 1874. 1. 973. Зап. Сегюра 60.

[2]) Перри 136. Фоккеродтъ. Чт. въ общ. ист. и др. р. 1874. 2. IV. 101. Веберъ. Р. Арх. 1872 г. 1361.

школъ, выраженный въ духовномъ регламентѣ, еще не могъ быть выдержанъ тогда вполнѣ, вслѣдствіе крайней нужды въ образованныхъ людяхъ на всѣхъ поприщахъ государственной службы. Поэтому воспитанники духовныхъ школъ принадлежали къ разныхъ сословіямъ и по окончаніи ученія поступали какъ на духовную службу, такъ и на государственную. Но послѣ Петра Вел. духовныя школы мало по малу обособились и сдѣлались спеціальными, замкнутыми. Религіозное образованіе, такимъ образомъ, сосредоточилось только въ духовенствѣ; на какой ступени стояло оно здѣсь, мы увидимъ далѣе, здѣсь же замѣтимъ только, что, за исключеніемъ очень не большой части, масса духовенства страдала въ большей или меньшей степени невѣжествомъ; неудивительно, если тѣмъ же свойствомъ отличалось и общество: оно не имѣло средствъ пріобрѣсти прочное религіозное образованіе и оставалось при однихъ скудныхъ зачаткахъ его. Правда, въ учебныхъ заведеніяхъ, учреждавшихся послѣ Петра Великаго, особенно въ царствованіе Елизаветы и Екатерины II, въ кругъ предметовъ обученія входилъ и законъ Божій, но на преподаваніе и изученіе его обращалось мало вниманія и потому воспитанники выходили изъ заведеній съ весьма смутными религіозными представленіями, а дѣйствительная жизнь не располагала къ уясненію ихъ.

Отсутствіе серьезнаго религіознаго образованія въ обществѣ открывало широкій просторъ вліянію на него чуждыхъ антиправославныхъ и антирелигіозныхъ воззрѣній, шедшихъ съ запада. Проводниками такихъ воззрѣній были прежде всего иностранцы, со временъ Петра постоянно наводнявшіе Россію, затѣмъ литература иностранная и наконецъ вошедшія въ обычай особенно со второй половины 18 в. путешествія за границу, во время которыхъ русскіе лично знакомились съ представителями религіознаго вольнодумства и заражались крайними отрицательными воззрѣніями.—Въ первой половинѣ 18 в. или, точнѣе, до вос-

шествія на престолъ Елизаветы Петровны, у насъ очень сильна была нѣмецкая партія, а съ ней и протестантское вліяніе. Густою толпою окружали нѣмцы—протестанты Петра Вел., относившагося къ нимъ благосклоннѣе, чѣмъ къ католикамъ [1]). Еще больше возросло число ихъ при Аннѣ Іоанновнѣ; непроницаемою стѣною стали они вокругъ трона и совершенно оттѣснили русскихъ отъ управленія: дворъ, коллегіи, Академія наукъ, гвардія, армія, флотъ—все было въ ихъ распоряженіи [2]). Сильные своимъ положеніемъ и вліяніемъ при дворѣ, они съ нескрываемымъ презрѣніемъ и насмѣшкою относились къ русскимъ и ихъ православію [3]). Эта насмѣшка тѣмъ сильнѣе дѣйствовала во вредъ православію, что общество русское страдало невѣжествомъ, допускало въ своихъ вѣрованіяхъ множество суевѣрій, которыя, падая, роняли съ собою и самыя православныя убѣжденія. Протестантское вліяніе съ самаго начала 18 в. сказалось ослабленіемъ въ обществѣ уваженія къ обрядамъ церковнымъ и правиламъ нравственности; мѣсто прежней, правда, не осмысленной, но горячей набожности, заступила холодность, индифферентизмъ; благоговѣніе къ священнымъ предметамъ смѣнилось легкомысленнымъ отношеніемъ къ нимъ; неуваженіе къ святынѣ иногда доходило до кощунства. Берхгольцъ разсказываетъ, напр., слѣдующій случай кощунства, совершеннаго молодыми аристократами. „Два года тому назадъ—передаетъ Берхгольцъ—князь Хованскій какъ-то пригласилъ къ себѣ въ одно изъ своихъ помѣстій нѣсколькихъ молодыхъ русскихъ князей и дворянъ... Гости эти напоили его до безчувствія, одѣли какъ мертвеца и положили въ найденный ими тамъ настоящій гробъ; потомъ отнесли въ церковь, поставили предъ алтаремъ и совершили надъ нимъ всѣ употребительные у русскихъ похоронные об-

---

[1]) Фоккеродтъ. Чт. въ общ. ист. и др. р. 1874. 2. IV. 19—20.
[2]) Шетарди 15. 26. Манштейнъ 256.
[3]) Письма Леди Рондо 93.

ряды, но оскорбляющимъ религію образомъ. Мало того, они, какъ разсказываютъ, обошлись грязно и съ церковными сосудами, въ особенности съ чашею. Покончивъ всѣ эти шалости, они ушли и оставили его въ гробу предъ алтаремъ, гдѣ онъ лежалъ до тѣхъ поръ, пока не пришли нѣкоторые изъ церковно-служителей и не вынесли его изъ церкви“ [1]). Кощунство это не прошло однако безнаказанно. По распоряженію Петра, провѣдавшаго объ этой шалости, какъ выражается Берхгольцъ, виновники ея были подвергнуты суду и приговорены къ смертной казни; государь однако смягчилъ приговоръ, ограничившись только жестокимъ тѣлеснымъ наказаніемъ, въ своемъ присутствіи [2]). Подобные случаи рѣзкаго проявленія безрелигіозности были конечно рѣдки, потому что влекли за собою кару; обычнымъ же выраженіемъ ея служила небрежность къ посѣщенію богослуженія, соблюденію постовъ и вообще обрядовъ и уставовъ церковныхъ, и особенно нравственная распущенность. Общество предавалось во всю широту своей русской, но еще совершенно не воздѣланной, натуры эпикурейскимъ удовольствіямъ, какъ выражались проповѣдники Елизаветинскаго времени. Скромность, простота домашней обстановки вельможъ въ царствованіе Петра замѣнились при Аннѣ пышностію и непомѣрною роскошью, въ угоду временщику, любившему блескъ и великолѣпіе во внѣшней обстановкѣ [3]).

Вліяніе протестантства на русское общество обусловливалось главнымъ образомъ господствомъ нѣмецкой партіи; съ паденіемъ ея должно было пасть и оно. И дѣйствительно, съ восшествіемъ на престолъ Елизаветы, когда сила нѣмецкой партіи въ лицѣ Миниха, Остермана, Левенвольде, Менгдена и т. п., была сокрушена, ослабѣло и протестант-

---

[1]) Ч. II, 244—5.
[2]) Ibid.
[3]) Зап. Манштейна 181—2. Шетарди 1.

ское вліяніе; но оно сошло со сцены русской жизни не безслѣдно; оно подготовило русское общество къ воспріятію другаго и болѣе сильнаго, замѣнившаго его, вліянія—вліянія французской философіи, подъ воздѣйствіемъ которой религіозный индифферентизмъ и вольнодумство, первыя сѣмена которыхъ посѣяны были протестантами, продолжали развиваться все болѣе и болѣе въ русскомъ обществѣ.

Широкое умственное движеніе, охватившее всю Европу и усилившееся особенно во второй половинѣ 18 в., не могло не отразиться и въ Россіи, умственная жизнь которой со времени Петра I, какъ мы уже замѣчали, неразрывно связана была съ обще-европейскою жизнію. Вождями этого движенія были французскіе философы: Вольтеръ, Дидро, д'Аламберъ и др. Сочиненія ихъ получили обще-европейскую извѣстность и расходились по всѣмъ концамъ Европы. Съ первыхъ годовъ царствованія Елизаветы Петровны стали они проникать и въ Россію и находить и здѣсь себѣ поклонниковъ; ими увлекались даже въ императорской семьѣ; великая княгиня Екатерина Алексѣевна по цѣлымъ суткамъ зачитывалась этихъ блестящихъ, смѣлыхъ и злыхъ твореній. На нихъ воспиталось въ царствованіе Елизаветы цѣлое поколѣніе поклонниковъ философіи, выступившее на историческое поприще уже во второй половинѣ 18 в. Впрочемъ царствованіе набожной и благочестивой Елизаветы Петровны не совсѣмъ благопріятствовало распространенію и проявленію отрицательныхъ философскихъ идей въ русскомъ обществѣ. Строго относясь къ собственнымъ религіознымъ обязанностямъ, Елизавета требовала того же и отъ своихъ приближенныхъ и преслѣдовала всякія противорелигіозныя явленія. Екатерина въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Жоффрень указываетъ на строгость Елизаветы Петровны въ этомъ отношеніи: „въ молодости—говоритъ она—я тоже по временамъ предавалась богомольству и была окружена богомольцами и ханжами. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ нужно было быть тѣмъ или другимъ, чтобы быть въ из-

вѣстной степени на виду“ [1]). За то царствованіе Екатерины Вел. было золотымъ вѣкомъ въ Россіи для французской философіи. Императрица сама содѣйствовала распространенію въ обществѣ произведеній французскихъ философовъ и поощряла чтеніе ихъ. И дѣйствительно французская литература въ подлинникахъ и переводахъ получила самое широкое распространеніе въ обществѣ. Съ особенною жадностію читались сочиненія Вольтера—этого идола всей Европы въ то время, оракула европейскаго общественнаго мнѣнія, этого фернейскаго патріарха и главы всѣхъ философовъ. Сочиненія его переводились на русскій языкъ въ огромномъ количествѣ, раскупались на расхватъ и замѣняли большинству русскихъ читателей всю французскую литературу. „Я имѣлъ много случаевъ замѣтить,—говоритъ Казанова,—какимъ уваженіемъ пользуются французскія книги со стороны русскихъ, т. е. людей образованныхъ, или претендующихъ на образованность. Говоря о французскихъ книгахъ, я разумѣю сочиненія Вольтера, которыя для московитовъ представляли всю французскую литературу. Великій писатель посвятилъ императрицѣ свою „Философію исторіи“, о которой онъ самъ отзывался, какъ о сочиненіи, написанномъ нарочно для Екатерины. Мѣсяцъ спустя послѣ выпуска изъ печати, три тысячи экземпляровъ этого сочиненія были публикованы въ Россіи и раскуплены на расхватъ въ одну недѣлю. Каждый русскій, читающій по французски, носилъ книгу въ своемъ карманѣ, словно молитвенникъ или катихизисъ. Особы высшаго круга только и бредили Вольтеромъ и божились не иначе, какъ его именемъ. Прочитавъ его, они считали себя обладателями знаній самобытныхъ и всесторонніхъ, почти наравнѣ съ своимъ учителемъ. „Но для того, чтобы основательно усвоить знанія и мудрость Вольтера“, говаривалъ я имъ часто, „лучше слѣдовало бы изучать тѣ источники, откуда онъ самъ почерпнулъ ихъ:

---

[1]) Сбор. р. ист. общ. т. 1. 281.

это было бы средствомъ вѣрнѣйшей оцѣнки того и другаго". Но я проповѣдывалъ глухимъ. Фернейскій патріархъ былъ въ ихъ глазахъ—альфа и омега всякаго знанія и всякой премудрости. Русскіе моего времени напомнили мнѣ собою чрезвычайно меткое и тонкое изреченіе одного знаменитаго римскаго прелата, который сказалъ мнѣ однажды: „берегитесь когда либо спорить съ такимъ человѣкомъ, кто ничего не читалъ, кромѣ одной только книги". И такъ я безстрастно смотрѣлъ, какъ проносился мимо меня этотъ шумный потокъ восторженныхъ похвалъ" [1])... Обаяніе Вольтера было такъ велико, что имъ увлекались даже нѣкоторые изъ вашего духовенства, забывая, что этимъ сами на себя налагаютъ руки; бывали случаи, что лютеранинъ дѣлалъ выговоръ русскому священнику за излишнее увлеченіе Вольтеромъ [2]).

Распространенію идей модной французской философіи въ русскомъ обществѣ много способствовали также путешествія за границу, сдѣлавшіяся въ царствованіе Екатерины чѣмъ-то въ родѣ обязательной моды. Всякій дворянинъ, обладавшій достаточными матеріальными средствами, считалъ своимъ непремѣннымъ долгомъ побывать въ чужихъ краяхъ и понабраться тамъ ума-разума, въ смыслѣ знакомства съ самоновѣйшими и самыми крайними воззрѣніями отрицательной философіи; при этомъ было почти не мыслимо путешествовать за границею и не поклониться философамъ, особенно не съѣздить въ Ферней—этотъ Римъ вольнодумства, и не принести поклоненія тамошнему папѣ—Вольтеру. Въ письмахъ Вольтера къ импер. Екатеринѣ упоминается о посѣщеніяхъ многихъ русскихъ вельможъ, напр. кн. Голицына [3]), кн. Дашковой [4]), гр. Орлова [5]) и др.

---

[1]) Р. Стар. 1874. 1. 540—1.

[2]) Исторія россійск. акад. Сухомлинова 251. примѣч. 260 на стр. 423.

[3]) Философическая и политическая переписка импер. Екатерины II съ г. Вольтеромъ I, 95.

[4]) Ibid. I, 218.

[5]) Ibid. II, ст. III.

Это личное знакомство съ философами многіе вельможи усердно поддерживали перепиской, напр. кн. Воронцовъ [1]), Шуваловъ, Голицынъ и др. Благодаря этимъ путешествіямъ въ чужіе края и знакомству съ сочиненіями философовъ, идеи модной философіи быстро распространялись въ русскомъ обществѣ, начиная съ вельможъ и доходя до средняго класса, начиная съ столицъ и достигая провинцій. Результатомъ вліянія этой философіи на русское общество, какъ и слѣдовало ожидать, судя по содержанію и характеру ея, было крайнее развитіе религіознаго вольнодумства и невѣрія. Легкое, насмѣшливое, кощунственное и скептическое отношеніе къ религіи, церкви и христіанству, которымъ запечатлѣны всѣ сочиненія Вольтера и его „родни", какъ называетъ Маколей другихъ философовъ 18 в.,— усвоено было и русскими доморощенными философами. Крайнее кощунство и задорныя выходки противъ предметовъ вѣры считались въ обществѣ яснымъ признакомъ образованнаго человѣка; не быть вольнодумцемъ, значило быть отсталымъ, суевѣромъ, фанатикомъ; о набожности, искреннемъ религіозномъ чувствѣ, соблюденіи религіозныхъ обязанностей не могло быть и помину,—все это признавалось ханжествомъ, суевѣріемъ.—Легкая, не взыскательная мораль модной философіи, основывавшаяся на эгоизмѣ и удовольствіи, нашла также примѣненіе къ русской жизни и выразилась въ нравственной распущенности, дошедшей до высшей степени. Общество прокучивало свои силы и нравственныя и матеріальныя на частыхъ, пышныхъ и дорогихъ обѣдахъ и балахъ; на изумительную роскошь тратились громадныя состоянія [2]). Въ обществѣ и семьѣ царилъ жесткій эгоизмъ; семейные узы были оборваны самымъ грубымъ образомъ. Сынъ, начитавшись современныхъ по-

---

[1]) Нѣкоторыя письма къ нему Вольтера помѣщены въ архивѣ кн. Воронцова т. 5.

[2]) Сегюръ 33—4; 56 и др.

клонниковъ натуры, не считалъ своею обязанностію уважать, или, какъ выражались тогда, респектовать своего отца, потому что всѣ животныя не имѣютъ такого правила и щенокъ не респектуетъ того пса, который былъ его отцомъ. Супружеская вѣрность считалась явленіемъ чрезвычайно смѣшнымъ, смѣшнѣе котораго могла быть развѣ еще ревность. Развратъ являлся на свѣтъ безъ стыда, какъ требованіе природы, которая никогда не грѣшитъ и вѣрна своимъ законамъ [1]). Постановленія церкви относительно браковъ пренебрегались, размножились разводы и незаконные браки въ близкихъ степеняхъ родства [2]).

Наступилъ 1789 годъ. Раздался оглушительный громъ французской революціи и излиберальничавшееся русское общество невольно перекрестилось при страшныхъ раскатахъ этого грома. Начался поворотъ въ настроеніи общества и правительства. Наступила реакція. Съ церковныхъ каѳедръ посыпались на вольнодумцевъ и безбожниковъ громкія обличенія, прежде столь робкія и рѣдкія. Духовная и

---

[1]) Замѣтки о Москвѣ въ 1774. г. француза Велькура. Древн. и Нов. Россіи 1875 г. III. 281. Вотъ какую картину нравовъ въ высшемъ русскомъ обществѣ рисуетъ авторъ этихъ замѣтокъ. „Русскія дамы, побывавшія въ Парижѣ, по большей части усвоили себѣ дурной тонъ нашихъ французскихъ модницъ (petites maitresses) и привезли его съ собою въ Россію. Хорошаго же тона онѣ не пріобрѣли и весьма далеки отъ этой цѣли какъ въ отношеніи пріятности разговора и ума, такъ и въ отношеніи порядочности въ обращеніи и въ туалетѣ. Другія дамы, не бывавшія за границей, хотятъ подражать тѣмъ, которыя подышали воздухомъ Франціи, но имъ удается усвоить себѣ только дурное. Какъ ни стараются онѣ хорошо одѣваться, у нихъ все выходитъ не складно. Три, четыре косынки, одѣтыя безъ вкуса, дѣлаютъ ихъ похожими на кормилицъ, нарядившихся въ дѣтскія пелёнки. А тѣ, что открываютъ грудь, переступаютъ предѣлы приличія, такъ что парижанинъ принялъ бы ихъ за женщинъ на содержаніи. И въ самомъ дѣлѣ, онѣ имѣютъ этотъ видъ, стараются сглашать свои любовныя похожденія и содержать любовниковъ на жалованьи. Здѣсь открыто говорятъ, что такой-то г живетъ въ связи съ такою-то дамою. Разсказываютъ даже, что многія дамы больны вслѣдствіе своего разврата“.

[2]) Лордъ Каскартъ сообщаетъ, напр., что кн. Григорій Орловъ женился на своей двоюродной сестрѣ Зиновьевой, хотя, замѣчаетъ Каскартъ, бракъ въ такомъ близкомъ родствѣ и воспрещенъ церковью (Сборн. р. и. об. т. 19 521—2).

свѣтская литература оживилась обличительными сочиненіями, оригинальными и переводными, противъ Вольтера и французской философіи. Правительство запретило ввозъ періодическихъ изданій; цензура и наблюденіе за книжной торговлей были усилены. Реакція со дня на день усиливалась и при Павлѣ I дошла до крайности. Строгость цензуры для печати не знала предѣловъ [1]). Запрещеніе ввоза иностранныхъ книгъ примѣнялось съ чрезвычайною строгостію; чрезъ границу не пропускали ни одной книги, ни одной рукописи, даже не пропускалась библія [2]). Все, что носило на себѣ малѣйшій отпечатокъ либерализма, или только напоминало его, безпощадно преслѣдовалось. Достаточно было одного подозрѣнія въ либерализмѣ, чтобы лицо, на которое падало такое подозрѣніе, подверглось заключенію въ тюрьму, наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ рудники. Жертвой такой подозрительности былъ, между прочимъ, Августъ Коцебу. Когда онъ спросилъ графа Кутайсова, уже послѣ своего возвращенія изъ ссылки, за что онъ былъ наказанъ, то послѣдній отвѣчалъ, что императоръ не имѣлъ никакого особеннаго повода къ такому обращенію съ нимъ, но что онъ возбуждалъ въ государѣ недовѣріе, какъ писатель [3]). Рѣзкій поворотъ къ строгостямъ показался такъ крутъ современникамъ, что повредилъ самому дѣлу реакціи, и по смерти Павла Петровича на нѣкоторое время возбудилъ новыя вспышки вольнаго направленія умовъ при императорѣ Александрѣ.

Закончимъ этотъ, сознаемся, далеко не полный очеркъ религіознаго быта русскихъ въ 18 в. нѣсколькими замѣтками о религіозномъ характерѣ нѣкоторыхъ изъ царствовавшихъ въ Россіи лицъ въ 18 в.; говоримъ: нѣкоторыхъ, потому что мемуары иностранцевъ, покрайней мѣрѣ тѣ, кото-

---

[1]) Достопам. годъ моей жизни. Коцебу ч. II. 83—7.
[2]) Ibid. 104—5.
[3]) Ibid. 168.

рыми мы пользовались, не представляютъ данныхъ для характеристики въ этомъ отношеніи всѣхъ государей и государынь 18 в Начнемъ съ Петра I. Современники Петра Великаго были невыгоднаго мнѣнія объ его религіозности и даже заподозривали самую чистоту его религіозныхъ убѣжденій. Бассевичъ говоритъ, что Петра подозрѣвали въ намѣреніи уничтожить совершенно поклоненіе, воздаваемое греческою церковію своимъ патронамъ на небѣ [1]). Фокеродтъ замѣчаетъ, что ревнители старины подозрѣвали его вообще въ неправославіи [2]), а простой народъ даже считалъ его нѣмцемъ-еретикомъ [3]). Если мы станемъ на точку зрѣнія современныхъ Петру приверженцевъ старины и особенно простаго народа, то едвали можемъ сказать, что они не имѣли основаній относиться такъ подозрительно къ Петру. Не говоря уже о сближеніи его съ иноземцами - еретиками, введеніи иноземныхъ обычаевъ, его реформахъ государственныхъ и церковныхъ, въ которыхъ народъ, привыкшій отожествлять православіе съ своими національными обычаями и формами жизни, готовъ былъ видѣть измѣну православію,—въ личномъ поведеніи царя, въ частной его жизни, было много такого, чего народъ никакъ не могъ примирить съ выработавшимся въ его сознаніи идеаломъ православнаго царя. Уже одно несоблюденіе постовъ было въ глазахъ народа такимъ грѣхомъ, который приравнивалъ совершавшаго его къ еретикамъ и даже язычникамъ; а Петръ не только не соблюдалъ постовъ, но и дозволялъ себѣ нерѣдко легкое, неуважительное отношеніе къ обрядамъ религіознымъ. Иностранцы указываютъ нѣсколько случаевъ такого отношенія къ обрядамъ. Такъ Корбъ разсказываетъ, что однажды на обѣдѣ у царя князь папа (Зотовъ), по повелѣнію царя, подражая патріарху, раздавалъ присутствующимъ

[1]) P. Арх. 1865 г. 615.
[2]) Фокеродтъ. Чт. въ общ. ист. и др. р. 1874 г. 2. IV. 15.
[3]) Ibid. 105—6.

благословеніе двумя на крестъ сложенными чубуками [1]). Такое профанированіе архипастырскаго благословенія повторялось очень часто; да и самое учрежденіе коллегіи кардиналовъ съ княземъ папою во главѣ, чѣмъ бы оно ни мотивировалось, было все таки не что иное, какъ пародія на церковную іерархію, римскую и свою,—пародія, оскорблявшая чувство народа, привыкшаго относиться съ уваженіемъ къ высшимъ представителямъ іерархіи [2]). Далѣе, иногда царь и его приближенные неосторожно соединяли съ установленіями Церкви такія шутовскія дѣйствія, которыя профанировали священную важность обрядовъ церковныхъ. Таковы не разъ повторявшіеся шутовскіе похороны и свадьбы карликовъ и карлицъ [3]); такова же свадьба князя-папы Зотова въ 1715 г. [4]) и другаго князя папы Бутурлина въ 1721 г.[5]). Удивительно ли, если народъ, который судитъ всегда по одной внѣшности, на основаніи подобныхъ фактовъ составилъ себѣ очень невыгодное представленіе о религіозности царя. Но было бы ошибкою отъ этихъ фактовъ заключать къ внутреннему религіозному настроенію Петра I. Не смотря на то, что онъ дѣйствительно не чуждъ былъ иногда нѣкоторой доли легкаго отношенія къ священнымъ предметамъ, имѣя, можетъ быть, въ виду ослабить этимъ чрезмѣрную привязанность народа къ обрядности,—въ душѣ однако онъ былъ полонъ того же глубокаго и сильнаго религіознаго чувства, которымъ дышалъ и народъ, хотя и не сходился съ нимъ во внѣшнихъ проявленіяхъ этого чувства.—Къ внѣшнему богопочтенію Петръ Великій относился довольно свободно; богомольемъ особеннымъ онъ не отличался. Черты древней русской набожности: постничество, долгіе зем-

[1]) Чт. въ общ. ист. и др. 1857. 1. IV. 150.

[2]) Зап. Бассевича Р. Арх. 1865 г. 169. Берхг. I, 172—3. Фоккеродтъ, Чт. въ общ. ист. и др. р. 1874. 2. IV. 17—19 и др.

[3]) Веберъ, Р. Арх. 1872 г. 1149. 1678—81. Описаніе Петербурга въ 1710 г. 98—103.

[4]) Веббръ Р. Арх. 1872 г. 1155—6.

[5]) Берхг. I, 169.

ные поклоны, возжиганіе многихъ свѣчей предъ образами, любовь къ доброшумнымъ колоколамъ, частое хожденіе въ церковь и т. п.—были не въ духѣ царя. Но можно ли винить его за это?—его, постоянно дѣятельнаго, постоянно занятаго работой, съ удивительной быстротой переносившагося изъ одного конца Россіи въ другой, поспѣвавшаго всюду, гдѣ нуженъ былъ зоркій хозяйскій глазъ, гдѣ нужно было робкихъ ободрить, рьяныхъ сдержать, смирить непокорныхъ? При такой кипучей, многосторонней дѣятельности у него, очевидно, оставалось мало времени на богомолье. Впрочемъ, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ онъ не опустительно присутствовалъ при богослуженіи, при чемъ по живости характера любилъ принимать участіе въ богослуженіи, становился въ ряды пѣвчихъ, пѣлъ съ ними и читалъ апостолъ; часто даже принималъ на себя управленіе хоромъ, обладая сильнымъ голосомъ и вѣрнымъ слухомъ [1]). Даже въ пути онъ не опускалъ по возможности богослуженія въ такіе дни. Такъ во время путешествія изъ Воронежа въ Азовъ, въ 1709 г., всенощная на день Вербнаго воскресенія совершена была въ одномъ казацкомъ городкѣ, встрѣтившемся на пути, а часы на другой день пѣли на бригантинѣ [2]).—Во время богослуженія Петръ требовалъ самаго строгаго благочинія въ церкви и не терпѣлъ, чтобы въ это время кто-нибудь разговаривалъ. Въ тѣхъ церквахъ, которыя онъ посѣщалъ, какъ-то: въ придворной, св. Троицы и др., онъ завелъ особыя кружки, куда съ разговаривающихъ собирались штрафы въ пользу бѣдныхъ [3]). Далѣе, онъ не допускалъ, чтобы работали въ воскресные дни, и даже въ то время, когда особенно нуждался во флотѣ, позволялъ работать на верфи только по окончаніи Божественной службы. Онъ часто говаривалъ: „кто забываетъ Бога и не испол-

[1]) Веберъ Р. Ар. 1872 г. 1149—50. Зал. Бассевича Р. Ар. 1865 г. 170. Берхг. I, 57 и др.

[2]) Собраніе разныхъ записокъ... Туманскаго т. 8. 46.

[3]) Анекдоты прошлаго столѣтія. Р. Арх. 1877. 3. 376—7.

няетъ заповѣдей Его, тотъ сколько бы ни трудился, не сдѣлаетъ многаго, ибо не осѣненъ благословеніемъ свыше“[1]). Соотвѣтственно такому убѣжденію, всякое предпріятіе свое онъ непремѣнно освящалъ молитвою. Закладка дома, города, укрѣпленія, гавани и т. д. всегда сопровождалась молитвою. Замѣчательна въ этомъ отношеніи закладка новой гавани въ Рогервикѣ, происходившая 14 іюля 1723 г. По совершеніи духовенствомъ обычныхъ молитвъ, всѣ, отъ императора до послѣдняго изъ присутствующихъ, носили къ концу берега камни и бросали ихъ въ воду. Когда былъ брошенъ первый камень, государь возвелъ глаза къ небу и изъ груди его вылетѣлъ глубокій вздохъ, безъ сомнѣнія, съ горячею молитвою къ Богу о ниспосланіи благословенія на это новое предпріятіе [2]).—Новые корабли, предъ спускомъ къ плаванію, всегда были освящаемы въ присутствіи самаго Петра; иногда освященіе совершали высшія духовныя лица; такъ напр. на кораблѣ „Пантелеймонъ“ обрядъ освященія совершалъ въ 1721 г. архіепископъ новгородскій Ѳеодосій [3]). Обращаясь къ Богу о помощи при началѣ всякаго предпріятія, Петръ считать своимъ долгомъ также по окончаніи какого нибудь дѣла прежде всего принести благодарственное моленіе Богу. Всякая побѣда, одержанная войсками на сушѣ или на морѣ, непремѣнно сопровождалась благодарственнымъ молебствіемъ. Такъ, не успѣлъ еще смолкнуть громъ орудій на полтавскихъ поляхъ, не успѣлъ разсѣяться пороховой дымъ, застилавшій густою тучею небо, какъ Петръ велѣлъ уже служить молебенъ за дарованіе побѣды и стоны раненыхъ слились съ звуками благодарственной пѣсни „Тебе Бога хвалимъ“ [4]).—Творецъ политическаго и внутренняго могущества Россіи, Петръ былъ чуждъ однако гордости и самомнѣнія; успѣхи своихъ предпріятій онъ приписывалъ

[1]) Ibid.
[2]) Берх. III, 161—2.
[3]) Ibid. I, 120.
[4]) Собраніе разн. запис. Тумавскаго. т. 8 123.

не себѣ, не своей, не знавшей устали, дѣятельности, не своей распорядительности, а единственно помощи Божіей. „Не намъ, Господи, не намъ, а имени Твоему даждь славу“, говорилъ онъ послѣ взятія Нарвы, считая виновникомъ успѣха этого дѣла одного Бога [1]).—Вѣра въ Промыслъ Божій, поднимавшая духъ Петра въ бѣдахъ, не давала ему заноситься и въ счастіи. Кончилась долгая и тяжкая сѣверная война, создавшая на развалинахъ шведскаго могущества политическое значеніе Россіи въ Европѣ. Славный Ништадтскій миръ блистательно увѣнчалъ заботы и усилія Петра. Что же Петръ? возгордился ли успѣхомъ, достигнутымъ благодаря его желѣзному терпѣнію и настойчивости? 22-го октября 1721 г., въ храмѣ св. Троицы, происходило торжественное богослуженіе по поводу заключенія мира. По прочтеніи мирнаго договора и послѣ проповѣди Ѳеофана Прокоповича, великій канцлеръ Головкинъ, отъ имени Сената и всѣхъ государственныхъ сословій, обратился съ рѣчью къ Петру и просилъ его принять, въ знакъ ихъ вѣрноподданнической благодарности, титулъ „Петра Великаго, отца отечества и императора всероссійскаго“. Петръ отвѣчалъ краткими, но достопамятными словами, проникнутыми смиреннымъ признаніемъ Божественной помощи въ этомъ трудномъ дѣлѣ, окончившемся съ такою славою и выгодами для Россіи; „зѣло желаю,—сказалъ онъ,—чтобы нашъ весь народъ прямо узналъ, что Господь Богъ прошедшею войною и заключеніемъ сего міра намъ сдѣлалъ. Надлежитъ Бога всею крѣпостію благодарить; однакоже, надѣяся на миръ, не надлежитъ ослабѣвать въ воинскомъ дѣлѣ, дабы съ нами не такъ сталось, какъ съ монархіею греческою. Надлежитъ трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ, который Богъ намъ предъ очи кладетъ, какъ внутрь, такъ и внѣ, отъ чего облегченъ будетъ народъ“ [2]). Что это были не слова только, не лицемѣрное смиреніе, прикрывавшее горделивое со-

[1]) Ibid. т. 3-й. 445.

[2]) Берхг. I. 193—5.

знаніе собственныхъ заслугъ, а выраженіе дѣйствительнаго чувства, видно изъ слѣдующаго факта. За день до произнесенія этой рѣчи Петръ велѣлъ сенату объявить во всемъ государствѣ, что онъ даетъ прощеніе всѣмъ осужденнымъ преступникамъ, освобождаетъ государственныхъ должниковъ, слагаетъ недоимки, накопившіяся съ начала войны до 1718 г. Причина этихъ милостей въ указѣ, данномъ сенату, выражена въ слѣдующихъ словахъ: „Считая долгомъ воздать славу Всемогущему за благодать, ниспосланную намъ при заключеніи мира и прежде, мы полагаемъ, что не можемъ показать этого болѣе достойнымъ образомъ, какъ даруя прощеніе и изливая благодѣянія на наши народы" [1]).

Религіозное чувство, всегда присущее Петру и постоянно высказывавшееся у него обращеніемъ къ Промыслу, вспыхивало яркимъ пламенемъ и изливалось горячей молитвой въ особенныхъ случаяхъ его жизни. Такъ, послѣ страшной бури на Бѣломъ морѣ, пристав къ берегу, онъ съ усердною благодарственною молитвою поставилъ крестъ въ память о своемъ чудесномъ спасеніи и далъ обѣтъ, по словамъ Корба, поклониться гробу сопменнаго ему апостола въ Римѣ. Стрѣлецкій бунтъ помѣшалъ Петру исполнить этотъ обѣтъ, заставивъ его поспѣшно вернуться въ Москву, въ то самое время, какъ онъ готовился изъ Вѣны отправиться въ Италію [2]). Предъ смертію царевича Алексѣя Петръ въ продолженіи 8 дней каждый день молился на колѣняхъ съ горькими слезами, прося Бога внушить ему мысли, согласныя съ его честію и благомъ народа и государства [3]).—Во время пребыванія своего въ Ригѣ въ 1721 г., Петръ довольно опасно заболѣлъ. По этому поводу Лефортъ пишетъ: „замѣчаютъ, что онъ (Петръ) говѣетъ усерднѣе обыкновеннаго, съ раскаяніемъ, колѣнопреклоненіями и со

[1]) Зап. Бассевича, Р. Арх. 1865 г. 568.

[2]) Чт. въ общ. ист. и др. р. 1867. 3. IV. 241.

[3]) Донесен. голланд. резидента Деби. Истор. Соловьева т. 17. Приложеніе. стр. 403.

многими земными поклонами“ [1]). Обращаясь, наконецъ, къ послѣднимъ днямъ жизни великаго человѣка, нужно сказать, что они были достойны истиннаго христіанина. Послѣ общей консультаціи петербургскихъ медиковъ, увѣрившись въ опасности своего положенія, Петръ повелѣлъ повсемѣстно освободить и избавить отъ всякаго взысканія лицъ, содержавшихся по обвиненіямъ въ оскорбленіи величества и въ воровствѣ, дабы они молились за упокой его души [2]). Затѣмъ онъ два раза причастился Св. Таинъ и отошелъ въ вѣчность, напутствуемый молитвами своего духовника и другихъ духовныхъ лицъ, не отходившихъ отъ его постели до послѣдней минуты его жизни [3]), и полный вѣры и надежды на милосердіе Божіе. „Надѣюсь“,—воскликнулъ онъ, когда печальныя воспоминанія стали смущать его духъ, „что господь будетъ милосердъ ко мнѣ за то добро, которое я сдѣлалъ для своего государства“ [4]).

Анна Іоанновна. О религіозномъ характерѣ этой государыни мы можемъ сказать очень немногое. „Она—писалъ въ одномъ изъ своихъ донесеній Шетарди—болѣе чѣмъ кто либо глубоко предана своей вѣрѣ и возстаетъ тѣмъ болѣе противъ не раздѣляющихъ ея взглядовъ, что она весьма не кстати воображаетъ, что прикрываясь религіею и благочестіемъ, можно отвлечь вниманіе отъ отношеній къ Бирону“ [5]). Эта преданность вѣрѣ выражалась у Анны строгимъ исполненіемъ требованій православной церкви. По свидѣтельству Лефорта, она каждый день ходила въ церковь къ службѣ, и тогда ее всякій могъ видѣть [6]). Далѣе,

---

[1]) Сборн. р. ист. общ. т. 3. 332.

[2]) Зап. Бассевича. Р. Арх. 1865 г. 631.

[3]) Донесен. Лефорта, Сбор. р. и. об. т. 3. 397—400. Зап. Бассевича, Р. Ар. 1865 г. 621. 625.

[4]) Анекдоты прошл. стол. Р. Арх. 1877. 3. 281.

[5]) 90.

[6]) Сборн. р. об. пет. т. 5. 374. Впрочемъ это свидѣтельство Лефорта не подтверждается другими источниками. Такъ Манштейнъ, описывая довольно подробно обыденную жизнь императр. Анны, ни однимъ словомъ не упоминаетъ, чтобы она ежедневно посѣщала богослуженіе. См. Зап. Манштейна. 182—3.

по примѣру своего отца и дѣда, она совершала путешествія на богомолье. Въ донесеніяхъ герцога Лирія мы находимъ напр., слѣдующую замѣтку: „въ четвертокъ 13 числа (13 іюля 1730 г.) эта государыня отправилась на богомолье въ Троицкій монастырь, въ сопровожденіи своихъ двухъ сестеръ, племянницы, принцессы Елизаветы и большей части своихъ министровъ и генераловъ. Хотя этотъ монастырь отстоитъ отъ города (Москвы) всего на двѣнадцать миль, но ея царское величество доѣдетъ туда только въ субботу по полудни; на другой день, воскресенье, она совершитъ свое поклоненіе святынѣ, нынѣ (17 іюля) выѣдетъ оттуда, а въ среду возратится въ эту столицу. Говорили, что она отправится на это богомолье пѣшкомъ, но этого не случилось, и она отправилась въ каретѣ, и только за полмили отъ монастыря она выйдетъ изъ кареты и пойдетъ пѣшкомъ, какъ это дѣлали ея предшественники [1]). Сознаніе своего высокаго положенія, какъ представительницы и защитницы православной церкви, побуждало Анну заботиться о чести и цѣлости церкви и строго относиться къ тѣмъ, которые измѣняли православію. Такъ кн. Голицынъ (Алексѣй Михайловичъ) за принятіе католичества подвергся позорному наказанію. „Не смотря на его 40 лѣтъ, говоритъ Манштейнъ, ни на то, что у него сынъ служилъ въ арміи поручикомъ, его въ одно время произвели въ пажи и придворные шуты, въ наказаніе за перемѣну религіи“ [2]). Но этимъ не кончилось его униженіе; извѣстная шутовская свадьба въ ледяномъ домѣ сдѣлала его посмѣшищемъ всей столицы и даже, можно сказать, всей Россіи, такъ какъ на эту свадьбу были вызваны представители всѣхъ народовъ, населявшихъ Россію [3]).—Но далѣе этой, чисто оффиціальной заботы объ огражденіи православной церкви отъ иновѣрной пропаганды и этого внѣшняго выполненія обычныхъ пріе-

[1]) XVIII в. Бартенева т. 3. 89.
[2]) 184.
[3]) Ibid.

мовъ благочестія, религіозность Анны не шла; она не смягчала ея сердца, отъ природы нѣсколько жесткаго и еще болѣе очерствѣвшаго въ невзгодахъ жизни; и потому наряду съ строгимъ внѣшнимъ благочестіемъ императрицы видимъ жестокое преслѣдованіе священниковъ, которыхъ цѣлыми десятками заразъ свозили въ Петербургъ и заключали въ крѣпость [1]); видимъ систему шпіонства [2]), ссылокъ и казней [3]), сдѣлавшихъ царствованіе Анны самою мрачною эпохою въ новой русской исторіи. Справедливость требуетъ, впрочемъ, сказать, что бо́льшая часть винъ въ жестокостяхъ, совершенныхъ въ царствованіе Анны, падаетъ не на самую Анну, а на ея недостойнаго любимца, именемъ котораго народъ справедливо заклеймилъ это тяжкое и печальное для него время. Леди Рондо и Манштейнъ стараются даже совершенно оправдать Анну и приписываютъ ей мягкое, сострадательное сердце, сваливая всю отвѣтственность предъ судомъ потомства за жестокости ея правленія на одного Бирона. „Императрица Анна—говоритъ Манштейнъ—по природѣ была добра и сострадательна и не любила прибѣгать къ строгости. Но какъ у нея любимцемъ былъ человѣкъ чрезвычайно суровый и жестокій, имѣвшій всю власть въ своихъ рукахъ, то въ царствованіе ея тьма людей впали въ несчастіе. Многіе изъ нихъ, и даже лица высшаго сословія, были сосланы въ Сибирь безъ вѣдома императрицы“ [4]).

Елизавета Петровна. Любовь къ роскоши, негѣ и удовольствіямъ не исключала въ Елизаветѣ Петровнѣ самой искренней и горячей набожности. Еще въ молодости она предавалась по временамъ усиленному богомолью; ходила, напр., пѣшкомъ на поклоненіе святынѣ подмосковныхъ монастырей [5]). Съ годами, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ

[1]) Донесен. Лефорта. Сборн. р. ист. общ. т. 5. 469—479.

[2]) Маркизъ-де-ла-Шетарди. Пекарскаго 289—294. 366 и др.

[3]) Манштейнъ 27—9. 37—8.

[4]) 194. Письма Леди Рондо 56—7.

[5]) Письма о Россіи Дука де Лирія XVIII в. Бартенева т. 2. 103.

обстоятельствъ жизни, религіозное настроеніе ея еще болѣе усилилось. Полузатворническая жизнь, начавшаяся для нея съ самаго вступленія на престолъ Анны и длившаяся въ теченіи всего этого царствованія, какъ нельзя болѣе располагала ее къ набожности и, безъ сомнѣнія, должна была оказать сильное вліяніе на развитіе ея религіознаго чувства. Съ особенною силою высказалось это чувство въ ту трудную минуту ея жизни, когда она шла отбирать отцовскій престолъ. Упавъ на колѣни предъ образомъ Богоматери, она долго и прилежно молилась [1]) и дала обѣтъ, въ случаѣ воцаренія, никого не казнить смертію [2]). Тогда же она дала обѣтъ по исходѣ каждаго часа, днемъ и ночію, молиться образу Спасителя, находившемуся въ изголовьи ея кровати; для выполненія этого обѣта, она держала во дворцѣ особыхъ старухъ, которыхъ обязанность состояла въ томъ, чтобы послѣ каждаго боя часовъ будить ее [3]). Переворотъ, доставившій престолъ Елизаветѣ, совершенъ былъ съ такими ничтожными средствами и при такихъ обстоятельствахъ, что она не могла не видѣть въ успѣхѣ его дѣла рукъ Божіихъ. Естественно, что это событіе должно было еще болѣе укрѣпить ея религіозность, ея вѣру въ Промыслъ. И дѣйствительно, набожность и благочестіе оставались отличительными чертами ея характера и послѣ восшествія на престолъ, во все время послѣдующей ея жизни. Она любила по прежнему посѣщать монастыри, не разъ ѣздила на богомолье въ Троицкую лавру [4]); любила дѣлать богатыя пожертвованія въ храмы, на украшеніе иконъ. Вскорѣ послѣ своего воцаренія, она, по словамъ Нецольда, учредила церковное торжество въ честь чудотворной иконы, предъ которою молилась въ роковую ночь

---

[1]) Шетарди 399.

[2]) Зап. Манштейна 250. Арх. кн. Воронцова т. 3. 649—50. (Извлечен. изъ француз. Утрехтской газеты отъ 8 февр. 1754 г.).

[3]) Р. Арх. 1877 г. III, 391.

[4]) Арх. кн. Воронцова т. 1. Дѣло о Маркизѣ Шетарди. 568.

переворота, и пожертвовала на украшеніе ея алмазъ, купленный за 30 т. руб. [1]). По ея же повелѣнію, для мощей св. Александра Невскаго была сдѣлана серебряная рака, поставленная на превосходномъ памятникѣ, покрытомъ серебряными досками значительной толщины [2]).—При всѣхъ торжественныхъ религіозныхъ церемоніяхъ, совершавшихся въ столицѣ, Елизавета присутствовала лично. Такъ, напр., въ торжественномъ крестномъ ходѣ 6 января она принимала непосредственное участіе, тогда какъ Анна Іоанновна и Анна Леопольдовна обыкновенно только смотрѣли на обрядъ изъ оконъ дворца [3]). Иностранцевъ, имѣвшихъ возможность познакомиться съ обыденною жизнію Елизаветы, особенно поражала строгость воздержанія ея во время постовъ. Мать Екатерины II, Іоанна-Елизавета, говоритъ, что Елизавета Петровна не могла выносить даже запаха мяса въ постъ [4]). По словамъ Шетарди, она „не удовольствовалась самымъ строгимъ, какимъ только можно себѣ придумать, выполненіемъ поста и соблюденіемъ въ продолженіе страстной недѣли всѣхъ требуемыхъ тогда обрядовъ, и должно думать, что она считала необходимымъ показать своимъ народамъ примѣръ уваженія, должнаго церкви. Если суевѣріе, или частные виды нисколько не входятъ сюда, то, конечно, такой образъ дѣйствій заслуживаетъ похвалы“ [5]). Время поста Елизавета проводила въ строгомъ уединеніи, нигдѣ не показывалась, не давала публичныхъ аудіенцій, такъ что иностранные министры, уѣзжавшіе изъ Россіи, должны были откланиваться ей предъ постомъ [6]). Даже государственныя дѣла отступали въ это время на второй планъ. Шетарди съ досадою говоритъ, что во время

---

[1]) Сборн. р. и. общ. т. 6. 442.
[2]) Письма Леди Рондо, Р. Стар. 1873 г. II, 42.
[3]) Донесен. Пецольда. Сборн. р. ист. об. т. 6. 391.
[4]) Сборн. р. ист. общ. т. 7. 27.
[5]) Стр. 613.
[6]) Зап. Мессельера, Р. Арх. 1874. I. 1019.

поста царицу нельзя было видѣть, и она отказывалась выслушивать и такія дѣла, отлагать которыя далѣе не позволялъ ея собственный интересъ [1]). Словомъ, во время поста Елизавета по строгости воздержанія и уединенія скорѣе походила на монахиню, чѣмъ государыню, и во многомъ напоминала своего дѣда и его предшественниковъ.— Наконецъ, есть преданіе, что Елизавета имѣла намѣреніе окончить свою жизнь въ монашествѣ и съ этою цѣлью приказала строить, такъ называемый, смольный монастырь, получившій послѣ нея другое назначеніе [2]).

Петръ III представлялъ совершенную противоположность Елизаветѣ по своему религіозному характеру. Наполовину нѣмецъ по рожденію (по отцу), вполнѣ протестантъ по воспитанію, онъ не любилъ ни Россіи, ни ея православія. Вызванный Елизаветою изъ Голштиніи въ качествѣ наслѣдника русскаго престола, онъ вскорѣ, по пріѣздѣ въ Россію, принялъ православіе. Обрядъ присоединенія совершился въ придворной церкви, въ Кремлѣ. „По краткости времени, даннаго для приготовленія къ этому обряду герцогу Голштинскому,—говоритъ Пецольдъ—нельзя допустить, чтобы онъ пріобрѣлъ уже достаточныя познанія въ ученіи греческой церкви. Такъ какъ для обученія его назначили архимандрита (Симона Тодорскаго), который въ молодости былъ 4 года студентомъ въ Галле, откуда вынесъ очень не строгія убѣжденія, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ потребовалъ отъ герцога лишь поверхностнаго знанія уставовъ греко-россійской церкви. Изъ собственныхъ разговоровъ герцога можно заключить, что онъ не будетъ фанатикомъ въ вѣрѣ и даже въ самый день принятія греко-россійскаго исповѣданія онъ выразился въ присутствіи Ботты (австрійскаго посл.) и Мардефельда (прусскаго) на счетъ поповъ, что имъ обѣщаешь многое, чего не можешь исполнить“ [3]). Изъ послѣднихъ словъ

---

[1]) Арх. кн. Воронцова I, 504.

[2]) Вейдемейеръ. Царствов. Елизаветы Петровны. ч. 2. 142.

[3]) Сборн. р. и. об. т. 6; 463—4.

видно на сколько было искреннее обращеніе Петра въ православіе. И дѣйствительно, Петръ III сохранилъ въ душѣ симпатіи къ протестантизму и послѣ вступленія въ православную церковь, что особенно обнаружилось послѣ воцаренія его. Мы уже упоминали о намѣреніи его сократить число иконъ въ русскихъ церквахъ: тогда же онъ выразилъ архіепископу новгородскому свое желаніе, чтобы русское духовенство бросило носить длинныя бороды и длинное платье и впередъ одѣвалось такъ, какъ одѣваются протестантскіе пасторы [1]). Но на этомъ не остановилось сочувствіе Петра къ протестантству. Онъ вздумалъ было соорудить въ своемъ дворцѣ протестантскую молельню, подъ тѣмъ предлогомъ, что она необходима для придворной прислуги, исповѣдующей эту религію. Архіепископъ Новгородскій, которому онъ открылъ это намѣреніе, прямо объявилъ, „что русское духовенство скорѣе дастъ себя вовсе истребить, чѣмъ станетъ равнодушно и въ молчаніи смотрѣть на такія нововведенія“ [2]). Не осмѣлившись пренебречь такъ рѣшительно заявленнымъ протестомъ, Петръ ограничился тѣмъ, что устроилъ молельню въ Ораніенбаумской крѣпости и заставилъ находившихся тамъ русскихъ дамъ и другихъ знатныхъ лицъ присутствовать при проповѣди, во время освященія молельни, и обычной при этомъ лютеранской церемоніи [3]).—О православіи и русскомъ духовенствѣ Петръ говорилъ всегда презрительно [4]). Къ православному богослуженію относился съ крайнимъ пренебреженіемъ и выражалъ это пренебреженіе публично. „Никому не было извѣстно—говоритъ Минихъ,—каковы были внутреннія религіозныя убѣжденія императора, но извѣстно всѣмъ, что во время богослуженія онъ былъ обыкновенно не внимателенъ и, ко всеоб-

---

[1]) Донесенія Мерси Аржанто. Сбор. р. и. об. т. 18. 371.
[2]) Ibid. 391.
[3]) Ibid. 477—8.
[4]) Ibid.

щему соблазну, подходилъ то къ одной дамѣ, то къ другой, чтобы поговорить съ ними“ [1]). „Вообще не легко себѣ представить,—говоритъ другой иностранецъ, гр. Мерси-Аржанто,—какое странное пренебреженіе царь оказываетъ публично къ господствующей религіи своего государства. Въ предпослѣдній торжественный день Св. Троицы, празднуемый особенно греческою церковію, онъ принималъ, увѣряютъ, иностранныхъ министровъ и дворянство въ придворной церкви, гдѣ онъ, точно въ своихъ покояхъ, ходилъ взадъ и впередъ и громко разговаривалъ съ лицами обоего пола, тогда какъ въ то же время торжественно совершалась обѣдня и императрица стояла въ благоговѣніи на своемъ мѣстѣ; это не благопристойное поведеніе государь простеръ такъ далеко, что въ той части службы, гдѣ всѣ становятся на колѣни, онъ съ насмѣшкою на лицѣ и въ жестахъ и съ громкимъ смѣхомъ вышелъ изъ церкви и возвратился только тогда, когда всѣ уже встали, по окончаніи колѣнопреклоненной молитвы. Такое необыкновенное поведеніе царя, обнаруживающееся во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, возбуждаетъ противъ него въ народѣ ненависть и отвращеніе“ [2])... Приведенные факты и выдержки достаточно ясно обрисовываютъ религіозный характеръ Петра III. Неуваженіе Петра къ православной церкви было одною изъ причинъ общаго недовольства противъ него, открывшаго путь къ престолу Екатеринѣ II. По свидѣтельству гр. Мерси, Екатерина старалась воспользоваться религіозностію солдатъ, чтобы вооружить ихъ противъ Петра III, представляя имъ, что православная церковь находится въ сильной опасности отъ него [3]). Что касается самой *Екатерины*, то она далеко не походила на своего супруга. Хотя, подобно Петру, она родилась внѣ Россіи, была дочерью Германіи, и первоначальное воспитаніе получила въ духѣ, чуждомъ русскому православію, но въ те-

[1]) Р. Стар. 1874. I. 102.
[2]) Сборн. р. и. об. т. 18. 391—2.
[3]) Ibid. 468.

ченіи 17 лѣтъ, протекшихъ со времени ея прибытія въ Россію до вступленія на престолъ (1744—1762), она сроднилась съ русскою жизнію, проникласъ завѣтными убѣжденіями русскаго народа, полюбила его православіе, однимъ словомъ, ассимилировалась, стала русской. „Желаю и хочу только блага той странѣ, въ которую привелъ меня Господь; слава ея сдѣлаетъ меня славною“—писала она, будучи еще великой княгиней въ собственноручныхъ замѣткахъ, не предназначавшихся для свѣта [1]).

Начавшіяся со времени восшествія на престолъ, оживлѣнныя личныя и письменныя сношенія Екатерины съ западными философами (Вольтеромъ, Дидро, д'Аламберомъ, Циммерманомъ, Гриммомъ и др.) и дружба съ ними не набрасываютъ тѣни на религіозный характеръ великой государыни. Удовлетворяя потребностямъ философски развитаго ума Екатерины, эти сношенія въ тоже время служили и политическимъ ея видамъ, имѣли цѣлью опроверженіе ложныхъ слуховъ о Россіи, разсѣеваемыхъ на западѣ врагами ея, и распространеніе такихъ свѣдѣній, которыя бы могли внушить уваженіе къ ней, заставить бояться ее и видѣть въ ней не варварскую страну, какою она еще такъ недавно была, а страну цивилизованную, или по крайней мѣрѣ дѣятельно стремящуюся усвоить себѣ плоды западной цивилизаціи [2]). Покровительство и благодѣянія, которыя

---

[1]) Сборн. р. ист. общ. т. 7. 83.

[2]) Какъ смотрѣла сама Екатерина на свою переписку съ философами, какое давала ей значеніе, можно видѣть изъ слѣдующаго письма ея къ неизвѣстному лицу (отъ 17 сент. 1789 г.). Приходилось защищаться отъ упрековъ одного высокопоставленнаго духовнаго лица, кажется, митрополита Платона, за сношенія съ Вольтеромъ, и вотъ какъ и чѣмъ оправдываетъ императрица свою переписку съ „безбожникомъ“. „Вы можете отвѣтствовать“, читаемъ въ этомъ письмѣ, „что менѣе всего ожидать надлежало благотворительной руки, отъ святительской особы осыпанной, отличенной и возведенной щедростію и щедротами,—безразсудной толкъ извѣстной переписки, которой одно злобою наполненное сердце лишь можетъ дать кривое толкованіе; попеже сама собою та переписка весьма невинна, въ такое время, когда 80-лѣтній старикъ старался своими по всей Европѣ жадно читаемыми сочиненіями прославить Россію, уни-

оказывала Екатерина западнымъ писателямъ, будучи данью признательности мудрой государыни великимъ умамъ за ихъ заслуги на пользу человѣчества, въ тоже время пріобрѣтали ей сочувствіе общественнаго мнѣнія Европы, создавали ея славу; въ ней видѣли преемницу Людовика XIV, прославившагося покровительствомъ наукамъ и искусствамъ; и слава, пріобрѣтенная на этомъ поприщѣ Парижемъ, переходила въ Петербургъ; здѣсь находился Августъ, здѣсь, по словамъ Вольтера, свѣтила самая блестящая сѣверная звѣзда, свѣтъ которой разгонялъ мракъ невѣжества [1]). Но пользуясь модными философами, какъ органами общественнаго мнѣнія Европы, для прославленія себя и Россіи, Екатерина была далека отъ того, чтобы подчиниться ихъ крайнимъ воззрѣніямъ, стать безусловно подъ ихъ вліяніе; она сохраняла полную независимость и самостоятельность своихъ убѣжденій и воззрѣній какъ политическихъ такъ и религіозныхъ. Частыя и долгія бесѣды съ атеистомъ Дидро во время его пребыванія въ Петербургѣ [2]) не сдѣлали ее атеисткой. „Радуюсь“ — писала она въ письмѣ къ Вѣлькѣ — „радуюсь, что принадлежу къ числу безумцевъ, которые вѣрятъ въ Бога“ [3]). Переписка съ вольнодумнымъ скептикомъ Вольтеромъ непоколебала ея уваженія къ православію и обрядамъ православной церкви. По словамъ Сегюра, „она обнаруживала большое уваженіе къ религіи“ [4]) и своею набожностію, благотворительностію и добротою за-

---

зить враговъ ея и удержать дѣятельную вражду своихъ соотчичей, кои тогда старались распространить повсюду язвительную злобу противу дѣлъ нашего отечества, въ чемъ и преуспѣли. Въ такомъ видѣ и намѣреніи письмы, писанныя къ безбожнику, кажется, не нанесли вреда ни церкви, ни отечеству“ (Р. Арх. 1866. № 1 стр. 71—72. Ср. Рамбо: „императрица Екатерина II въ перепискѣ съ иностранцами“. Р. Арх. 1877 г. II, 292. „Русское вольнодумство при имп. Екатеринѣ II и эпоха реакціи“. Ф. А. Терновскаго. Труды К. д. А. 1868 г. I, 424).

[1]) Переписка Екатерины съ Вольтеромъ I, 20. 24—25.

[2]) Зап. Сегюра 149—50. Зап. Академика Берлинскаго Тьебо. Р. Стар. 1878 г. III, 567.

[3]) Сборн. р. ист. об. т. 13. 142.

[4]) Зап. Сегюра 17.

служила любовь народа [1]). „Императрица—пишетъ баронъ Димсдель—примѣрнымъ образомъ соблюдаетъ обряды греческой Церкви“ [2]). Дѣйствительно, Екатерина усердно соблюдала церковные обряды. Въ праздничные дни она неотмѣнно присутствовала при богослуженіи и требовала, чтобы и придворныя дамы непремѣнно являлись въ такіе дни ко двору и къ богослуженію; съ неявлявшихся взыскивался штрафъ въ 10 руб. [3]). Коксъ, видѣвшій Екатерину въ церкви, во время богослуженія, замѣчаетъ: „императрица часто наклоняла голову и благочестиво крестилась“ [4]). Она предпринимала путешествія для богомолья по разнымъ монастырямъ [5]); въ 1763 г. она ѣздила въ Ростовъ для поклоненія мощамъ св. Димитрія [6]); въ 1787 г. была въ Кіевѣ [7]). Во время путешествій, по пріѣздѣ въ какой нибудь городъ, она тотчасъ отправлялась въ мѣстную церковь и молилась [8]), не обращая вниманія на то, что спутники ея, вродѣ, напр., Сегюра, жаловались, что имъ наскучило слушать все однѣ и тѣ же православныя обѣдни [9]). Вообще, по своему религіозному характеру Екатерина была вполнѣ православною русскою царицею. Она оказывала уваженіе даже такимъ обычаямъ, которые не имѣютъ тѣсной, непосредственной связи съ религіею и богопочтеніемъ, но освящены древностію и народнымъ уваженіемъ. Таковъ обычай цѣлованія священническихъ рукъ. Иностранцы находили очень страннымъ и удивительнымъ, что императрица цѣловала руки у духовныхъ лицъ. Каскартъ, описавъ церемонію закладки Исаакіевскаго

---

[1]) Ibid. 18.

[2]) Зап. Барона Димсделя Сборн. р. и. об. т. 2. 321. Донесен. франц. посл. Бретейля. Истор. Соловьева т. 25, 95—6.

[3]) Письма Никара Р. Стар. 1870 г. I, 315—16.

[4]) Р. Стар. 1877 г. II, 28.

[5]) Донесен. англійск. посл. Сборн. р. ист. общ. т. 12. 44.

[6]) Ibid. 104.

[7]) Зап. Сегюра. 116 и слѣд.

[8]) Ibid. 82.

[9]) Ibid. 154.

собора, въ заключеніе говоритъ: „я никогда не видѣлъ болѣе торжественнаго и великолѣпнаго зрѣлища, но не долженъ забыть упомянуть о весьма удивительномъ обстоятельствѣ: все духовенство по чинамъ подходило къ императрицѣ и цѣловало ей руку, а она въ свою очередь въ то же время цѣловала ихъ руки“ [1]). Замѣчательна полемика Екатерины по поводу этого обычая съ Вольтеромъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, Вольтеръ съ обычною своею беззастѣнчивостію писалъ: „Умоляю васъ, всемилостивѣйшая Государыня, внести въ уложеніе ваше особливый законъ, который бы не позволялъ никому у поповъ цѣловать руки... Правда, что Христосъ дозволилъ Магдалинѣ цѣловать его ноги, но ни наши попы, ни ваши ничего общаго со Христомъ не имѣютъ“ [2]). Императрица старалась защитить этотъ благочестивый обычай, выражающій уваженіе къ церкви въ лицѣ ея представителей, древностію его. „Что принадлежитъ до сдѣланнаго вами вопроса о цѣлованіи священническихъ рукъ, то я вамъ скажу, что это принятое греческою церковію обыкновеніе, которое установлено, какъ я думаю, почти въ одно время съ нею... И такъ, не вооружайтесь противъ такого древняго обыкновенія.. Я съ 14-ти лѣтъ соображалась сему введенному обыкновенію... Если вы сами, пріѣхавъ сюда, сдѣлаетесь священникомъ, то я буду просить у васъ благословенія, но полученіи же онаго, охотно поцѣлую ту руку, которая столь много хорошаго, столь много полезныхъ истинъ написала“ [3]). —Не можемъ обойти молчаніемъ еще одинъ фактъ, бросающій свѣтъ на религіозный характеръ Екатерины и свидѣтельствующій о глубокомъ уваженіи ея къ требованіямъ Православія и національнаго чувства русскаго народа. Въ Августѣ 1796 г. прибылъ въ Петербургъ шведскій Король Густавъ IV Адольфъ. Для высшаго круга тогдашняго петербургскаго общества не было тайной, что цѣль пріѣзда молодаго ко-

[1]) Донесен. англійск. послан. Сбор. р. и. об. т. 12. 350—1.
[2]) Переп. Екатер. съ Вольт. II, 200.
[3]) Ibid. II. 197—8.

роля — заключеніе брачнаго союза его съ великою княжною Александрою Павловною. Екатерина сама сильно желала этого брака и еще за долго до пріѣзда Густава въ Петербургъ хлопотала о немъ чрезъ своихъ министровъ въ Стокгольмѣ. Послѣ нѣсколькихъ неудачъ, дѣло начало близиться къ успѣшному концу, а съ пріѣздомъ короля въ Петербургъ оно повидимому окончательно рѣшено было; даже назначенъ былъ день и часъ обрученія. Но вдругъ возникло препятствіе, оказавшееся непреодолимымъ,—именно вопросъ о вѣроисповѣданіи невѣсты. Густавъ IV, не смѣя нарушить основнаго закона своей страны, наотрѣзъ отказался подписать брачный договоръ, обезпечивавшій великой княжнѣ свободу вѣроисповѣданія и предоставлявшій ей право имѣть въ королевскомъ дворцѣ свою церковь и своего духовника. Екатерина съ своей стороны не уступила и бракъ разстроился. Не смотря на то, что эта неудача наносила тяжелый ударъ гордости вѣчно счастливой въ своихъ предпріятіяхъ Екатерины,—ударъ, сведшій ее потомъ въ могилу, она не рѣшилась для отстраненія его пожертвовать православіемъ своей внучки и вѣковымъ обычаемъ своего народа, запрещавшимъ выдавать княжну за иновѣрнаго государя, не обезпечивши ей напередъ сохраненія и свободы православнаго вѣроисповѣданія. Въ своемъ уваженіи къ требованіямъ православія и національнаго чувства народа, Екатерина хотѣла быть болѣе русскою, чѣмъ сами русскіе — замѣчаетъ Массонъ, у котораго мы заимствовали этотъ разсказъ [1]).

Павелъ I. Воспитанникъ знаменитаго Платона [2]), Павелъ еще въ дѣтствѣ получилъ прочные религіозные задатки, принесшіе въ пору болѣе зрѣлаго возраста плоды достойные и воспитателя и воспитанника. Массонъ, говоря объ участіи Павла въ разсказанномъ выше событіи, замѣчаетъ,

[1]) Памятники новой русск. истор. Сборн. историч. статей и матеріаловъ. Кашпирева т. 1, 318—31).

[2]) Донесен. анг. посл. Сбор. р. ист. общ. т. 12. 351.

что онъ былъ вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ матери и даже превзошелъ ее „въ строгости и уваженіи къ требованіямъ православной религіи“ [1]). „Личныя его (Павла) качества— говоритъ Литта— суть: набожность, вѣра и великая любовь къ правосудію, оказываемому имъ всѣмъ и весьма ускореннымъ образомъ“ [2]). Религіозность по внутреннему чувству усиливалась въ Павлѣ сознаніемъ долга, а этотъ долгъ получалъ особенное значеніе и силу въ виду грозныхъ событій, совершавшихся на западѣ, въ виду революціоннаго движенія, охватившаго Европу, колебавшаго престолы и ниспровергавшаго основы общественнаго порядка: религію и нравственность. Видя въ революціонномъ движеніи результатъ вольнодумныхъ философскихъ идей, пустившихъ глубокіе корни въ массахъ народныхъ, Павелъ не могъ не глушаться ими. Впрочемъ философія никогда не пользовалась его сочувствіемъ; будучи еще великимъ княземъ, т. е. въ эпоху наибольшей моды на философію, онъ не раздѣлялъ однако общаго увлеченія философскими идеями; по словамъ Гуннинга, онѣ возбуждали въ немъ отвращеніе и ужасъ [3]). Когда Дидро прибылъ въ Петербургъ (1773 г.), то Павелъ оказалъ ему очень холодный и неблагосклонный пріемъ [4]). Вступивши на престолъ, Павелъ мечталъ стать во главѣ контрареволюціоннаго движенія, собравши подъ свое знамя всѣ религіозные и консервативные элементы какъ внутри Россіи, такъ и заграницей. Для противодѣйствія невѣрію и революціоннымъ идеямъ онъ благосклонно подалъ руку іезуитамъ, сблизился съ римско-католическою церковію и дозволилъ пріѣхать въ Россію папскому нунціо [5]). Съ тою же цѣлью онъ принялъ подъ свое покровительство Мальтійскій

---

1) Памятн. нов. р. ист. Каширева т. 1. 330.
2) Депеши гр. Литты. Сбор. р. ист. общ. т. 2. 227.
3) Сборн. р. и. об. т. 19, 389. 397.
4) Ibid.
5) Депеши гр. Литты. Сбор. р. ист. общ. т. 2. 192.

Орденъ, въ которомъ надѣялся соединить всѣ лучшія и благороднѣйшія силы, чтобы во главѣ ихъ идти на спасеніе Европы [1]). Но этимъ мечтамъ не суждено было осуществиться при его жизни; слава спасенія Европы выпала на долю его сына и преемника.

II.

Состояніе духовенства въ 18 в. по мемуарамъ иностранцевъ.

Крайне неудовлетворительное положеніе духовенства въ до-петровской Руси было ясно сознано и духовною и свѣтскою властію и рѣзко засвидѣтельствовано и соборными приговорами, и посланіями къ духовенству патріарховъ и архіереевъ, и царскими указами, направленными противъ разныхъ злоупотребленій и нравственныхъ безпорядковъ. Несостоятельность духовенства, несоотвѣтствіе его своему назначенію сказалось съ особенною силою и ясностію при поворотѣ Россіи на новый путь, на путь сближенія съ западною Европою,—поворотѣ, обозначившемся довольно замѣтно еще съ начала второй половины 17 в., усилившемся къ концу этого столѣтія и завершившемся реформами Петра Вел. Усиленіе иноземнаго-иновѣрнаго вліянія, бывшее естественнымъ слѣдствіемъ сближенія съ западомъ, выдвигало съ особенною настойчивостію вопросъ о религіозномъ просвѣщеніи и нравственномъ воспитаніи народа Воспитывать народъ въ истинахъ вѣры и нравственности было всегда главною и существенною обязанностію духовенства Но теперь, когда обществу, или по крайней мѣрѣ нѣкоторой части его, грозила опасность увлеченія идеями и воззрѣніями, противными духу православнаго вѣроученія и нравственности,

---

[1]) Ibid. 185—274.

эта обязанность получала особенную силу и значеніе. Но духовенство стояло ниже своей высокой обязанности. Оно само, подобно остальной массѣ народа, коснѣло въ религіозномъ невѣжествѣ и страдало тѣми же недугами, которые подтачивали нравственный организмъ народа. Невѣжество и нравственная распущенность—вотъ отличительныя черты нашего духовенства въ 17 в. и по отзывамъ иностранцевъ и по свидѣтельству отечественныхъ памятниковъ. Деморализація особенно сильна была среди чернаго духовенства и въ значительной мѣрѣ обусловливалась его матеріальнымъ положеніемъ. Богатства, скопившіяся въ теченіи вѣковъ въ рукахъ монастырей, привлекали сюда много негодныхъ людей, искавшихъ не нравственнаго совершенства, а теплаго угла, сытнаго куска и спокойной, безпечальной жизни, чуждой треволненій житейскаго моря и суеты мірской съ ея поборами и повинностями царской службы. Подобные иноки не могли, конечно, сіять чистотою нравственной жизни, не могли украшать монастырей высокими нравстенными подвигами. Очевидно, положеніе духовенства, какъ бѣлаго такъ и чернаго, настоятельно требовало перемѣнъ, преобразованій. Нужно было вывести духовенство изъ печальнаго состоянія невѣжества и нравственной распущенности, поднять въ немъ уровень умственнаго и нравственнаго развитія до той высоты, на которой оно способно было бы удовлетворять запросамъ времени и потребностямъ общества, быть дѣйствительными, а не номинальными воспитателями и руководителями народа въ дѣлѣ религіознаго просвѣщенія его и нравственнаго совершенствованія, словомъ, способно было бы выполнять свое назначеніе. Необходимо было также дать болѣе правильное употребленіе матеріальнымъ средствамъ чернаго духовенства и тѣмъ лишить монастыри возможности служить убѣжищемъ лѣни и тунеядству. Нужно было возродить строгій духъ древней иноческой жизни и тѣмъ сообщить монастырямъ силу оказывать нравстенно-воспитательное вліяніе на народъ. Необходимость всѣхъ

этихъ реформъ, обусловливавшаяся очевидною для всѣхъ ненормальностію положенія духовенства, сознана была еще въ 17 в., но для осуществленія ихъ ничего, или почти ничего не было сдѣлано. Духовная власть, сознавъ зло и выразивъ недовольство существованіемъ его, не обнаружила однако силы достаточной для его искорененія и тѣмъ самымъ естественно отрекалась отъ права на это искорененіе въ пользу другой силы, другой власти. Инпціативу преобразованій должна была такимъ образ. взять на себя свѣтская власть. И дѣйствительно въ 18 в., наслѣдовавшемъ нетронутыми тѣ задачи, какія выставлены были жизнію по отношенію къ духовенству въ предшествующемъ вѣкѣ,—всѣ существенныя реформы въ управленіи церковномъ и состояніи духовенства исходили отъ высшей свѣтской правительственной власти:

...„Въ іерархіи и благочиніи русской церкви—говоритъ Фоккеродтъ—Петръ I задумалъ разныя существенныя перемѣны и большею частію привелъ ихъ къ счастливому концу. Самою важною исходною точкою всѣхъ другихъ было уничтоженіе патріаршества въ Москвѣ и объявленіе Петромъ I себя верховнымъ епископомъ, или главою своей церкви“[1]) Съ этого важнаго событія, составившаго эпоху въ жизни русской Церкви и положившаго начало новому періоду въ ея исторіи, мы и начнемъ изложеніе свѣдѣній иностранцевъ о состояніи духовенства въ 18 в., такъ какъ это событіе отозвалось и на положеніи духовенства, его значеніи и правахъ.

Какія же причины вызвали упраздненіе „превысочайшаго патріаршескаго престола“, составлявшаго гордость русскихъ и украшеніе русской церкви? Прислушаемся къ толкамъ иностранцевъ. Шлейеръ видитъ причину отмѣны патріаршества въ опасеніи Петра встрѣтить въ патріархѣ

---

[1]) Чт. въ общ. ист. и др. р 1874. 2. IV. 5.

помѣху для своихъ преобразованій церковныхъ и гражданскихъ. „Если царь—говоритъ онъ—и не бываетъ въ Москвѣ, а все на войнѣ, да разъѣзжаетъ по чужимъ землямъ, то все же хочетъ образовать свой народъ, для чего перемѣнилъ даже и покрой русскаго платья, велѣлъ брить бороды, разрѣшилъ отъ постовъ и, можетъ быть, по его всегдашнимъ рѣчамъ, сдѣлаетъ послѣ войны путешествіе ко гробу соименнаго ему апостола, т. е. Петра, а привязаться за это къ нему, чтобы запретить все такое, не можетъ никто, кромѣ патріарха, который, пожалуй, представитъ народу опасныя отъ того послѣдствія, какъ для него такъ и всей русской вѣры: царь и вынужденъ будетъ отложить свое путешествіе, какъ это и было съ нимъ въ 1698 г. Оттого-то, пока онъ не думаетъ оставаться въ странѣ и пока не откроетъ своему глупому неученому духовенству своего тайнаго намѣренія на счетъ, можетъ быть, перемѣны церковнаго устава и введенія преобразованій, до тѣхъ поръ онъ едвали поставитъ въ Москвѣ начальное духовное лицо“ [1]). Плейеръ ошибается, приписывая Петру намѣреніе перемѣнить церковный уставъ; но его намекамъ можно думать, что подъ этою перемѣною церковнаго устава онъ разумѣетъ такъ желательное для всякаго истаго католика введеніе католичества въ Россіи. Но помимо этой католической тенденціи, Плейеръ совершенно справедливо указываетъ, что Петръ не хотѣлъ ставить патріарха потому, что опасался противодѣйствія съ его стороны своимъ реформамъ не только церковнымъ, но и гражданскимъ. Извѣстно, что было очень много недовольныхъ преобразованіями Петра, и всѣ протесты противъ нихъ раздавались главнымъ образомъ во имя религіи, во имя древняго благочестія, которому измѣнилъ царь, другъ еретиковъ. При такомъ положеніи дѣла реформы, несочувствіе къ нему патріарха, становившагося чрезъ это

---

[1]) Донесен. Отчет Плейера. Ibid 16 стр.

необходимо нравственною опорою недовольныхъ, могло грозить серьезными замѣшательствами, способными надолго задержать свободный ходъ преобразовательнаго движенія. Поэтому вполнѣ естественно со стороны Петра желаніе устранить возможность подобныхъ замѣшательствъ посредствомъ уничтоженія патріаршества. Но кромѣ этихъ, совершенноосновательныхъ, опасеній, была еще причина, заставлявшая Петра желать отмѣны патріаршества. Причина эта лежала въ личномъ характерѣ Петра, въ его убѣжденіяхъ. Онъ былъ всецѣло преданъ идеѣ самодержавной власти въ государствѣ и не допускалъ существованія другой самостоятельной власти, другаго главы. Его воззрѣнія на отношенія между церковью и государствомъ носили во многомъ оттѣнокъ протестантскій: онъ требовалъ подчиненія церкви государству и не хотѣлъ, по словамъ Бассевича, признавать главою своей церкви, никого, кромѣ самого себя [1]). Съ своей государственной точки зрѣнія онъ терпѣть не могъ папства съ его ученіемъ о независимости духовной власти [2]) и все, что напоминало папство, было ненавистно ему; а патріаршество сближалось въ его понятіяхъ именно съ папствомъ. При патріаршемъ управленіи церковь была независимою отъ государства и лицо патріарха какъ бы равнялось лицу государеву. Въ его памяти еще свѣжо было воспоминаніе о Никонѣ и его притязаніяхъ, и грозная тѣнь этого властительнаго великаго государя была постоянно въ глазахъ его. Правда, патріархъ Адріанъ далеко не былъ похожъ по своему характеру на Никона, но самый санъ патріаршій, уваженіе къ нему народа, постоянно напоминали о немъ. Петру казалось такое отношеніе между церковью и государствомъ неправильнымъ и не безопаснымъ, и онъ рѣшился ввести церковь въ общій порядокъ государственной жизни, подчинить ее общей системѣ государственнаго правленія,

---

[1]) P. Ap. 1865 г. 168—9.

[2]) Фоккеродтъ. Чт. въ общ. ист. и др. р. 1874. 2. IV. 16.

какъ одну изъ ея вѣтвей. Такимъ образомъ, съ одной стороны, желаніе устранить возможность столкновенія съ патріархомъ, которое могло бы повредить успѣху дѣла реформы, а съ другой стремленіе къ неограниченному самодержавію, исключавшее самостоятельность всякой другой власти,—таковы, по взгляду иностранцевъ, причины уничтоженія патріаршества. На эту послѣднюю причину, хотя не прямо, указываетъ Перри, когда говоритъ, что „патріархъ пользовался величайшимъ уваженіемъ народа и принималъ нѣкоторымъ образомъ участіе въ управленіи имперіею: онъ не только былъ верховнымъ судьею въ дѣлахъ церкви, но также имѣлъ власть измѣнить своимъ собственнымъ значеніемъ все то, что считалъ вреднымъ для благочинія, и произносить приговоръ надъ тѣми, кого присуждалъ къ смерти, не докладывая объ этомъ двору; все это по указамъ прежнихъ царей московскихъ приказано было приводить въ исполненіе, безъ прекословія и измѣненія. Но послѣ смерти послѣдняго патріарха... царь воспротивился избранію новаго патріарха и сдѣлался самъ главою церкви, присвоивъ себѣ исключительное управленіе ею“ [1]). Буддей говоритъ, что Петръ, „не безъ причины опасаясь чрезмѣрной власти россійскихъ патріарховъ, счелъ нужнымъ устранить ее, руководясь также и тѣмъ побужденіемъ, чтобы объявить себя главою и верховнымъ правителемъ церкви въ Россіи“ [2]). Наиболѣе обстоятельный разсказъ о постепенномъ ходѣ этой церковной реформы, дѣятеляхъ, принимавшихъ участіе въ ней, и ея причинахъ, принадлежитъ Фоккеродту. Мы позволимъ себѣ привести этотъ разсказъ, пополняя его свѣдѣніями, заимствуемыми у другихъ иностранцевъ.

Фоккеродтъ начинаетъ издалека, съ учрежденія патріаршества въ Россіи. Не лишенъ интереса по своей оригинальности, хотя и не выдерживаетъ критики, взглядъ его

---

[1]) Перри 133.

[2]) Чистовичъ. Ѳеофанъ Прокоп. и его время 44—5 (примѣч.).

на это событіе въ русской церкви; въ немъ онъ видитъ осуществленіе клерикальныхъ тенденцій русскаго духовенства. По его мнѣнію, духовенство, недовольное своею зависимостію отъ Константинопольскаго патріарха, не защищавшаго его отъ притязаній свѣтской власти, хотѣло имѣть въ патріархѣ русскомъ своего вождя, связаннаго съ нимъ общими интересами и по собственнымъ дѣламъ принужденнаго дѣйствовать съ нимъ заодно противъ государя [1]). Послѣ учрежденія патріаршества духовенство постоянно стремилось въ лицѣ патріарховъ къ расширенію своихъ правъ и пріобрѣтенію полной независимости отъ свѣтской власти, и при Филаретѣ и Никонѣ вполнѣ достигло этого. Филаретъ „такъ воспользовался отеческою властію надъ сыномъ, что во всемъ царствѣ правилъ неограниченно и не оставлялъ ничего для управленія молодому царю, кромѣ одного имени“ [2]). Никонъ также заботился о величіи своего сана, изъявилъ притязаніе на всѣ преимущества, какія имѣлъ Филаретъ, и присвоилъ себѣ неограниченную власть во всѣхъ духовныхъ дѣлахъ и многихъ гражданскихъ [3]). Но послѣ Никона „патріархи хотя и пользовались наружною почестію и уваженіемъ, а также очень значительными доходами, но по своей нравственной ничтожности въ политическихъ дѣлахъ почти совсѣмъ не выдвигались впередъ, оставались въ страдательномъ положеніи и вполнѣ подчинялись волѣ своихъ государей. Такъ послѣдній патріархъ Адріанъ, умершій въ 1702 [4]), смотрѣлъ совершенно спокойно, какъ Петръ I сажалъ въ монастырь сестру Софію, какъ приказывалъ казнить жестокими муками многихъ священниковъ и монаховъ, сдѣлавшихся участниками въ ея проискахъ, или, по крайней мѣрѣ, очень свободно разсуждавшихъ объ его поведеніи; какъ бралъ колокола съ церквей

---

[1]) Фоккеродтъ. Чт. въ общ. ист. и др. р. 1874. 2. IV. 6.
[2]) Ibid. 7.
[3]) Ibid. 8.
[4]) Ошибка: Адріанъ умеръ въ 1700 г. (Истор. Соловьева т. 15; 116).

для возобновленія потерянной при Нарвѣ артиллеріи [1]); удостоивалъ довѣрія и дружескаго обхожденія еретиковъ, по постамъ явно ѣлъ мясо, безбоязненно нарушалъ и другіе церковные уставы; какъ стригъ бороды русскимъ, заставлялъ ихъ носить французское платье и вводилъ безчисленное множество другихъ обычаевъ, которые были ужасомъ для русскихъ, особливо для духовенства".

„Не смотря на то, что русскіе цари, благодаря долгому упражненію, изучили искусство такъ сдерживать патріаршескую власть, что она не могла причинить никакого ущерба государевой, Петръ I, во избѣжаніе разныхъ случаевъ, считалъ гораздо вѣрнѣе и выгоднѣе для своихъ намѣреній уничтожить совсѣмъ этотъ санъ и такъ направить духовенство, чтобы оно никого не признавало своимъ верховнымъ епископомъ, кромѣ своего государя. Выгоды, которыя вышли бы тогда для него, были такъ явны, что ему нечего было колебаться долго. Итакъ это рѣшено скоро. Затрудненіе состояло лишь въ томъ, какъ начать дѣло. Духовные приступали къ нему всѣми силами, все просили занять патріаршій престолъ и дѣлали ему страшное описаніе несчастія, могущаго произойти въ странѣ отъ мѣшкотности въ этомъ дѣлѣ. Петръ, хоть и замѣчалъ, что опасность еще не такъ велика, и что духовенство придаетъ излишнюю важность этому дѣлу, однако не зналъ, какъ отвязаться, и жадно искалъ человѣка, который вывелъ бы его изъ затрудненія и принялъ на себя управленіе духовными дѣлами". Такой человѣкъ нашелся въ лицѣ Стефана Яворскаго, малороссійскаго монаха, Львовскаго уроженца. По словамъ Фокkerодта, онъ обратилъ на себя вниманіе Петра своимъ опроверженіемъ книги Талицкаго, въ которой этотъ доказывалъ, что Петръ—антихристъ, потому что „стриженіемъ бородъ позоритъ образъ Божій, приказываетъ рѣзать и распластывать людей

[1]) Адріанъ не могъ этого видѣть: онъ умеръ 16 октября (Чистов. Θеоф. Прокоп. и его время 58), а пораженіе подъ Нарвою русскіе потерпѣли 19 ноября того же года (Истор. Солов. т. 14; 351).

по ихъ смерти, попираетъ церковные уставы и другія, какія только есть, вводитъ нелѣпости". О сочиненіи Яворскаго Фоккеродтъ даетъ такой отзывъ: „трудъ его вышелъ такъ плохъ, что онъ сталъ бы посмѣшищемъ для всей Европы. Одно изъ самыхъ главныхъ доказательствъ, почему Петръ не антихристъ, выводилось изъ того, что антихристово число 666 никакой кабалой нельзя было составить изъ имени Петра".—„Но въ странѣ слѣпыхъ и кривой царь",—продолжаетъ Фоккеродтъ,—„это произведеніе такъ понравилось Петру I, что онъ велѣлъ распространить его посредствомъ печати, а Яворскаго назначилъ рязанскимъ епископомъ [1]). А такъ какъ Яворскій сверхъ того имѣлъ свободный даръ слова, въ состояніи былъ написать проповѣдь на іезуитскій ладъ, притомъ умѣлъ и поддѣлываться, заявляя притворно слѣпое повиновеніе всѣмъ приказаніямъ Петра, то этотъ и подумалъ, что нашелъ въ немъ не только способнаго человѣка, но и такое орудіе, которое безъ противорѣчія позволитъ себя употребить для исполненія его намѣреній, и въ такой увѣренности объявилъ его экзархомъ, или намѣстникомъ патріаршества" [2]). Но поручая Яворскому управленіе церковными дѣлами въ качествѣ намѣстника патріаршаго престола, Петръ значительно ограничилъ его власть сравнительно съ властію патріарха. По словамъ Перри, Яворскій долженъ былъ о всѣхъ текущихъ дѣлахъ отъ времени до

---

[1]) Здѣсь неточность. Стефанъ Яворскій сдѣлался извѣстенъ Петру еще раньше того времени, какъ Талицкій попалъ въ Преображенскій приказъ. Яворскій пріѣхалъ въ Москву изъ Кіева въ началѣ 1700 г., на 16 марта того же года назначено было его посвященіе въ митрополита Рязанскаго. Талицкій же съ своими тетрадями сдѣлался извѣстенъ преображенскому приказу только въ іюнѣ мѣсяцѣ этого года (Истор. Солов. т. 15; 119; 132). Сочиненіе Яворскаго, о которомъ упоминаетъ Фоккеродтъ, носитъ такое заглавіе: „Знаменія пришествія Антихристова и кончины вѣка". Появилось оно въ печати въ 1703 г. (Наука и литер. при Петрѣ I. Пекарскаго II, 77), т. е. спустя почти два года послѣ назначенія Яворскаго мѣстоблюстителемъ, и слѣд. не могло служить причиной его возвышенія.

[2]) Ibid. 9—10.

времени дѣлать представленія самому царю и получать отъ него приказанія и руководство [1]). Въ хозяйственныхъ дѣлахъ мѣстоблюститель былъ ограниченъ монастырскимъ приказомъ, которому передано было управленіе патріаршими, архіерейскими и монастырскими вотчинами [2]).

Назначеніе блюстителя патріаршаго престола не было еще окончательнымъ уничтоженіемъ патріаршества, а только отсрочкою въ избраніи патріарха; но эта отсрочка была переходною ступенью къ полной реформѣ церковнаго управленія, къ учрежденію духовной коллегіи. Впрочемъ не извѣстно, была ли у Петра уже въ это время (1700 г.) мысль о совершенномъ уничтоженіи патріаршества. Бассевичъ говоритъ, что Петръ, желая ослабить въ народѣ уваженіе къ сану патріаршему, имѣвшему быть упраздненнымъ, по кончинѣ Адріана создалъ потѣшнаго патріарха и поставилъ его во главѣ всепьянѣйшей коллегіи; эксцентричность поведенія этого патріарха, доставляя народу случай позабавиться, въ тоже время должна была возбуждать въ немъ „презрѣніе къ предразсудкамъ“ [3]). Но отсюда нельзя еще заключать, чтобы у Петра была уже въ это время вполнѣ созрѣвшая мысль объ отмѣнѣ сана патріарха; — всешутѣйшій Зотовъ отправлялъ обязанности патріарха Пресбургскаго, кукуйскаго и всего кокуя и при жизни еще Адріана [4]); — всего вѣроятнѣе, что эта мысль выработалась и вполнѣ созрѣла у Петра съ теченіемъ времени, когда отъ отсутствія патріарха не чувствовалось никакого неудобства и когда коллегіальная форма признана была лучшею по всѣмъ частямъ управленія.

Возводя Стефана Яворскаго на высокій постъ экзарха патріаршаго престола и удостоивая его своего довѣрія, Петръ надѣялся найти въ немъ дѣятельнаго помощника для себя,

---

[1]) 133.

[2]) Путеш. Брунна. Чт. въ общ. ист. и др. р. 1872. 2. IV. 88. Донесен. Плейера. Чт. въ общ. ист. и др. р. 1874. 2. IV. 16.

[3]) Р. Арх. 1865 г. 169.

[4]) Дневн. Корба. Чт. въ общ. ист. и др. р. 1867. I. IV. 150.

способнаго войти въ его планы относительно церковныхъ преобразованій. Но Стефанъ Яворскій не оправдалъ этихъ надеждъ. „Петръ скоро замѣтилъ, говоритъ Фоккеродтъ,— какъ обманулся онъ въ этомъ человѣкѣ. Да и дѣйствительно, ученость его простиралась не дальше того, какъ обыкновенно доходитъ она въ папистскихъ монастыряхъ, въ Польшѣ. Но за то въ іезуитскихъ училищахъ онъ такъ крѣпко вбилъ себѣ въ голову папистскія правила о преимуществахъ духовенства и его независимости, что всего меньше могъ помочь Петру въ исполненіи его намѣреній, которыя совершенно противоположны были вышесказаннымъ правиламъ. На самомъ дѣлѣ онъ не прямо, но сильно перечилъ его намѣреніямъ, особенно касательно намѣренія убавить лишнее богатство у церквей и возвратить духовныхъ къ умѣренности, требуемой ихъ званіемъ, такъ что пока онъ былъ живъ, это дѣло не состоялось; однакожъ поступалъ при этомъ такъ осторожно, что нельзя было сдѣлать ему никакого упрека въ этомъ случаѣ. Не смотря на то, что этотъ образъ дѣйствій для Петра I не остался тайною, царь все таки давалъ ему это почувствовать, только тѣмъ, что холоднѣе прежняго обходился съ нимъ; эту необычайную мягкость нельзя приписать ничему другому, кромѣ нежеланія Петра обнаружить преждевременно свои намѣренія немилостію къ Яворскому, въ отраду и утѣшеніе стариннымъ православнымъ русскимъ сердцамъ; онъ оставилъ его на мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока не пришелъ въ совершенную зрѣлость новый порядокъ церковнаго управленія, надъ которымъ онъ между тѣмъ трудился съ Прокоповичемъ".

„Этотъ человѣкъ, умершій въ прошломъ году (1736 г.) въ Петербургѣ архіепископомъ новгородскимъ, проживалъ въ монашескомъ званіи въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, когда Петръ посѣтилъ эту обитель послѣ Полтавской битвы".

„Въ молодости онъ обучался не только въ польскихъ училищахъ, но и въ Римѣ, да и совсѣмъ другимъ образомъ, нежели какъ обыкновенно проходятъ свое ученіе его земля-

ки; при его честномъ и прямодушномъ нравѣ, а также строгомъ и живомъ умѣ, тѣ благочестивые обманы, которые онъ замѣтилъ въ Италіи, внушили ему такой ужасъ къ папству, что онъ не могъ о немъ говорить безъ душевнаго волненія, чему можетъ быть пособило также и чтеніе протестантскихъ книгъ, которыя онъ ставилъ очень высоко, и не задумывался отдавать имъ предпочтеніе предъ большинствомъ его церковныхъ отцевъ“ [1]).

„Кромѣ того, онъ отличался такими добродѣтелями, которыя обыкновенно тоже не составляютъ общей принадлежности духовенства: чрезвычайною скромностію, такъ что его надобно силою тащить во всѣ почетныя, занимаемыя имъ мало по малу, должности, совершеннымъ безкорыстіемъ и пылкимъ желаніемъ содѣйствовать благу отечества, даже и на счетъ выгодъ духовенства. Петръ тѣмъ еще больше привязался къ этому монаху, что встрѣтилъ у него совершенно тѣ же мнѣнія о порядкѣ церковнаго управленія, какія самъ онъ старался распространить въ своемъ царствѣ, и нашелъ въ немъ волю и готовность честно помогать ему въ этомъ. Но такъ какъ шведская война была еще въ полномъ разгарѣ и было бы не во время начинать такое щекотливое дѣло, то Петръ I не хотѣлъ поднимать шума, оставилъ Прокоповича въ Кіевѣ и довольствовался тѣмъ, что велъ съ нимъ постоянную переписку объ этомъ дѣлѣ [2]). Когда же онъ покончилъ походъ въ поморье, сдѣлалъ путешествіе во Францію, уладилъ отреченіе своего царевича и благодаря этому нѣсколько поуспокоился, тогда призвалъ

---

[1]) Не слѣдуетъ забывать, что это говоритъ протестантъ; этимъ объясняется и его видимое нерасположеніе и рѣзкій отзывъ о Стефанѣ Яворскомъ, который по характеру своихъ воззрѣній примыкалъ ближе къ консервативному католицизму, чѣмъ къ свободному протестантству; этимъ же объясняются его преувеличенныя похвалы Ѳеофану Прокоповичу, убѣжденія котораго по вопросамъ церковнаго управленія были противоположны убѣжденіямъ мѣстоблюстителя.

[2]) И. Чистовичъ въ своемъ сочиненіи „Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время“ ничего не говоритъ объ этой перепискѣ, потому, можетъ быть, что ея и не существовало.

и Прокоповича въ Петербургъ [1]), подъ предлогомъ устройства училищъ въ монастырѣ св. Александра. Онъ назначилъ его игуменомъ этой обители [2]) и условился съ нимъ о новомъ образѣ управленія, который хотѣлось ввести ему для своего духовенства".

„Для приготовленія къ этому умовъ народа издано въ свѣтъ, сочиненное Прокоповичемъ, небольшое разсужденіе подъ названіемъ „Первосвященникъ" [3]), въ которомъ съ такою же большою ученостію, какъ и основательностію, доказывалось, что первые христіанскіе императоры постоянно удерживали за собою первосвященническій санъ, носимый ихъ языческими предшественниками, пока, наконецъ, римскіе папы нашли способъ выманить его у нихъ вмѣстѣ съ соединенными съ нимъ преимуществами и присвоить себѣ; при этомъ въ тоже время внушалось, что въ христіанскомъ государствѣ главный надзоръ за духовными дѣлами не можетъ принадлежать никому другому, кромѣ государя".

„Вскорѣ потомъ Петръ I объявилъ, что на будущее время санъ и титулъ патріарха, какъ слишкомъ заносчивое и никакому подданному не приличное достоинство въ Россіи, совершенно отмѣняется, а духовныя дѣла впередъ будутъ подъ вѣдѣніемъ и наблюденіемъ правительствующаго Синода, состоящаго изъ одного президента, двоихъ вице-президентовъ и нѣсколькихъ засѣдателей и совѣтниковъ, подъ

---

[1]) Прокоповичъ былъ вызванъ въ Петербургъ въ 1715 г. еще до отъѣзда Петра за границу; но болѣзнь удержала его въ Кіевѣ до осени 1716 г. (Чистов. „Θеоф. Прокоп. и его время" 24—5).

[2]) Игуменомъ онъ сдѣланъ еще въ 1711 г. Кіево-Братскаго монастыря и никогда не былъ игуменомъ Невскаго монастыря (Чистов. „Θеоф. Прокоп. и его время" 17 ст.).

[3]) „Розыскъ историческій, коихъ ради винъ и въ яковомъ разумѣ были и нарицались императоры римстіи, какъ язычестіи, такъ и христіанстіи, понтифексами или архіереями многобожнаго закона. А въ законѣ христіанстѣмъ, христіанстіи государи могутъ ли нарещись епископы и архіереи и въ какомъ разумѣ?" С.-Петербургъ. 1721 г. Сочиненіе это издано уже послѣ учрежденія Св. Синода („Наука и литература при Петрѣ I". Пекарскаго т. II. 519 стр.).

верховнымъ надзоромъ государя“ [1]). Въ руководство Синоду данъ былъ уставъ, извѣстный подъ названіемъ Духовнаго Регламента. По словамъ Фоккеродта, Стефанъ Яворскій дѣлалъ много возраженій противъ Регламента, но безуспѣшно [2]). Содержаніе регламента Фоккеродтъ передаетъ такъ: „Въ этомъ регламентѣ вполнѣ утверждено ученіе о зависимости духовенства отъ правительства страны; уничтожены всѣ церковныя льготы и преимущества, сдѣланы разныя полезныя постановленія для монастырской жизни, запрещено много суевѣрныхъ вѣроисповѣдныхъ обрядовъ, разобраны нѣкоторыя сомнѣнія относительно проклятія и церковнаго повиновенія; тайна частной исповѣди ограничена, такъ что духовникъ не можетъ молчать о заговорахъ противъ государя, мятежахъ и другихъ государственныхъ преступленіяхъ, если такіе будутъ открыты ему на исповѣди, а долженъ доносить о нихъ подъ страхомъ наказанія за государственную измѣну“. Въ заключеніе этого обзора содержанія Духовнаго Регламента, Фоккеродтъ даетъ такой отзывъ объ немъ: „Это сочиненіе, конечно, мастерское произведеніе въ своемъ родѣ, заслуживаетъ прочтенія отъ начала до конца и заключаетъ въ себѣ всѣ перемѣны, сдѣланныя Петромъ I относительно церковнаго благочинія“ [3]).

Св. Синодъ, при первоначальномъ его учрежденіи, состоялъ изъ президента, двухъ вице-президентовъ, четырехъ совѣтниковъ и четырехъ ассессоровъ. Но въ слѣдующемъ 1722 г. составъ синода увеличился еще двумя членами, однимъ совѣтникомъ и однимъ ассессоромъ. Бассевичъ и Берхгольцъ насчитываютъ всѣхъ членовъ синода 15, включая сюда императора и оберъ-секретаря. У Берхгольца мы находимъ и самый перечень членовъ Синода въ 1722 г. Вотъ

---

[1]) Стр. 10—12. Указъ объ учрежденіи духовной Коллегіи вышелъ еще въ 1718 г., а самое открытіе Синода совершилось 14 фев. 1721 г. (Руков. къ русск. ц. ист. Знаменскаго стр. 305. 307).

[2]) Стр. 13.

[3]) Ibid.

онъ: „Глава и первый президентъ Синода—императоръ; второй его президентъ—митрополитъ рязанскій, который теперь первенствующимъ между здѣшними духовными сановниками, но такъ старъ и слабъ, что ужъ не присутствуетъ въ Синодѣ [1]). Далѣе, въ Синодѣ еще два вице-президента, 5 совѣтниковъ и 5 ассессоровъ. Вице-президентами—архіепископъ новгородскій (Ѳеодосій Яновскій) и архіепископъ псковскій (Ѳеофанъ Прокоповичъ), совѣтниками, первымъ—архіепископъ крутицкій [2]), который живетъ постоянно въ Москвѣ; вторымъ—архимандритъ троицкій [3]); третьимъ—архимандритъ чудовскій [4]); четвертымъ—архимандритъ новоспасскій [5]) и пятымъ—архимандритъ Симоновскій [6]). Ассессоры: Кондоиди Толски [7]), Оффманниковъ Угрински [8]),

[1]) Въ этомъ же году Стефанъ Яворскій и умеръ 27 ноября. „Ему было отъ 70—80 лѣтъ, говоритъ Берхгольцъ, и онъ уже давно не вставалъ съ постели". Ч. II, 327.

[2]) Леонидъ (Чистовича „Ѳеоф. Прокоп. и его время" 90. „Исторія россійской іерархіи" Амвросія ч. VI отд. II, 873). Берхгольцъ, бывшій у него 26 апрѣля 1722 г., для приглашенія на обѣдъ къ голштинскому герцогу,—въ восторгѣ отъ его любезности. „Когда я пріѣхалъ къ архіепископу крутицкому (который живетъ совершенно внѣ города, въ прекрасномъ большомъ монастырѣ) *) онъ принялъ меня очень привѣтливо и угостилъ превосходнымъ бургонскимъ. Но для меня было гораздо пріятнѣе вина, когда онъ потомъ пошелъ со мною въ прекрасную залу, откуда чудный видъ на всю Москву и на протекающую подъ самыми окнами Москву рѣку... На прощаньи, архіепископъ сказалъ мнѣ, что недавно былъ у него его величество императоръ, и въ тоже время просилъ меня упомянуть герцогу, какой отличный видъ изъ монастыря, причемъ, если можно, и уговорить его высочество также оказать ему милость своимъ посѣщеніемъ" (ч. II, 204—5).

*) Это былъ крутицкій архіерейскій домъ (нынѣ крутицкія казармы), гдѣ до 1788 г. жили такъ называемые крутицкіе митрополиты, управлявшіе епархіею сарскою и подонскою (Русская Старина. Изд. А. Мартынова. М. 1848, годъ 1-й стр. 50—63).

[3]) Гавріилъ Бужинскій („Истор. рос. іерарх." ч. VI отд. II; 873).

[4]) Ѳеофилактъ Лопатинскій (Ibid. 874).

[5]) Іероѳей Прилуцкій (Ibid. 873).

[6]) Петръ Смѣличъ (Ibid.).

[7]) Анастасій, въ монашествѣ Аѳанасій Кондоиди,—съ 1726 г. епископъ вологодскій (Ibid.).

[8]) Варлаамъ Овсянниковъ, игуменъ угрѣшскій (Ibid. 874).

Теофиленъ Круликъ [1]), протопопъ троицкій [2]) и протопопъ петропавловскій [3]). Кромѣ означенныхъ двухъ президентовъ, двухъ вице-президентовъ, пяти совѣтниковъ и пяти ассессоровъ, синодъ имѣетъ еще оберъ-секретаря, Тимоѳея Палехима [4]), который также духовный, такъ что въ полномъ своемъ составѣ, съ императоромъ состоитъ изъ 15 лицъ" [5]).— Высшій контроль надъ дѣятельностію синода принадлежалъ самому государю. Но наблюдая за общимъ ходомъ дѣлъ въ Синодѣ, за направленіемъ его дѣятельности, государь, понятно, не могъ слѣдить за частными проявленіями этой дѣятельности, не могъ наблюдать за правильностію рѣшенія частныхъ дѣлъ. Эта обязанность возложена была на оберъ-прокурора, который такимъ образомъ явился постояннымъ представителемъ государя въ синодѣ, его окомъ, и былъ свѣтскимъ лицемъ, равно какъ и секретари [6]).

Какъ же отнеслось духовенство къ этой реформѣ церковнаго управленія, съ какими чувствами встрѣтило ее? Отмѣна патріаршества нанесла сильный ударъ независимости и самостоятельности духовной власти. Правда, наше духовенство никогда не пользовалось независимостію въ такой мѣрѣ, какъ, напр., католическое на западѣ. Избраніе патріарха, назначеніе архіереевъ, рѣшеніе важнѣйшихъ дѣлъ, касавшихся всей церкви—все это было всегда дѣломъ сколько духовенства и духовной власти, столько же и свѣтскаго правительства. Но все же при патріаршемъ управленіи духовенство пользовалось во внутреннихъ своихъ дѣлахъ значительною долею автономіи, имѣло свою юрисдикцію, предъ которой преклонялась и свѣтская власть, а нерѣдко обнаруживало сильное вліяніе и на государственныя дѣла (напр.

[1]) Ѳеофилъ Кроликъ (Ibid.).

[2]) Іоаннъ Семеновъ (Ibid. „Историко-статистическія свѣдѣнія о Петербургской епархіи" вып. I стр. 96).

[3]) Петръ Григорьевъ (Ibid.).

[4]) Тимоѳей Осиповичъ Палехинъ (Чистов. „Ѳеоф. Прокоп. и его время" 171—2).

[5]) Дневн. Берхг. ч. II, 203—4. Зап. Бассевича Р. Арх. 1865 г. 575.

[6]) Берхг. ч. IV, 113.

при Филаретѣ и Никонѣ). Вообще, въ отношеніяхъ между свѣтскою и духовною властію до Петра было болѣе взаимодѣйствія, чѣмъ подчиненія. Но это отношеніе измѣнилось со времени уничтоженія патріаршества и учрежденія св. Синода. Синодъ явился учрежденіемъ чисто правительственнымъ, чрезъ которое внѣшнее управленіе церковію вдвигалось въ составъ общей государственной администраціи. Подчиненіе Синода постоянному контролю правительственной власти, представителемъ которой былъ здѣсь оберъ-прокуроръ, получившій съ теченіемъ времени большое вліяніе на церковныя дѣла, низводило духовное правительство на степень обыкновеннаго административнаго органа, отличавшагося отъ другихъ подобныхъ только по характеру своей функціи. Синодъ былъ такою же коллегіею, какъ и всѣ другія, и члены его, исключая особенный родъ ихъ дѣлъ, были такими же начальниками въ своемъ вѣдомствѣ, какъ другіе—въ своихъ управленіяхъ, даже съ тѣми же названіями президента, вице-президентовъ, совѣтниковъ и ассессоровъ, какъ и въ прочихъ коллегіяхъ. Вмѣстѣ съ этимъ церковь и духовенство становились въ общую подсудность государству по всѣмъ своимъ дѣламъ и интересамъ, исключая церковныхъ догматовъ и каноновъ.—Понятно теперь, съ какимъ чувствомъ недовольства должно было отнестись духовенство къ этой реформѣ, сильно ограничивавшей его права и грозившей совершеннымъ уничтоженіемъ независимости церкви. Недовольство духовенства обнаружилось тотчасъ послѣ того, какъ сдѣлалось извѣстнымъ рѣшеніе Петра отложить избраніе патріарха на неопредѣленное время и назначить мѣстоблюстителя патріаршаго престола. Духовенство увидѣло въ такомъ рѣшеніи посягательство Петра на церковную власть, присвоеніе имъ себѣ этой власти. Перри говоритъ, что такой неожиданный оборотъ церковныхъ дѣлъ возбудилъ сильное волненіе въ средѣ высшаго духовенства. Дѣло дошло до открытаго заявленія недовольства. „До слуха его величества дошло, — разсказываетъ Перри, — что одинъ изъ

епископовъ выразился слишкомъ свободно касательно новой власти, которую царь самъ себѣ присвоилъ. Вслѣдствіе этого его величество приказалъ лишить его сана, но никто изъ прочихъ епископовъ не выказалъ готовности исполнить это приказаніе; а напротивъ всѣ они представляли царю, что лишеніе сана лица, столь высоко поставленнаго въ церкви, было бы дѣломъ не слыханнымъ. Они особенно напирали на то обстоятельство, что всѣ они, епископы, бывъ равны другъ другу по положенію, не имѣли власти исполнить то, что отъ нихъ требовалось. Поэтому они просили царя благоволить даровать имъ разрѣшеніе на избраніе новаго патріарха и обѣщали, что за тѣмъ не медленно приступлено будетъ къ лишенію сана обвиненнаго. Царь, во гнѣвѣ за ихъ уклончивость и отказъ, нарочно утвердилъ новаго епископа и повелѣлъ ему исполнить приказаніе. Согласно этому виновный былъ лишенъ митры руками вышеозначеннаго новаго епископа, который, сколько мнѣ помнится, и былъ тотъ самый нынѣшній митрополитъ (или архіепископъ) рязанскій. Въ силу этого замѣчательнаго рѣшенія царя, на улицахъ Москвы подбрасывались весьма вольнодумныя письма. Хотя обнародовано было обѣщаніе значительной награды тому, кто откроетъ сочинителей этихъ писемъ и всѣхъ принимавшихъ въ нихъ участіе, но, насколько мнѣ извѣстно, ничего не могли открыть“ [1]).

---

[1]) Стр. 133—4. Мы затрудняемся опредѣлить, кого разумѣетъ Перри въ приведенномъ разсказѣ. Можетъ быть, тутъ имѣется въ виду Игнатій Тамбовскій, лишенный сана и сосланный въ Соловки, въ тюрьму, за то, что давалъ деньги книгописцу Талицкому и плакалъ отъ умиленія при чтеніи его фанатическихъ тетрадей, въ которыхъ доказывалось, что Петръ—антихристъ. (Истор. Солов. т. 15 стр. 133—4); или, можетъ быть, слѣдуетъ отнести этотъ разсказъ къ Исаіи Нижегородскому, видѣвшему въ шведской войнѣ наказаніе Божіе за новые порядки, введенные Петромъ въ церковное управленіе. Онъ открыто протестовалъ противъ этихъ порядковъ и за это былъ лишонъ епархіи и сосланъ въ Кирилловъ монастырь (Исторія Соловьева т. 16, стр. 21—22). Судя по времени, на которое указывается въ разсказѣ Перри, можно считать болѣе вѣроятнымъ первое предположеніе. Но все таки, въ подробностяхъ своихъ, этотъ разсказъ не можетъ быть приложенъ ни къ тому, ни къ другому случаю. Замѣ-

Время шло; годъ проходилъ за годомъ, а объ избраніи патріарха не было и помину. Ясно, что при жизни Петра патріарха не будетъ. А тутъ еще новыя непріятности: монастырскій приказъ съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ усиленія общественныхъ и государственныхъ нуждъ, все съ большею и большею жестокостію урѣзывалъ доходы монастырей и архіереевъ, — и тайное недовольство росло. Дѣло царевича Алексѣя вскрыло это недовольство наружу. Недовольные настоящимъ возлагали всѣ надежды на будущее, когда вступитъ на престолъ царевичъ Алексѣй. Съ воцареніемъ его надѣялись возвращенія старины со всѣми ея аттрибутами, и благочестивый царевичъ, прочитавшій, по свидѣтельству его воспитателя Гюйсена, пять разъ славянскую библію, одинъ разъ нѣмецкую, перечитавшій творенія отцевъ церкви и всѣ духовныя книги, переведенныя на славянскій языкъ [1]), способенъ былъ оправдать эти надежды. Благодаря вліянію лицъ, окружавшихъ царевича и до фанатизма преданныхъ старинѣ, въ немъ съ дѣтства вкоренилось непреодолимое отвращеніе и ненависть ко всѣмъ преобразованіямъ его отца. Сильное вліяніе на образъ мыслей и настроеніе царевича оказали также окружавшія его духовныя лица. Веберъ, разсказывая дѣло царевича, говоритъ, что въ теперешнихъ смутныхъ обстоятельствахъ много виноваты русскіе священники, и потому легко понять причину, почему царь подрѣзалъ имъ крылья и опредѣлилъ имъ ограниченное содержа-

---

чательно, что съ такими же точно подробностями Веберъ разсказываетъ о судѣ надъ Досиѳеемъ Ростовскимъ, замѣшаннымъ въ дѣлѣ царевича Алексѣя и его матери: архіереи также отказывались снять епископскій санъ съ подсудимаго и также отговаривались тѣмъ, что они не имѣютъ патріарха, а безъ патріарха не могутъ лишить своего товарища его званія. „Когда же эти духовные чины на вопросъ царя о томъ, могутъ ли они возвести и облачить кого нибудь въ архіепископы, отвѣчали: „можемъ“, то онъ изрекъ такое рѣшеніе: „ну, такъ вы можете и низвести и разоблачить его“ (Русск. Арх. 1872 г. 1448). Очевидно, эти подробности какъ у Перри, такъ и Вебера, или вымышлены, или представляютъ дѣйствительные факты въ такомъ искаженномъ видѣ, что они неузнаваемы.

[1]) „Наука и литература при Петрѣ I“. Пекарскаго I, 138—9.

ніе, приказавъ заниматься только церковію и священнослуженіемъ [1]). Дѣло царевича и его матери сильно скомпрометировало духовенство; розыскъ обнаружилъ множество сочувствовавшихъ царевичу лицъ и подобно ему питавшихъ вражду къ новымъ порядкамъ. За свое сочувствіе нѣкоторые изъ нихъ заплатили жизнію. По словамъ Вебера, дѣло царевича и его матери стоило жизни духовнику царевича (Якову Игнатьеву), духовнику царицы Евдокіи (Ѳеодору Пустынному), Кіевскому митрополиту (Іосафу Кроковскому), который потребованъ былъ въ Петербургъ и на дорогѣ, какъ полагаютъ, самъ себя отравилъ ядомъ [2]) и наконецъ ростовскому епископу Досиѳею [3]). Послѣдній не задумался прибѣгнуть къ ложнымъ пророчествамъ и видѣніямъ, чтобы возбудить въ душѣ Евдокіи несбыточныя мечты. Ссылаясь на видѣніе св. Димитрія, онъ пророчилъ ей скорую смерть царя и вмѣстѣ съ тѣмъ скорую перемѣну ея участи. Когда-же Евдокія пеняла ему за то, что пророчества въ назначенное время не сбывались, онъ увѣрялъ, что это случилось за грѣхи ея отца и бралъ отъ нея многіе дары и деньги, чтобы молиться объ ея отцѣ; чрезъ годъ увѣрялъ ее, что видѣлъ ея отца выпущеннымъ изъ ада до пояса, еще чрезъ годъ—что онъ уже только по колѣна въ аду и т. д. [4]). Досиѳей подвергся жестокой казни: онъ былъ колесованъ, и тѣло его брошено въ огонь, а голова воткнута на высокій шестъ [5]).

Тяжкія казни могли устрашить, могли сдержать, да и то не всегда, открытыя выраженія недовольства, но не

---

[1]) Веберъ Р. Арх. 1872 г. 1436.

[2]) Митроп. Евгеній относится съ сомнѣніемъ къ этому извѣстію, хотя и не опровергаетъ его, а только замѣчаетъ, что Іосафъ выѣхалъ изъ Кіева уже больнымъ и скончался въ Твери 1 іюля 1718 г. (Описаніе Кіево-Софійскаго собора стр. 215).

[3]) Р. Архивъ 1872 г. 1627 стр.

[4]) Зап. Бассевича. Р. Арх. 1865 г. 154—5.

[5]) Веберъ Р. Арх. 1872 г. 1446 стр.

могли совершенно искоренить, изгладить его въ сердцахъ униженнаго, оскорбленнаго духовенства, потому что причины, вызывавшія это недовольство, продолжали существовать. Высшее духовенство особенно раздражено было отнятіемъ доходовъ съ церковныхъ вотчинъ. Въ числѣ недовольныхъ этимъ дѣйствіемъ Петра попадались даже лица очень близкія къ нему и принимавшія участіе въ его реформахъ. Такъ Ѳеодосій Яновскій однажды „имѣлъ смѣлость прямо сказать императору, что не одобряетъ отобранія имѣній и доходовъ духовенства, а также установленнаго вслѣдствіе того точнаго распредѣленія ихъ для приличнаго содержанія духовенства и назначенія излишковъ на учрежденіе школъ и больницъ, въ которыхъ былъ повсемѣстный недостатокъ. По его мнѣнію, государство отъ себя обязано было назначить имъ содержаніе, потому что принадлежащее служителямъ Церкви не подлежитъ гражданскому управленію. Императоръ, раздраженный этою дерзостью, обнаружилъ такой гнѣвъ, что заставилъ трепетать говорившаго". Гроза, впрочемъ, прошла на этотъ разъ благополучно для Ѳеодосія: онъ просилъ у государя прощенія ради будущей коронаціи Екатерины (дѣло происходило незадолго до коронаціи) и государь простилъ [1]). Но неисправимый Ѳеодосій снова навлекъ на себя гнѣвъ, уже послѣ смерти Петра, и опять своимъ рѣзкимъ протестомъ противъ ограниченія правъ и власти духовенства. „Когда воцарилась Екатерина—разсказываетъ Бассевичъ—архіепископъ новгородскій, видя, что она нисколько не ослабляетъ узды, наложенной ея супругомъ на власть духовенства, началъ дѣйствовать противъ нея и даже осмѣлился оказывать ей неуваженіе и говорить: что Богъ сократилъ дни Петра въ наказаніе за его вины противъ духовенства". Протестъ имѣлъ печальныя послѣдствія для Ѳеодосія: въ маѣ 1725 г., по приказанію Екатерины,

1) Зап. Бассевича. Р. Арх. 1865 г. стр. 608.

онъ былъ сосланъ и заключенъ въ Корельскій монастырь, на берегу Двины [1]).

Не смотря на то, что идея коллегіальнаго церковнаго управленія была фактически закрѣплена учрежденіемъ Синода, надежды на возстановленіе патріаршества долго еще жили въ сердцахъ ревнителей церковной старины и волновали честолюбивыя мечты нѣкоторыхъ членовъ высшей іерархіи. Эпоха реакціи, наступившая послѣ смерти Петра, казалось, благопріятствовала осуществленію этихъ надеждъ. Есть извѣстіе, мало, впрочемъ, вѣроятное, будто еще Ѳеодосій Яновскій, подъ предлогомъ усиленія Синода, давалъ совѣты и дѣлалъ внушенія къ возстановленію патріаршества [2]); а по другому извѣстію, онъ самъ хотѣлъ сдѣлаться патріархомъ, и это честолюбивое желаніе было одною изъ причинъ его паденія [3]). Въ царствованіе Петра II, когда власть находилась въ рукахъ старинной вельможеской партіи Долгорукихъ, сочувствовавшихъ старинѣ, мечты о патріаршествѣ разыгрались съ особенною силою. Попранное патріаршество нашло себѣ энергичнаго защитника и искателя въ лицѣ ростовскаго епископа, Георгія Дашкова. По словамъ Лефорта, Дашковъ въ 1729 г. представилъ въ Синодъ прошеніе, гдѣ просилъ выбрать его въ архимандриты всероссійскіе, — „мѣсто, занимаемое нѣкогда патріархомъ“, — но ревнивый стражъ неприкосновенности великаго преобразователя, Ѳеофанъ Прокоповичъ, былъ еще живъ и попытка Дашкова не увѣнчалась успѣхомъ — „онъ получилъ единогласный отказъ“ [4]). Авторъ „Молотка на Камень вѣры“ говоритъ, что „Дашковъ уже такъ близко былъ къ патріаршеству, что никакого сумнительства къ возведенію на престолъ

---

[1]) Ibid. 624.

[2]) Обозрѣн. иностр. изв. о Россіи... Тургенева. Журн. Мин. Народ. Пр. ч. XLI отд. II, 26.

[3]) Сборн. рус. ист. общ. т. 15. Донесен. прусск. посл. Мардефельда стр. 284.

[4]) Сборн. р. и. об. т. 5 стр. 327. Едвал и Георгій Дашковъ могъ дѣй-

не оставалось". Но смерть Петра II разрушила всѣ надежды [1]). —Въ царствованіе Анны Іоанновны, когда, по выраженію Шетарди, нѣмцы воспользовались руками и ногами русскаго народа и управляли его движеніями [2]), и когда Бирон хотѣлъ посадить въ Синодъ лютеранскихъ пасторовъ [3]), о патріаршествѣ не могло быть и рѣчи. За то никогда оно не было такъ близко къ возстановленію, какъ въ царствованіе набожной и благочестивой Елизаветы Петровны. Въ обществѣ пошлись упорные слухи, перешедшіе и въ донесенія иностранныхъ министровъ, о близкомъ возстановленіи патріаршества. „Говорятъ,—писалъ Пецольдъ,—что имѣются въ виду отступленія отъ реформъ Петра I, и между прочимъ хотятъ возстановить патріаршество. Кабинетный секретарь Черкасовъ собралъ всѣ постановленія Петра I, касающіяся до его зрѣло обдуманной отмѣны патріаршества, и представилъ ихъ императрицѣ, но она не читала ихъ" [4]). Дочь великаго преобразователя осталась вѣрна идеямъ своего отца. Возстановить патріаршество значило бы снова поворотить къ древне-русскому московскому порядку вещей. Но это уже было не мыслимо въ концѣ первой и началѣ второй половины 18 в. Россія успѣла освоиться съ реформой, и Петръ Великій, столь не понятный ей при жизни, теперь сталъ для нея истиннымъ отцомъ отечества, „вѣчнымъ ея наставникомъ и учителемъ".

Св. Синодъ составлялъ высшее церковно-административное учрежденіе, управлявшее дѣлами всей русской цер-

ствовать такъ безтактно. Но что онъ пытался возстановить патріаршество, это не подлежитъ сомнѣнію. См. Чистов. „Өеоф. Прокоп. и его время" 229—30.

[1]) Чистовича „Өеофанъ Прокоп. и его время" 397—8.

[2]) Стр. 15.

[3]) На это намѣреніе Бирона намекаетъ Арсеній Мацѣевичъ въ своемъ возраженіи на „Молотокъ на Камень вѣры": „А хотя и Синодъ, вмѣсто патріарха, у насъ имѣется, однако тебѣ, врагу и сопернику церкви нашей, выторжка не обрѣтается, понеже по твоему хотѣнію не сдѣлалось, дабы какъ вашъ регентъ такъ и пастыри ваши, въ Синодѣ присутствовали" (Чистов. „Өеоф. Прокоп. и его время" 392).

[4]) Сборн. р. и. общ. т. 6, 457.

кви. Дѣла же епархіальныя находились въ рукахъ епархіальныхъ архіереевъ. Веберъ кратко передаетъ содержаніе формулы присяги, которую должны были произносить епископы при поставленіи. Эта формула замѣчательна тѣмъ, что въ ней исчисляются такія обязанности епископовъ, на которыя прежде не обращалось вниманія, и которыя теперь выдвинуты были потребностями времени на первый планъ. Именно, епископы присягою обязывались къ умѣренности въ наложеніи церковнаго проклятія, къ строгости относительно монаховъ, давали обѣтъ не строить лишнихъ церквей, не потворствовать юродивымъ, явленію ложныхъ мощей и мнимо-чудотворныхъ иконъ, и не вмѣшиваться въ мірскія дѣла [1]). У того же Вебера находимъ списокъ русскихъ архіереевъ 1719 г., списокъ, впрочемъ, очень неполный и безъ указанія на лица. Экзархомъ патріаршаго престола, говоритъ Веберъ, состоитъ архіепископъ рязанскій, Стефанъ; за нимъ слѣдуютъ архіепископы ставропольскій, ѳивейскій и проч. [2]), а за сими епископы: псусскій, сарскій, суздальскій, ростовскій, тверскій, новгородскій, кіевскій, псковскій, казанскій, астраханскій, тобольскій, ревельскій и корельскій [3]). Число архіереевъ въ теченіи 18 в. постепенно увеличивалось вслѣдствіе открытія новыхъ епархій. Такъ, напр., Елизавета Петровна въ 1742 г., по докладу Синода, учредила въ Москвѣ архіепископство и впервые замѣстила его. Въ прежнее время, говоритъ Пецольдъ, до уничтоженія патріаршества, оно обнимало и этотъ санъ [4]). Въ 1775 г. открыта была новая епархія въ новороссійскомъ краѣ и по просьбѣ Потемкина Екатерина II назначила на эту каѳедру греческаго архіепископа, Евгенія

---

[1]) Р. Арх. 1872 г. 1407. Эта формула помѣщена въ Полн. собр. зак. т. V. № 2985.

[2]) Такихъ архіепископовъ у насъ никогда не было; не было также и епископа Псусскаго, о которомъ говоритъ далѣе Веберъ.

[3]) Р. Арх. 1872 г. 1672 стр.

[4]) Донесен. Пецольда. Сборн. р. и. об. т. 6; 445—6.

Булгариса [1]).—Органами епархіальной власти до половины 18 в. были архіерейскіе приказы [2]), преобразованные потомъ въ духовныя консисторіи.

Переходя отъ церковнаго управленія къ состоянію бѣлаго и чернаго духовенства въ 18 в., считаемъ нужнымъ оговориться, что мы не находимъ у иностранныхъ писателей достаточно данныхъ для полнаго и всесторонняго изображенія состоянія духовенства за это время, и потому должны ограничиться лишь общими и бѣглыми чертами.

Бѣлое духовенство въ началѣ 18 в. еще не представляло изъ себя строго замкнутаго сословія, не успѣло еще отлиться въ такую касту, какой оно является въ концѣ этого столѣтія. Образовательный цензъ, нужный для кандидата на церковныя должности, былъ такъ незначителенъ, что не представлялъ препятствій для поступленія въ духовное званіе лицамъ изъ самыхъ низшихъ сословій, напр., изъ крестьянъ, ремесленниковъ и т. п. Перри говоритъ, что русскіе „не очень-то разборчивы касательно того, откуда берутъ своихъ священниковъ: я зналъ людей, воспитанныхъ въ ремесленническомъ званіи (преимущественно же зналъ одного деревенскаго кузнеца), которыя потомъ допускались до священническаго сана“ [3]). Наряду съ этою чертою тотъ же писатель указываетъ на другую черту, способствовавшую обособленію духовенства въ отдѣльное замкнутое сословіе—это именно наслѣдственность духовнаго званія. Священники, говоритъ онъ, сами малообразованные, воспитывали обыкновенно сыновей своихъ въ томъ же невѣжествѣ, предназначая ихъ къ тому же служенію [4]). Подъ вліяніемъ этого обычая, входившаго все болѣе и болѣе въ практику при замѣщеніи священно-и-церковнослужитель-

---

[1]) Сборн. р. и. об. т. 19. Донесен. анг. посл. стр. 506.
[2]) Путеш. Брунна. Чт. въ общ. ист. и др. р. 1872 г. 3. IV. 187.
[3]) Перри 138—9.
[4]) Ibid. 176.

скихъ мѣстъ, а также вслѣдствіе стремленія, обнаружившагося особенно въ 18 в., къ большему опредѣленію сословныхъ началъ, духовный чинъ болѣе и болѣе замыкался въ себѣ и отдѣлялся отъ другихъ сословій. Слѣдствіемъ сословной замкнутости духовенства было накопленіе въ немъ излишка людей, вызывавшее необходимость очищенія духовенства посредствомъ разбора лишнихъ церковниковъ и духовныхъ дѣтей по другимъ сословіямъ, и особенно посредствомъ набора ихъ въ военную службу. Эти разборы и наборы, начавшись при Петрѣ I, продолжались и при его преемникахъ, въ теченіи всего 18 в. [1]). Кромѣ того предпринимались и другія мѣры для сокращенія численности бѣлаго духовенства, которая была очень велика, особенно въ началѣ 18 в. Такъ въ одной Москвѣ, по свидѣтельству Седерберга, насчитывалось въ его время до четырехъ тысячъ бѣлаго духовенства [2]). Перри говоритъ, что вся страна была переполнена священниками, подъ которыми онъ разумѣетъ, конечно, вообще духовныхъ лицъ, какъ священно-служителей, такъ и церковно-служителей [3]). По словамъ Фоккеродта и Манштейна, численность всего духовенства, съ его семействами, въ первой половинѣ 18 в. простиралась до 300 тысячъ душъ [4]). Чтобы уменьшить это, далеко превышавшее потребности народонаселенія [5]), количество духовенства, было постановлено при Петрѣ I не посвящать лишнихъ ставленниковъ,

---

[1]) Ibid. Сборн. р. и. общ. т. 15. 247. „Шетарди“ 93 и др.

[2]) Чт. въ общ. и. и др. р. 1873. 2. IV. 10.

[3]) 176.

[4]) Фоккеродтъ. Чт. въ общ. ист. и др. р. 1874 г. 2. IV. 113. Зап. Манштейна 294.

[5]) По ревизіи 1741 –5 года все народонаселеніе Россіи, включая сюда и неправославныхъ христіанъ, и магометанъ и язычниковъ—подданныхъ Россіи, не превышало 18 мил. 100 т. душъ (Манш. 294); такъ что духовное сословіе составляло болѣе $1^1/_2$% всего народонаселенія имперіи, полагая численность духовенства въ 300 т. душъ.

у которыхъ нѣтъ своихъ приходовъ; частнымъ лицамъ запрещено было держать домовыхъ священниковъ [1]); наконецъ, введены были штаты, которыми требовалось, чтобы опредѣленное число прихожанъ имѣли одного или нѣсколькихъ священниковъ, но не болѣе, чѣмъ сколько слѣдуетъ по количеству прихожанъ; оставшіяся же за штатами духовныя лица отставлялись отъ службы и достаточно сильныя изъ нихъ зачислялись въ военную службу [2]).

Еще болѣе рѣшительныя мѣры предпринимались для уменьшенія числа монаховъ и монастырей. Въ 1701 г., по словамъ Фанъ-деръ-Гульста, всѣхъ монастырей въ Россіи насчитывалось по оффиціальнымъ статистическимъ даннымъ до 663 [3]). Но, безъ сомнѣнія, эта цифра далеко ниже дѣйствительности. Нуждаясь въ людяхъ для войны и различныхъ работъ по устройству флота, гаваней, каналовъ, крѣпостей и т. д., стараясь притянуть на службу государству всѣ силы, Петръ I не благосклонно смотрѣлъ на множество монаховъ, молодыхъ, здоровыхъ, не принимавшихъ участія въ общей работѣ, стоявшихъ вдали отъ напряженной дѣятельности другихъ членовъ государства. Чтобы предотвратить на будущее время потерю для государства свѣжихъ, здоровыхъ силъ, Петръ издалъ указъ, по которому никто моложе 50 лѣтъ не могъ быть принятъ въ монастырь, „такъ какъ царь замѣтилъ — поясняетъ это распоряженіе царя Перри,—что заключеніе въ монастыряхъ такого множества молодыхъ людей приводило ихъ къ безполезной жизни и препятствовало размноженію на-

---

[1]) Фоккеродтъ. Чт. въ общ. ист. и др. р. 1874 г. 2. IV. 113.

[2]) Сборн. р. ист. общ. т. 15, 247.

[3]) Истор. царст. Петра. Устрялова т. IV. ч. II. прилож. № VII. Донесен. фанъ-деръ-Гульста создинен. штатамъ Нидерланд. стр. 669.

родонаселенія въ то время, когда люди были столь необходимы для войнъ его". Кромѣ этой цѣли Перри видитъ въ этомъ распоряженіи и другую, политическую цѣль: по его мнѣнію, Петръ разсчиталъ, что, сокративъ число монаховъ, онъ могъ взять въ свою пользу часть ихъ доходовъ, такъ какъ тогда потребовалось бы меньшее количество деревень на содержаніе ихъ [1]). Вслѣдствіе этого распоряженія, при строгомъ выполненіи его, монашество съ теченіемъ времени должно было значительно порѣдѣть въ своихъ рядахъ. Еще большее вліяніе на сокращеніе числа монаховъ и монастырей должно было оказать учрежденіе штатовъ монастырскихъ и запрещеніе принимать въ монастыри кого бы то ни было безъ особеннаго указа. Передавая содержаніе постановленій духовнаго регламента (собственно прибавленія къ духовному регламенту) относительно монастырей, Фоккеродтъ говоритъ: „сначала между многими другими правилами, клонящимися къ сохраненію добраго порядка и приличія въ церквахъ, въ особенности предлагается монастырямъ, чтобы они отправляли богослуженіе съ должнымъ благочестіемъ и благоприличіемъ, для чего въ каждомъ монастырѣ должно находиться по крайней мѣрѣ 30 монаховъ, а гдѣ нѣтъ такого числа ихъ и, стало быть, эта конечная цѣль не можетъ быть достигнута, монастырь должно обратить въ приходскую церковь и училище, монаховъ, жившихъ въ немъ до того времени, развести по другимъ монастырямъ, которымъ недостаетъ требуемаго числа ихъ. Но за тѣмъ, всѣмъ игуменамъ и настоятелямъ монастырей строго внушается, подъ страхомъ тяжкаго наказанія, не принимать въ монастырское званіе безъ особеннаго указа ни одного дворянина, ни кого-либо служащаго въ государственной службѣ, ни приказнаго писца, ни безграмотнаго, ни несовершеннолѣтняго, никакого мѣщанина, ни крестья-

[1]) Стр. 125–6.

нина. Такъ какъ въ этотъ списокъ входятъ всѣ русскіе подданные какого бы то ни было званія и слѣдовательно ни кому не дозволяется идти въ монастырь, кромѣ тѣхъ вдовыхъ священниковъ, которые по уставу греческой церкви не могутъ больше продолжать свою службу, монастыри же, въ которыхъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ, 30 монаховъ, должны быть закрыты, то въ случаѣ точнаго соблюденія такого постановленія, число монастырей въ Россіи, въ продолженіи 30 лѣтъ, естественно уменьшилось бы до того, что во всей этой странѣ не осталось бы болѣе 10 такихъ, которые бы считалось полезнымъ сохранить изъ особенныхъ видовъ. Но по кончинѣ Петра I, исполненію этого предначертанія не дали дальнѣйшаго хода, и не заботились о немъ, какъ и о многихъ другихъ, введенныхъ имъ, полезныхъ учрежденіяхъ въ духовныхъ дѣлахъ“ [1]). Послѣднія слова Фоккеродта можно признать справедливыми лишь относительно времени царствованія Екатерины I и Петра II, но при Аннѣ Іоанновнѣ законы Петра о сокращеніи числа монаховъ были возобновлены и приводились въ исполненіе съ большою строгостію. При Елизаветѣ поступленіе въ монастыри было освобождено отъ всякихъ ограничительныхъ условій, и оскудѣвшіе при Аннѣ монастыри стали снова наполняться, пока введеніе штатовъ при Екатеринѣ II не пріостановило этого прилива.

Что касается женскихъ монастырей, то иностранцы не говорятъ, чтобы къ нимъ примѣнялись строгія постановленія относительно увеличенія числа монашествующихъ, изданныя для мужскихъ монастырей. — Женскіе монастыри и въ 18 в., по крайней мѣрѣ, въ началѣ его, точно такъ же, какъ и въ предшествующіе вѣка, нерѣдко служили убѣжищемъ для женъ, убѣгавшихъ отъ мужей вслѣдствіе дурнаго обращенія, для дочерей, искавшихъ спасенія отъ насильственнаго брака. „Въ Россіи, говоритъ Веберъ, если жена

---

[1]) Чт. въ общ. ист. и др. р. 1874 г. 2. IV. 13—14.

убѣжитъ отъ мужа, или дочь отъ родителей, и поступитъ въ монастырь (что случается довольно часто въ провинціяхъ), то никто уже не можетъ взять ее оттуда". При этомъ Веберъ разсказываетъ такой случай: кн. Гагаринъ хотѣлъ насильно выдать дочь свою за старшаго сына сенатора Муспна-Пушкина; чтобы избавиться отъ этого невольнаго брака, она убѣжала изъ Москвы въ какой-то монастырь и постриглась тамъ [1]). Тотъ же писатель говоритъ, что въ его время не трудно было мужу заточить въ монастырь не любимую жену, или родителямъ — непослушную дочь; чаще же случалось, что братья отдавали насильно въ монастырь своихъ сестеръ, чтобы имѣть возможность по своему желанію распорядиться наслѣдствомъ. „Поэтому и случается, что въ такихъ монастыряхъ, какъ, напр., Чудовъ [2]), попадается очень много молодыхъ и красивыхъ монашенокъ [3]). Петръ Вел., самъ, какъ извѣстно, заключившій нелюбимую жену въ монастырь, склоненъ былъ смотрѣть снисходительно, если кого нибудь изъ близкихъ къ нему лицъ постигала необходимость этимъ же путемъ расторгнуть неудачный бракъ. Иногда онъ даже лично содѣйствовалъ этому. Вассевичъ разсказываетъ, что Ягужинскій (Павелъ Ивановичъ) никакъ не могъ ужиться съ своею женою, вслѣдствіе ея дурнаго характера, но въ тоже время находилъ, что совѣсть не позволяетъ ему развестись съ нею. Петръ самъ принялъ на себя трудъ убѣдить его въ умѣстности и законности расторженія дурнаго брака; послѣ этого жена Ягужинскаго, по именному указу императора, была заключена въ одинъ изъ московскихъ монастырей [4]).— Веберу случилось присутствовать въ Вознесенскомъ женскомъ монастырѣ (въ Москвѣ) при постриженіи одной мо-

---

[1]) Р. Арх. 1872 г. 1106 стр.

[2]) Такъ называетъ Веберъ по ошибкѣ Вознесенскій женскій монастырь въ Москвѣ.

[3]) Р. Арх. 1872 г. стр. 1361.

[4]) Р. Арх. 1865 г. стр. 690. Берхг. II, 218.

лодой дѣвушки въ монахини, и вотъ какъ онъ описываетъ этотъ обрядъ... „По прибытіи въ церковь, я нашелъ тамъ пѣвшихъ уже монахинь и большое собраніе дѣвицъ, между которыми были и знатнѣйшія со всего города женщины... двѣ старухи поставили меня, противъ моего желанія, къ алтарю, для того, чтобы я лучше могъ все видѣть. Послѣ пѣнія обоихъ хоровъ, продолжавшагося не малое время, всѣ монахини вышли изъ церкви черезъ два покоя въ третій, откуда и вывели постригаемую въ ихъ санъ дѣвицу. Дѣвица эта была одѣта въ длинномъ черномъ кафтанѣ, и ея длинные русые волосы были расчесаны такъ, что все лицо закрывалось ими. Когда она, совсѣмъ преклонившись, приблизилась къ стоявшему посреди церкви налою и къ священнику, бывшему у налоя, то сдѣлала три земные поклона и затѣмъ осталась распростертою на землѣ. Тогда священникъ сталъ читать молитву, по окончаніи коей предлагалъ новопостригаемой дѣвицѣ различные вопросы: „не поступаетъ ли она въ монастырь по принужденію? отреклась ли она отъ міра? обѣщаетъ ли повиноваться установленіямъ и правиламъ и проч. и проч., на каковые вопросы дѣвица громкимъ голосомъ отвѣчала всякій разъ: „да, ей Богу, обѣщаю“ и проч. Затѣмъ священникъ снова началъ молитву и потомъ приказалъ дѣвицѣ приподняться, встать и открыть лицо. Нѣсколько старыхъ монахинь приподняли съ лица ея волосы, разобравъ ихъ по сторонамъ, и тогда оказалось, что постригаемая была молодая красивая дѣвица, лѣтъ около 20. Она подступила ближе къ налою, взяла лежавшіе на немъ ножницы, подала ихъ священнику, у котораго поцѣловала при этомъ руку, и просила его постричь себя. Священникъ отказывался и положилъ ножницы снова на налой, и такая церемонія повторилась въ другой и третій разъ, когда священникъ оставилъ, наконецъ, ножницы у себя и срѣзалъ у нея съ головы, на переднемъ проборѣ, крестообразно, четыре пряди волосъ; въ это же время хоръ пѣлъ молитвы. Затѣмъ двѣ пожилыя монахини препоясали

новопостриженную поясомъ и облачили ее, а стоявшіе вокругъ родственники ея не переставали оплакивать горькими слезами умершую для свѣта монахиню. Въ заключеніе священникъ прочелъ ей монастырскія правила, по окончаніи которыхъ ее вывели изъ церкви прежнимъ порядкомъ“ [1]).

Бѣлое духовенство вело жизнь брачную, которая была обязательна для него. „Священникомъ никто не можетъ сдѣлаться,—говоритъ Седербергъ,—не давъ обѣта согласно 1 посл. къ Тимоѳею 3, 2[2]). Священникъ не можетъ жениться на вдовѣ, или обезславленной женщинѣ, а только на дѣвицѣ [3]). Нѣкоторые писатели замѣчаютъ, что семейные нравы въ духовенствѣ были чище и выше, чѣмъ въ другихъ сословіяхъ. „Замѣчено,—пишетъ Перри,—что священники обращаются съ женами своими лучше, чѣмъ всѣ прочіе люди въ этой странѣ“ [4]). Онъ объясняетъ это явленіе тѣмъ, что священникъ не могъ жениться въ другой разъ, а это располагало его быть внимательнымъ къ своей супругѣ. — По смерти жены священникъ не могъ оставаться долѣе года на приходѣ и служить въ священническомъ санѣ, а долженъ былъ или перейти въ свѣтское званіе, или, что чаще бывало, поступить въ монастырь [5]). Обычай, требовавшій отъ вдоваго священника поступленія въ монастырь, сохранилъ свою обязательную силу до самаго конца 18 в. „Здѣсь въ обычаѣ попу—говоритъ аббатъ Охотскій—послѣ смерти жены постричаться въ монахи; и только на случай малолѣтства дѣтей епископъ позволяетъ вдовцу оставаться въ приходѣ священникомъ“ [6]).

Общественное положеніе низшаго духовенства, какъ бѣлаго такъ и чернаго, не соотвѣтствовало его высокому

---

[1]) Веберъ, Р. Арх. 1872 г. 1379—80.
[2]) „Подобаетъ епископу быти... единыя жены мужу“.
[3]) Седербергъ, Чт. въ общ. ист. и др. р. 1873 г. 2. IV. 9.
[4]) 149 стр.
[5]) Ibid.
[6]) Разсказы о пол. стар. т. II, 144.

призванію. Съ самаго начала 18 в. духовенство было сильно унижено и потомъ все болѣе и болѣе падало въ мнѣніи общества. Всѣ иностранные писатели, касавшіеся общественнаго значенія духовенства, одинаково говорятъ о крайней приниженности его предъ высшимъ, дворянскимъ сословіемъ. Еще Корбъ подмѣтилъ ослабленіе въ обществѣ уваженія къ духовному чину. Уваженіе въ духовенству, говоритъ онъ, не осталось во всей силѣ; прежде во всѣхъ собраніяхъ священникамъ предоставляли первое мѣсто; теперь ихъ званіе такъ понижено, что ихъ почти не принимаютъ уже въ обществахъ [1]). Веберъ замѣчаетъ, что бѣлое духовенство въ Россіи пользуется не бо́льшимъ почетомъ, чѣмъ лица другихъ податныхъ сословій, наравнѣ съ которыми оно обязано нести государственныя повинности и платить въ казну разные сборы [2]), что, замѣтимъ, также отдаляло его отъ дворянскаго сословія, гордаго своимъ привиллегированнымъ положеніемъ, и низводило въ разрядъ „подлыхъ“ людей, какъ тогда называли податныя сословія. По словамъ Фоккеродта, бѣлое духовенство, кромѣ протоіереевъ въ городахъ, находилось въ большомъ пренебреженіи. „Дворянинъ рѣдко посадитъ за столъ своего попа, и только что тотъ скажетъ предъобѣденную молитву, его отсылаютъ къ домашней челяди“ [3]). Такъ же отзывается онъ и о положеніи низшаго чернаго духовенства: „простымъ монахамъ житье плохое и такъ мало почета, что достаточные люди не много заохочиваются поступать въ духовное званіе“ [4]). Эти отзывы принадлежатъ первой половинѣ 18 в., но такіе же отзывы дѣлаютъ иностранцы и во 2-й половинѣ этого вѣка. Съ теченіемъ времени духовенство не только не повышалось, а напротивъ все болѣе и болѣе унижалось по своему общественному положенію и смѣшивалось съ „под-

---

[1]) Чт. въ общ. ист. и др. 1867. 3. IV. 260.
[2]) Веберъ, Р. Арх. 1872 г. стр. 1131.
[3]) Чт. въ общ. и. и др. р. 1874. 2 IV. 113—4.
[4]) Ibid.

лыми" людьми. Даже въ философскій вѣкъ Екатерины II, когда такъ много говорилось и писалось о достоинствѣ человѣческой личности, уваженіи къ ней и ея правамъ,—даже въ этотъ вѣкъ гуманности ничего существеннаго не было сдѣлано для возвышенія общественнаго положенія духовенства, хотя оно имѣло на это, такъ сказать, сугубое право, какъ по своему общечеловѣческому достоинству, такъ и по своему призванію? Напротивъ, можно положительно сказать, что въ этотъ вѣкъ, съ одной стороны, невѣрія и вольнодумства, а съ другой — гордаго и пышнаго аристократизма, униженіе духовенства еще усилилось. На духовныхъ лицъ стали смотрѣть какъ на представителей невѣжества и суевѣрія, и образованное общество, гордившееся тѣмъ, что въ его нѣдрахъ чуть не каждый членъ свободомыслящій философъ, чуждалось этихъ защитниковъ рутины. Иностранцы, привыкшіе видѣть у себя дворянство и духовенство въ тѣсной родственной связи и живомъ общеніи между собою, удивлялись разобщенности этихъ двухъ сословій, отчужденности ихъ другъ съ другомъ въ Россіи. Коксъ не безъ удивленія говоритъ: „во время моего пятимѣсячнаго пребыванія въ Петербургѣ, при постоянныхъ и почти ежедневныхъ сношеніяхъ съ русскою знатью и дворянствомъ, мнѣ ни разу не случалось встрѣтить въ посѣщаемыхъ мною домахъ ни единаго представителя бѣлаго духовенства, что отчасти объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣшніе приходскіе священники на столько грубы и не отесаны, что не могутъ быть допускаемы въ образованное общество" [1]). Вслѣдствіе приниженности духовенства случаи поступленія дворянъ въ духовное званіе были очень рѣдки,—такъ рѣдки, что аббатъ Шапъ не очень далекъ отъ истины, когда говоритъ, что „дворяне въ Россіи никогда не вступаютъ въ духовное званіе" [2]),—и духовенство, пока не замкнулось окон-

[1]) Русск. Стар. 1877. II, 46.
[2]) Антидотъ. XVIII в. Бартенева т. 4. 336.

чательно въ самомъ себѣ, пополнялось обыкновенно людьми изъ низшихъ сословій. „Большинство поповъ въ Россіи, говоритъ Веберъ, люди низкаго происхожденія, безъ связей и богатства“ [1]).

Не смотря на свою близость и родство съ низшими слоями общества, духовенство и здѣсь не могло пользоваться полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ. Этому много препятствовало между прочимъ то, что духовенство было притянуто къ общей, въ первой половинѣ 18 в., системѣ полицейскихъ доносовъ; напр. обязано было доносить о заговорахъ противъ государя, мятежахъ и другихъ государственныхъ преступленіяхъ, даже въ томъ случаѣ, если узнавало о нихъ на исповѣди [2]). Это обстоятельство, естественно, вносило недовѣрчивость и холодность въ отношенія между духовенствомъ и прихожанами. Кромѣ того матеріальная необезпеченность низшаго духовенства, ставившая его въ полную зависимость отъ прихожанъ и вынуждавшая духовныхъ лицъ унижаться, просить, заискивать, тѣмъ самымъ ослабляла уваженіе къ нимъ въ простомъ народѣ.

Что касается лицъ высшей церковной іерархіи, то хотя, при новомъ настроеніи общества и новомъ строѣ жизни, отодвинувшемъ вдаль религіозные интересы, они много потеряли изъ своего прежняго значенія, однако все таки пользовались почетомъ и уваженіемъ, присвоеннымъ ихъ сану, а по временамъ принимали участіе и въ государственныхъ дѣлахъ. Фоккеродтъ, говоря объ унизительномъ положеніи низшаго духовенства, замѣчаетъ: „впрочемъ епископы и игумены въ большой чести и живутъ въ довольствѣ“ [3]). Примѣръ уваженія къ высшимъ лицамъ церковной іерархіи показывали сами государи. Петръ I, подрѣзавшій, по выраженію Вебера, крылья духовенству, не смотря на

---

[1]) Р. Арх. 1872 г. стр. 1447.

[2]) Фоккеродтъ. Чт. въ общ. ист. и др. р. 1874. 2. IV. 13.

[3]) Ibid. 114.

это, обращался всегда почтительно съ высшими духовными лицами; бралъ у нихъ благословеніе и цѣловалъ руки [1]); на всѣхъ придворныхъ торжествахъ и праздникахъ они были почетными гостями; для нихъ накрывался особый столъ, за который нерѣдко садился съ ними самъ государь и подолгу бесѣдовалъ [2]). Въ 1718 г., когда разбиралось несчастное дѣло царевича Алексѣя, къ участію въ судѣ надъ нимъ призваны были, по желанію Петра, и духовные сановники, вызванные для этого, по словамъ Вебера, изъ внутреннихъ областей имперіи [3]).—На канунѣ Рождества Христова члены Синода ежегодно принимали государя и государыню въ зданіи Сената, и угощали [4]).—Съ такимъ же вниманіемъ относилась къ высшему духовенству и Екатерина I; и нужно сказать, что оно пріобрѣло право на это вниманіе своимъ дѣятельнымъ участіемъ въ возведеніи ея на престолъ. Извѣстно, что Петръ I не оставилъ завѣщанія о преемствѣ престола и вельможи по смерти его колебались въ выборѣ между Екатериной и сыномъ царевича Алексѣя, Петромъ. По свидѣтельству Бассевича, Ѳеодосій Яновскій первый подалъ примѣръ клятвеннаго обѣщанія поддерживать права на престолъ коронованной супруги Петра Велик. и увлекъ за собою и многихъ другихъ [5]). Еще значительнѣе заслуга Ѳеофана Прокоповича. Его заявленіе въ собраніи государственныхъ чиновъ и вельможъ, поддержанное нѣкоторыми сановниками, о томъ, что Петръ оставилъ словесное завѣщаніе въ пользу своей супруги, имѣло рѣшительное вліяніе на провозглашеніе ея императрицей [6]). По восшествіи на престолъ, Екатерина, чувствуя шаткость своего положенія, старалась, по словамъ Мардефельда, задобрить духо-

---

[1]) Берхг. II, 172.
[2]) Зап. Бассевича. Р. Арх. 1865 г., 196—7. Берхг. I, 58. III, 33.
[3]) Р. Арх. 1872 г. 1454.
[4]) Берхг. ч. III, 267.
[5]) Зап. Бассевича Р. Арх. 1865 г. 624.
[6]) Ibid. 628—9.

венство, чтобы имѣть въ немъ поддержку для себя [1]). Самая опала Ѳеодосія Яновскаго была отчасти жертвой общему недовольству противъ него со стороны духовенства и народа, которыхъ онъ раздражалъ своею непомѣрною гордостію и чрезвычайною строгостію, съ которою уничтожалъ старыя иконы [2]).

Услуга, оказанная духовенствомъ Екатеринѣ, стоила ему впослѣдствіи чувствительнаго оскорбленія: при избраніи на престолъ Анны Іоанновны въ 1730 г., оно было устранено членами верховнаго Совѣта отъ участія въ совѣщаніяхъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что уронило себя соучастіемъ въ возведеніи на престолъ по смерти Петра его супруги [3]). Но за это оскорбленіе, нанесенное духовенству, верховники поплатились неудачею своихъ замысловъ, имѣвшихъ цѣлью ограниченіе самодержавія въ пользу верховнаго совѣта. Манштейнъ видитъ причину неудачи верховниковъ, между прочимъ, въ томъ, что „они не привлекли на свою сторону духовенство, которое, укрѣпивъ ихъ систему узами церковнаго проклятія, гораздо болѣе чтимаго въ Россіи, нежели присяга, сообщили бы ему не легко нарушимую прочность“ [4]). Маньянъ разсказываетъ, что „наиболѣе хитрые люди изъ духовенства, оскорбленные тѣмъ, что ихъ исключили изъ собранія государственныхъ чиновъ, дѣлали всякія усилія, чтобы возстановить мелкое дворянство противъ верховнаго совѣта, и главныхъ членовъ послѣдняго изображали злодѣями, желавшими измѣненія формы правленія только для того, чтобы самимъ завладѣть верховною властію, вслѣдствіе чего рабское положеніе дворянства станетъ еще несравненно менѣе выносимымъ, чѣмъ при сохраненіи самодержавія государя“ [5]). Однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ

[1]) Сборн. р. и. общ. т. 15. 255.

[2]) Обозрѣн. иностр. изв. Тургенева. Журн. М. Н. Пр. ч. XLI, отд. II, 26.

[3]) Шегарди 97.

[4]) Стр. 333—4.

[5]) Памятн. нов. р. ист. Кашпирева т. 2. 275 (извлечен. изъ депешъ французск. резидентовъ въ Москвѣ).

оппозиціи верховникамъ былъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. По словамъ герцога Лирія, онъ подарилъ Аннѣ столовые часы, подъ доскою которыхъ скрылъ планъ, какъ надо дѣйствовать въ рѣшительную минуту [1]). Императрица Анна однако дурно заплатила духовенству за его усердіе. Истязанія въ тайной канцеляріи, лишеніе сана и ссылки были наградой ему за его преданность началамъ самодержавія...

Послѣ террористическаго царствованія Анны и малолетнаго, не оставившаго послѣ себя никакихъ слѣдовъ, правленія Анны Леопольдовны, восшествіе на престолъ Елизаветы Петровны показалось для духовенства наступленіемъ золотаго вѣка. И дѣйствительно ни прежде, ни послѣ, въ теченіи всего 18 в., высшее духовенство не пользовалось такимъ почетомъ и уваженіемъ, какъ при Елизаветѣ. Нѣкоторыя изъ высшихъ духовныхъ лицъ были близкими и довѣреннѣйшими совѣтниками ея. Пецольдъ говоритъ, что архіепископъ новгородскій пользовался особеннымъ довѣріемъ императрицы; ему открывались такія государственныя тайны, въ которыя не были посвящены даже высшіе государственные сановники [2]). Вліяніе духовенства на благочестивую императрицу было такъ значительно, что французскій посланникъ Маркизъ Шетарди писалъ своему правительству о необходимости подкупить духовника императрицы и членовъ синода, чтобы чрезъ нихъ вывѣдывать сокровенныя мысли императрицы и чрезъ нихъ же внушать ей то, что требуется политикою французскаго двора, замѣчая при этомъ, что неоднократный опытъ показалъ, что „симъ путемъ царицу ко всему склонить можно“ [3]). Тотъ же современникъ говоритъ, что Елизавета вскорѣ по вступленіи на престолъ издала указъ, въ силу котораго духовенству возвращались всѣ права и преимущества, отнятыя у него въ царствованіе

[1]) Записки дюка Лирійскаго. 180—1 стр.
[2]) Сбор. р. и. общ. т. 6 стр. 462—3.
[3]) Арх. кн. Воронцова I, 499.

Анны [1]). Елизавета обращала иногда милостивый взоръ даже на забитое, угнетенное бѣлое духовенство и старалась оградить его отъ обидъ и насилій строгимъ наказаніемъ обидчиковъ. Одинъ иностранецъ разсказываетъ такой случай. Лютеранскій пасторъ Финъ, встрѣтившись однажды на улицѣ съ православнымъ священникомъ, не хотѣвшимъ уступить ему дороги, погрозилъ ему пистолетомъ. Священникъ пожаловался и сенатъ, по приказанію Елизаветы, присудилъ наказать пастора кнутомъ, въ облаченіи, на всѣхъ четырехъ углахъ Петербурга; только энергическое ходатайство единовѣрцевъ пастора и нѣкоторыхъ вельможъ спасло его отъ этого позора [2]).

Петръ III своимъ нескрываемымъ пренебреженіемъ къ религіи и ея служителямъ не оставилъ по себѣ въ духовенствѣ ничего, кромѣ раздраженія, и потому оно встрѣтило съ сочувствіемъ переворотъ 28 іюня 1762 г. Австрійскій посланникъ Мерси такъ разсказываетъ объ участіи духовенства въ этомъ событіи. Когда Екатерина прибыла изъ Петергофа въ зимній дворецъ, то сюда собрались также архіереи, священники и все петербургское духовенство и увѣщевали толпившійся около дворца народъ признать новую государыню, которую они повели за тѣмъ въ Казанскій соборъ, гдѣ съ особеннымъ торжествомъ императрица была окончательно объявлена и всенародно провозглашена самодержавной государыней всей Россіи [3]). — Отношенія Екатерины II къ высшему духовенству напоминаютъ отчасти отношенія Петра Великаго. Ревнивая, подобно Петру, къ своей неограниченной власти, она хотя и обращалась очень почтительно съ духовными сановниками, цѣловала у

---

[1]) „Шетарди“. Пекарскаго. 309.

[2]) Русск. Арх. 1877. 3. 381 („Анекдоты прошлаго столѣтія“).

[3]) Сборн. р. ист. общ. т. 18 стр. 418. Въ подробностяхъ этотъ разсказъ не совсѣмъ точенъ, но участія духовенства въ переворотѣ, по крайней мѣрѣ, нравственною поддержкою, и сочувствія къ нему отрицать нельзя (см. истор. Соловьева т. 25, 112—114. 123).

ихъ руки и вообще оказывала внѣшній почетъ и уваженіе, но въ тоже время тщательно отстраняла ихъ отъ всякаго участія въ государственныхъ дѣлахъ и не много оставляла имъ самостоятельности даже въ подлежащей ихъ вѣдѣнію сферѣ церковныхъ дѣлъ. Въ своихъ письмахъ къ Вольтеру, рекомендуя нѣкоторыхъ архіереевъ съ хорошей стороны, она поставляла имъ въ особенную заслугу то, что они не раздѣляютъ теоріи двухъ властей [1]).

Нравственную сторону жизни нашего духовенства иностранцы изображаютъ непривлекательными чертами. Общій большинству русскаго народа недостатокъ былъ выдающимся порокомъ и духовенства,—разумѣемъ пьянство. Мы приводили уже свидѣтельство Перри, который говоритъ, что тысячу разъ видѣлъ священниковъ столь пьяными, что они не могли стоять на ногахъ, а иногда и просто валялись на улицахъ, и если кто подходилъ къ нимъ, чтобы помочь имъ встать, они говорили: „воля твоя, батька, праздникъ, я пьянъ“. Веберъ разсказываетъ, что ему показалось чрезвычайно дико, когда онъ увидѣлъ въ первый разъ, что церковники затѣяли между собою драку въ кабакѣ, причемъ повздорившіе противники съ такимъ усердіемъ колотили другъ друга большими коромыслами, что нѣкоторыхъ изъ нихъ замертво потащили домой,—но впослѣдствіи онъ приглядѣлся къ такимъ явленіямъ [2]). Если вѣрить словамъ Бассевича и Берхгольца, то въ ихъ время умѣренность не составляла добродѣтели даже высшихъ духовныхъ лицъ. Бассевичъ говоритъ, что духовные обыкновенно удалялись съ царскихъ обѣдовъ и праздниковъ болѣе другихъ упившимися [3]). Берхгольцъ, описывая обѣдъ членовъ синода у герцога Голштинскаго, замѣчаетъ: „за столомъ его высочества съ господами духовными пили очень усердно, и меня очень удивляло, что они такъ охотно пьютъ и такъ хорошо

[1]) Переписка импер. Екатерины II съ Вольтеромъ I, 12. 23.
[2]) Р. Арх. 1872 г. 1057—8.
[3]) Р. Арх. 1865 г. 197. Берхг. I, 61.

переносятъ дѣйствіе вина“ [1]). — Пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ было сильно въ средѣ низшаго духовенства и въ болѣе позднюю пору. Аббатъ Шаппъ, бывшій въ Россіи уже въ царствованіе Екатерины II, говоритъ, что пьянство составляетъ общую принадлежность русскаго духовенства. „Я встрѣчалъ въ обществѣ священниковъ и въ особенности монаховъ до того пьяныхъ, что нужно было уносить ихъ на носилкахъ. Ихъ поступки и слова заставляли краснѣть порядочныхъ людей“ [2]). Впрочемъ самъ же аббатъ Шаппъ смягчаетъ нѣсколько этотъ, не чуждый преувеличенія, отзывъ, оговариваясь, что „не слѣдуетъ однако судить о всемъ русскомъ духовенствѣ по невыгодному изображенію, начерченному имъ; ему встрѣчались во время путешествія духовныя лица самыхъ чистыхъ нравовъ“ [3]). Въ средѣ монашествующаго духовенства, кромѣ пьянства, нерѣдки были также случаи нарушенія обѣта цѣломудрія. Берхгольцъ знакомитъ насъ съ монастырскими взысканіями за такіе проступки, употреблявшимися въ его время, т. е. въ первой четверти 18 в. Во время посѣщенія герцогомъ Голштинскимъ Троицкой лавры, его повели между прочимъ въ пекарню. Здѣсь, передаетъ Берхгольцъ, „мы увидѣли одного монаха, которому архимандритъ, въ наказаніе за сношеніе съ женщиной, велѣлъ, въ продолженіи извѣстнаго времени цѣлый день высыпать муку изъ мѣшковъ, въ темномъ подвалѣ, при свѣчѣ, и не снимая съ себя обыкновенной монашеской одежды. Онъ уже 14 дней работалъ такимъ образомъ и, покрытый пылью отъ муки, въ своемъ черномъ одѣяніи, съ длинною бородою, былъ просто ужасенъ“ [4]). Нѣсколько благосклоннѣе отзываются иностранцы о нравственной жизни монахинь. Такъ, напр., Веберъ говоритъ, что монахини Новодѣвичьяго монастыря въ Москвѣ, числомъ около 300,

[1]) Ч. II, 207.
[2]) Антидотъ. XVIII в. Бартенева т. 4. 311. 333.
[3]) Ibid. 334.
[4]) Ч. II, 255.

ведутъ очень строгую жизнь и никогда не выходятъ изъ монастыря; въ праздничные только дни опѣ пользуются однимъ удовольствіемъ: гуляютъ по большой, окружающей монастырь, каменной стѣнѣ [1]). Но вообще, уровень нравственнаго развитія въ низшемъ духовенствѣ какъ бѣломъ такъ и черномъ, по отзывамъ иностранцевъ 18 в., былъ очень низокъ. Грубость нравовъ, пьянство, буйство были заурядными явленіемъ. Грубости нравовъ и пороковъ въ духовенствѣ соотвѣтствовала и грубость наказаній. Жестокія публичныя истязанія батогами, а за болѣе важныя преступленія и кнутомъ, были самымъ употребительнымъ наказаніемъ [2]). Понятно, такіе дисциплинарные пріемы не могли достигать своей цѣли, не могли способствовать исправленію и возвышенію нравственности въ духовенствѣ; напротивъ, вели къ большему огрубѣнію и притупленію нравственнаго чувства, и, что печальнѣе всего, унижали самый санъ священный въ глазахъ общества, не всегда отдѣлявшаго строго санъ отъ недостойныхъ носителей его.

Матеріальное положеніе бѣлаго духовенства въ 18 в., по отзывамъ иностранцевъ, было крайне неудовлетворительно. Средства содержанія были очень скудны. Главный источникъ доходовъ заключался въ платѣ за требоисправленія и въ сборахъ по приходу, производившихся нѣсколько разъ въ годъ, преимущественно же въ Рождество и Пасху. „Въ Россіи есть такой старинный обычай,—говоритъ Фоккеродтъ,—что священники между Рождествомъ Христовымъ и праздникомъ трехъ св. царей (Богоявленіемъ) ходятъ по всѣмъ домамъ своихъ приходовъ и поютъ нѣкоторыя церковныя пѣсни о рожденіи Спасителя; за это подносятъ имъ стаканъ пива или водки, да еще сколько нибудь копѣекъ“ [3]). Такія же хожденія совершались и въ праздникъ Пасхи,

---

[1]) Р. Арх. 1872 г. стр. 1370.

[2]) Зап. пастора Теге. Р. Арх. 1864 г. 290 стр. Зап. Тьебо, Русск. Стар. 1878 г. 3. 492—3.

[3]) Чт. въ общ. и. и др. р. 1874 г. 2. IV. 17.

причемъ духовенство не обходило даже иностранцевъ. Берхгольцъ жалуется, что на святой „надоѣдаютъ простые попы и другіе церковные служители, которые на этой недѣлѣ ходятъ по всѣмъ своимъ прихожанамъ и послѣ привѣтствія „Христосъ воскресъ", при маленькихъ зажженныхъ свѣчахъ предъ иконами, имѣющимися въ каждомъ домѣ, поютъ, молятся и благословляютъ, получая за это чарку водки и немного денегъ" [1]). Общую годовую сумму такихъ доходовъ приходскаго священника Коксъ опредѣляетъ приблизительно до 25 руб. въ бѣдныхъ приходахъ и до 125 руб. въ наиболѣе богатыхъ. Но это случайные доходы; постояннымъ же рессурсомъ приходскаго духовенства была земля. „Помимо случайныхъ доходовъ — говоритъ Коксъ — все имущество приходскаго священника заключается въ деревянномъ домѣ, мало чѣмъ отличающемся отъ домовъ самыхъ не имущихъ прихожанъ, и въ небольшомъ клочкѣ земли, который онъ обработываетъ собственными руками" [2]). Такимъ образомъ сельское духовенство должно было искать постоянныхъ средствъ для своего существованія въ личномъ черномъ трудѣ. Священникъ въ деревнѣ, по словамъ Фоккеродта, такъ же, какъ и крестьяне, долженъ былъ ходить за сохою и пахать землю [3]).

Какъ ни скудны были матеріальныя средства бѣлаго духовенства, но оно должно было еще уплачивать изъ нихъ разные сборы въ государственную казну и архіерейскую. „Духовенство въ этой странѣ — говоритъ Веберъ — такъ же не свободно отъ казенныхъ податей, какъ и міряне. Бѣлое духовенство, пользующееся обыкновенно въ Россіи не большимъ почетомъ, чѣмъ лица другихъ состояній, облагается и сообразнымъ съ доходами ихъ сборомъ, больше, чѣмъ другіе граждане. Если священникъ имѣетъ приходъ, то съ каждаго въ приходѣ его дома онъ обязанъ платить 6 коп., хотя самъ онъ, можетъ быть, и не получитъ этого [4]). Еще

---

[1]) Ч. II, 163.

[2]) Русск. Старина 1877 г. II, 46.

[3]) Чт. въ общ. ист. и др. р. 1874 г. 2. IV. 113.

[4]) Это, кажется, такъ назыв. драгунскій сборъ. Въ 1707 г. вмѣсто „государственной" (военной) службы священниковъ установлена для нихъ подать на войско

другой сборъ онъ заплатитъ за свой священническій санъ и кромѣ того особый за своихъ дѣтей [1]) Наконецъ, такъ какъ извѣстно, что священникъ не можетъ служить обѣдни post concubitu sine lotione и слѣд., не можетъ обойтись безъ бани, то банный сборъ съ него назначаютъ выше сбора съ мірянъ; тогда какъ крестьянинъ платитъ за свою баню не болѣе 15 коп., священникъ за свою плохенькую обязанъ платить по рублю въ годъ“ [2]). Кромѣ того угодья, имѣвшіяся при нѣкоторыхъ церквахъ, объявлены были при Петрѣ I оброчными статьями казны и обложены оброкомъ. Такъ, напр. мельницы духовенства, наравнѣ съ мельницами крестьянъ и помѣщиковъ, обложены были пошлиною, равнявшеюся четверти того, что можно было получить съ нихъ въ годъ за помолъ [3]). Всѣ эти сборы и оброки чувствительно уменьшали и безъ того незавидное благосостояніе духовенства. Матеріальная необезпеченность духовенства, выдвигавшая на первый планъ заботы о насущномъ хлѣбѣ, ставившая матеріальные интересы выше всѣхъ другихъ, невыгодно отзывалась на самомъ его служеніи. Вынужденные прибѣгать къ личному черному труду для пополненія скудныхъ доходовъ отъ алтаря, священники неохотно отрывались отъ этого труда для исполненія прямыхъ обязанностей по долгу не только учительства, но и требоисправленій, если онѣ не приносили денежнаго вознагражденія. Веберъ разсказываетъ слѣдующій случай. Недалеко отъ Нарвы, въ одномъ селеніи, онъ нашелъ среди улицы крестьянина, лежавшаго въ предсмертной агоніи. Крестьянинъ работалъ на мызѣ Стрѣльнѣ, заболѣлъ тамъ и едва дотащился въ это селеніе, питаясь милостыней. Бѣдняку никто не хотѣлъ помочь и даже позвать священника для напутствованія. Веберъ послалъ за

драгунскими лошадьми, переложенная потомъ на деньги, по 10 денегъ за каждый дворъ прихода. („Приходское духовенство въ Россіи со времени реформы Петра“. Знаменскаго стр. 360).

[1]) Веберъ разумѣетъ здѣсь, если не ошибаемся, сборъ, извѣстный при Петрѣ подъ именемъ церковническаго или козловскаго оклада, взимавшагося съ церковниковъ и дѣтей духовенства въ замѣнъ ихъ личной службы въ войскахъ (Ibid. 363).

[2]) P. Арх. 1872 г. стр. 1131.

[3]) Ibid. стр. 1127.

священникомъ отъ себя, но тотъ отказывался придти, отговариваясь занятіями то на полѣ, то въ домѣ, и только послѣ того, какъ Веберъ погрозилъ донести на него самому царю, онъ съ неудовольствіемъ явился и причастилъ умиравшаго [1]). — Вопросъ объ улучшеніи матеріальныхъ средствъ приходскаго духовенства по временамъ занималъ и озабочивалъ правительство. Петръ I надѣялся достигнуть этого сокращеніемъ числа священно-и-церковно-служителей и введеніемъ штатовъ; но этою мѣрою достигалось только болѣе правильное и равномѣрное распредѣленіе доходовъ между причтами различныхъ приходовъ и нисколько не увеличивалась сумма наличныхъ средствъ содержанія духовенства. Мардефельдъ, впрочемъ, говоритъ, будто Петръ I постановилъ выдавать сельскимъ священникамъ провіантъ и опредѣленное жалованье въ размѣрѣ 50 талеровъ въ годъ [2]). Но извѣстно, что казенное жалованье и теперь въ большинствѣ губерній составляетъ только pium desiderium духовенства, а въ 18 в., и особенно въ царствованіе Петра I, когда казна была очень бѣдна и истощена войнами и реформами, оно не могло быть и pium desiderium, не могло грезиться и во снѣ нищему и голодному духовенству.

Что касается чернаго духовенства, то матеріальное положеніе его въ 18 в. было обезпеченнѣе сравнительно съ положеніемъ приходскаго духовенства, но оно далеко уже не пользовалось такимъ благосостояніемъ и довольствомъ, какъ въ былыя времена доброй старой Руси. Петръ Великій первый наложилъ руку на неприкосновенность церковныхъ имуществъ. „Скоро послѣ возвращенія своего изъ путешествій (перваго заграничнаго путешествія)—разсказываетъ Перри — царь съ цѣлью облегчить въ нѣкоторомъ отношеніи налоги, лежащіе на торговыхъ людяхъ его

---

[1]) Ibid. 1616.

[2]) Сборн. р. и. об. т. 15 стр. 247.

народа, и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличить доходы, отдалъ указъ приказу, или присутственному мѣсту, гдѣ разбирались дѣла монастырскія, взимать по всей Россіи подать со всѣхъ монастырскихъ земель, такъ какъ они владѣли лучшими землями и деревнями“ [1]). Нѣсколько иначе представляютъ дѣло другіе иностранные писатели. Фанъ-деръ-Гульстъ доносилъ своему правительству отъ 15 марта 1701 г., что царь рѣшился присвоить себѣ всѣ монастырскія земли и оставить монахамъ только самое необходимое, чтобы они не умерли отъ голода и бѣдности и чтобы постоянно постились, терпѣли и проводили все время въ молитвѣ. „Эта конфискація пріобрѣтетъ царю неисчислимыя богатства и будетъ имѣть своимъ слѣдствіемъ то, что въ монастыряхъ не будетъ встрѣчаться болѣе столько лѣнивыхъ монаховъ“ [2]). Плейеръ говоритъ, что въ 1702 г. Петръ „отнялъ у монастырей и перечислилъ въ свою казну большія помѣстья, а монахамъ оставилъ достаточное содержаніе; расходы же на монастырскія церковныя поправки предоставилъ себѣ: это произвело таки порядочное неудовольствіе въ попахъ“ [3]). Точно также представляетъ дѣло и большинство другихъ иностранцевъ [4]). Очевидно, они не поняли сущности реформы, произведенной Петромъ въ экономическомъ положеніи монастырей, смѣшали отобраніе части доходовъ церковныхъ съ полною секуляризаціею церковныхъ имуществъ. Дѣйствительное же положеніе вопроса о церковныхъ имуществахъ въ царствованіе Петра было нѣсколько иное. При всей свободѣ отъ традицій религіозной старины, при всей смѣлости своихъ реформаторскихъ стремленій, Петръ однако не рѣшился на секуляризацію церковныхъ имуществъ; такая реформа была бы преждевременна. Идея

---

[1]) 125 стр.

[2]) Истор. царст. Петра Вел. Устрялова т 4. ч. 2 стр. 669.

[3]) Чт. въ общ. ист. и др. р. 1874. 2. IV. Донесеніе Плейера 16—17.

[4]) Веберъ Р. Арх. 1872 г. стр. 1129. Донесеніе прусск. посл. Мардефельда. Сборн. р. и. общ. т. 15. 247 и др.

самостоятельности церкви, а слѣдовательно и неприкосновенности принадлежащаго ей, была еще слишкомъ сильна не только въ духовенствѣ, но и въ народѣ, и такая крутая мѣра, какъ отобраніе церковныхъ имуществъ, задѣвавшая самыя чувствительныя струны духовенства, могла бы вызвать опасный взрывъ недовольства. Петръ ограничился поэтому только учрежденіемъ строгаго контроля надъ церковнымъ хозяйствомъ и обращеніемъ части монастырскихъ доходовъ въ пользу государства. Въ 1701 году, какъ мы замѣчали уже, былъ учрежденъ, или, вѣрнѣе, возстановленъ монастырскій приказъ, въ вѣдѣніе котораго и перешли монастырскія и архіерейскія имѣнія. Архіереи и монастыри были такимъ образомъ совершенно устранены отъ управленія своими хозяйствами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ самостоятельнаго пользованія своими доходами. На содержаніе ихъ назначены были опредѣленные оклады жалованья; излишекъ же доходовъ долженъ былъ употребляться на удовлетвореніе государственныхъ и общественныхъ нуждъ, преимущественно же на учрежденіе школъ и больницъ, въ которыхъ чувствовался повсемѣстный недостатокъ въ государствѣ [1]). Послѣ этого распоряженія о церковныхъ имуществахъ прежнее матеріальное довольство монастырей должно было значительно поубавиться. Мардефельдъ говоритъ, что если доходъ монастыря равнялся четыремъ тысячамъ рублей, а монастырь состоялъ числомъ изъ 12 монаховъ, то ему оставлялось лишь 600 руб. годоваго дохода. Каждому простому монаху назначено было въ годъ по 50 талеровъ [2]). По словамъ Вебера матеріальныя средства монастырей сокращены были до третьей части прежняго дохода [3]); но и этой части, по его мнѣнію, было достаточно для приличнаго содержанія монаховъ. „Въ русскихъ монастыряхъ—

---

[1]) Зап. Бассевича Р. Арх. 1865 г. 608.
[2]) Сборн. р. ист. общ. т. 15. 247.
[3]) Р. Арх. 1872 г. стр. 1152.

говоритъ онъ—содержаніе вообще довольно порядочное. Прежде доходы ихъ были громадные, и хотя излишнее у нихъ отобрано, но и теперь у нихъ есть порядочные достатки[1]). Этими достатками, какъ кажется, пользовались главнымъ образомъ начальствующія лица въ монастыряхъ; простой же, рядовой, братіи доставались лишь крупицы, падавшія со стола ея начальства; по крайней мѣрѣ, Фоккеродтъ говоритъ, что только архіереи и игумены жили въ довольствѣ, простымъ же монахамъ житье было плохое[2]).—Независимо отъ того, что монастыри отдавали правительству большую часть своихъ доходовъ, они должны были еще содержать на свой счетъ старыхъ и раненныхъ солдатъ—инвалидовъ, которыхъ особенно много оставалось безъ пріюта и безъ всякихъ средствъ по случаю шведской войны. Въ Троицкомъ, напр., монастырѣ эти ветераны составляли довольно значительный процентъ лицъ, которыхъ монастырь кормилъ ежедневно[3]).

Съ учрежденіемъ Синода завѣдываніе церковными имуществами перешло къ нему; но положеніе монастырей отъ этого не измѣнилось. Получивъ вотчины въ свое управленіе, архіереи и монастыри все таки должны были довольствоваться попрежнему опредѣленнымъ окладомъ, а весь излишекъ доходовъ предоставлять правительству. Между тѣмъ правительство, открывъ новый источникъ доходовъ въ средствахъ монастырей, стало черпать изъ него на свои нужды съ такимъ усердіемъ, что вскорѣ на церковныхъ имуществахъ нарось громадный долгъ. Лефортъ отъ 26 февраля 1724 года писалъ: „Употребляютъ всевозможныя усилія для того, чтобы поднять финансы государства. Духовенство, которое, какъ говорятъ, должно выплатить 2 милліона, сильно стѣснено, ему грозили даже жестокими

---

[1]) Ibid. 1374 стр.
[2]) Чт. въ общ. ист. и др. р. 1874. 2. IV. 114.
[3]) Берхг. II, 257—8.

наказаніями, если оно не поможетъ нуждамъ государства. Духовенство, пріобрѣтя вѣковую опытность, и не обращая особаго вниманія на эти огромныя требованія, старается только доказать въ этомъ дѣлѣ свое безсиліе; между тѣмъ въ этой помощи чувствуется сильная нужда, ибо всѣ кошельки страны поражены какъ будто громомъ“ [1]). Немного позже (2 сентября того же года) онъ сообщалъ своему правительству, что назначено судебное слѣдствіе надъ Синодомъ, который долженъ 2 мил., и сверхъ того пропало изъ казны патріарха 1,200,000 руб., въ которыхъ Синодъ не можетъ дать отчета [2]).

Не измѣнилось положеніе монастырей и послѣ смерти Петра, потому что взглядъ на церковныя имущества и отношенія къ нимъ со стороны правительственной власти оставались тѣ же, какіе были установлены имъ. Церковныя имущества считались попрежнему собственностію Церкви и управленіе ими находилось въ рукахъ архіереевъ и монастырей, но ни тѣ, ни другіе не могли пользоваться самостоятельно доходами съ нихъ. Правительство попрежнему видѣло въ церковныхъ имуществахъ богатый запасъ средствъ и обращалось къ нимъ въ трудныхъ для себя случаяхъ. Такъ предъ началомъ шведской войны 1741 г. Шетарди писалъ: „Предположено предотвратить вредъ отъ недостатка денегъ употребленіемъ въ дѣло огромныхъ средствъ, которыя власть безпредѣльная найдетъ въ монастырскихъ имуществахъ, сохраняющихся на случай крайней надобности“ [3]). Въ такомъ положеніи, съ нѣкоторыми, впрочемъ, колебаніями въ пользу то расширенія, то ограниченія правъ духовенства на церковныя имущества, вопросъ объ этихъ имуществахъ находился до второй половины 18 в., когда онъ вступилъ въ новый и послѣдній фазисъ своего историческаго развитія.

---

[1]) Сборн. р. ист. общ. т. 3. стр. 370.
[2]) Ibid. 383.
[3]) Стр. 95.

Петръ III хотѣлъ покончить разъ навсегда съ этимъ вопросомъ. „Императоръ рѣшилъ“—писалъ Мерси отъ 9 марта 1762 г.—отнять у всего духовенства помѣстья и крѣпостныхъ и назначить для содержанія его опредѣленное годовое жалованье. Такъ какъ Петру I въ его царствованіе не разъ предлагали эту мѣру, но онъ все же не отваживался привести ее въ исполненіе, то, понятно, какія послѣдствія могутъ произойти для нынѣшняго государя отъ такого распоряженія“. Спустя 10 дней, тотъ же современникъ отмѣчаетъ въ своемъ донесеніи: „на счетъ русскаго духовенства вышелъ второй указъ, въ силу котораго ихъ крѣпостные, число которыхъ доходитъ до 1½ мил., отняты у нихъ вмѣстѣ съ землею и перешли къ казнѣ. Духовенство же получитъ за потерю прежде получавшихся доходовъ соразмѣрное вознагражденіе деньгами; при этомъ наибольшіе убытки понесутъ не простые монахи, а епископы и архіепископы“ [1]). Какъ встрѣчено было это распоряженіе черными духовенствомъ, можно видѣть изъ слѣдующаго донесенія прусскаго посланника Гольца: „Духовенство подало императору представленіе на русскомъ и латинскомъ языкахъ, гдѣ жалуется на насиліе и странные поступки съ собою вслѣдствіе указа объ отобраніи церковныхъ имуществъ; такихъ поступковъ духовенство не могло ожидать и отъ варварскаго правительства, а теперь принуждено терпѣть ихъ отъ правительства православнаго, и это тѣмъ горестнѣе, что духовные люди терпятъ насиліе потому только, что они суть служители Божіи. Эта бумага, подписанная архіепископами и многими изъ духовенства, составлена въ чрезвычайно сильномъ тонѣ: это не просьба, а скорѣе протестъ противъ государя. Донесенія, полученныя вчера и третьяго дня отъ воеводъ отдаленныхъ областей, говорятъ о стараніи духовенства подустить народъ противъ монарха. Въ донесеніяхъ говорится, что духъ мятежа и неудовольствія сталъ до того всеобщимъ, что

[1]) Сборн. р. и. об. т. 18. стр. 210. 249.

они, воеводы, не знаютъ, какія мѣры предпринять, а потому требуютъ наставленій отъ правительства[1]). Петръ III не успѣлъ однако привести въ исполненіе своего распоряженія о церковныхъ вотчинахъ. Честь окончательнаго рѣшенія этого вѣковаго вопроса, возникшаго еще въ 16 в., при Іоаннѣ III, принадлежитъ Екатеринѣ II. Въ 1764 г. церковныя имущества въ Великороссіи, по распоряженію императрицы, были навсегда включены въ общій составъ государственныхъ имуществъ; а спустя 22 года, именно въ 1786 г., такая же участь постигла и малороссійскіе монастыри. Въ этомъ году, пишетъ Сегюръ, императрица издала указъ, который „огорчилъ украинское и малороссійское духовенство, потому что ставилъ его въ одинаковое положеніе съ прочимъ духовенствомъ имперіи и тѣмъ лишилъ его 200 т. душъ крестьянъ, перешедшихъ въ казенное вѣдомство“[2]). Отобраніе имуществъ доставило Екатеринѣ множество похвалъ со стороны образованнаго общества какъ русскаго, такъ и европейскаго. Вольтеръ по поводу этого, самаго моднаго въ то время, дѣла, отозвался, что русская церковь заняла болѣе достойное ея положеніе съ тѣхъ поръ, какъ императрица освободила ее отъ заботъ о временныхъ благахъ[3])...

Мы очертили кратко, съ болѣе выдающихся сторонъ, состояніе духовенства въ 18 в., по отзывамъ иностранцевъ. Если соединить отдѣльныя черты въ одинъ образъ,—въ непривлекательномъ видѣ встанетъ предъ нами фигура сельскаго священника или простаго монаха 18 в. Бѣдность,

---

[1]) Истор. Соловьева т. 25. стр. 79. По поводу этого донесенія г. Соловьевъ говоритъ: „Мы знаемъ, что крестьянскія возстанія были сильныя и не въ однихъ отдаленныхъ областяхъ, но знаемъ также, что причины ихъ были другія, и потому можемъ не принимать второй половины Гольцева извѣстія, но первую не принять трудно“ (ibid). О сильномъ неудовольствіи духовенства говоритъ также англійскій посланникъ Кейтъ (Сборн. русск. истор. общ. т. 12, стр. 9).

[2]) Стр. 117.

[3]) Исторія россійск. академ. Сухомлинова стр. 339 прим. 138.

борьба съ нуждою въ домашней жизни, униженіе въ обществѣ, пьяный чадъ въ нравственной атмосферѣ — вотъ черты, которыми, какъ мы видѣли, изображаютъ иностранцы бытъ и условія жизни низшаго духовенства бѣлаго и чернаго. Но картина была бы не полная, если бы мы не присоединили къ этимъ чертамъ еще одной, бросавшейся въ глаза иностранцамъ, — именно малообразованности, чтобы не сказать, невѣжества, большинства нашего духовенства. Отзывы иностранцевъ говорятъ о полнѣйшемъ отсутствіи въ массѣ духовенства самыхъ элементарныхъ научныхъ свѣдѣній. Вотъ какъ отзывается, напр., Фоккеродтъ о состояніи образованія среди духовенства въ началѣ царствованія Петра. „Въ началѣ его царствованія—говоритъ онъ—духовенство было гораздо грубѣе, чѣмъ оно было въ Европѣ въ самыя темныя столѣтія папской власти. Проповѣдывать у него было рѣшительно не въ обычаѣ. Кто могъ читать и писать, да умѣлъ точно соблюдать церковные обряды, тотъ имѣлъ всѣ нужныя требованія не только для священника, но даже и для архіерея; да если еще при этомъ онъ составилъ себѣ извѣстность строгою жизнію, а отъ природы награжденъ былъ окладистою бородою, то слылъ за отличное духовное лицо“ [1]). Въ такомъ же родѣ и отзывъ Перри: „Церковно-служители ихъ (которыхъ они называютъ попами, или протопопами, или священниками и архіереями) никогда не проповѣдуютъ народу, такъ какъ они не имѣютъ къ тому никакого искусства и дарованія. Только нѣкоторые изъ лучшихъ людей иногда, въ дни великихъ праздниковъ, въ соборныхъ церквахъ проповѣдуютъ въ присутствіи царя. Можно сказать, что верхъ учености, требуемой въ подобныхъ предметахъ отъ обыкновеннаго духовенства, или, по крайней мѣрѣ, то, что для нихъ необходимо, чтобы быть принятыми епископомъ въ священническій санъ, заключается въ слѣдующемъ: они должны пѣть и читать внятно,

[1]) Чт. въ общ. ист. и др. р. 1874. 2. IV. 14.

по порядку, установленному для церковной службы, не пользоваться дурною славою между сосѣдями, имѣть хорошій, чистый, голосъ и способность повторять „Господи помилуй“! со всевозможною быстротою 10 или 15 разъ сряду, не переводя духъ, какъ это дѣлается обыкновенно въ ихъ церквахъ и при каждой ихъ молитвѣ .. Священники ихъ не способны защищать свою религію и выдержать удовлетворительнаго пренія по этому предмету, и всякій разъ, когда случится въ разговорѣ съ ними коснуться до вопросовъ о Богѣ или нравственности, то они, какъ и міряне, преимущественно разсуждаютъ о молитвенномъ обращеніи къ святымъ и соблюденіи постовъ... также о наложенномъ на нихъ краткомъ покаяніи за прошлые грѣхи“ [1]), т. е. о тѣхъ же предметахъ обрядоваго благочестія, въ которыхъ народъ поставлялъ всю суть своихъ религіозныхъ обязанностей. Духовенство, такимъ образомъ, нисколько не возвышалось надъ простымъ народомъ складомъ своихъ религіозныхъ понятій и если чѣмъ отличалось отъ него, то только умѣньемъ читать и писать. По словамъ Вебера, изъ русскаго духовенства рѣдко можно было найти человѣка, который бы зналъ что нибудь болѣе кромѣ простаго чтенія послависки [2]).

Монастыри, нѣкогда питомники книжной мудрости и разсадники образованія на Руси, задолго еще до Петра утратили значеніе просвѣтительныхъ центровъ и стали наполняться людьми или вовсе необразованными, или съ очень скуднымъ образованіемъ. Если вѣрить Седербергу, то еще въ первой четверти 18 в. можно было встрѣтить даже между настоятелями монастырей такихъ, которые не знали самыхъ общеупотребительныхъ молитвъ „Отче нашъ“, „Вѣрую“ [3]). Безъ сомнѣнія, Седербергъ преувеличиваетъ невѣ

[1]) Стр. 138—9.
[2]) Р. Арх. 1872. стр. 1695.
[3]) Чт. въ общ. ист. и др. р. 1873 г. 2. IV. II.

жество нашихъ монаховъ, но что научное образованіе, даже въ самой элементарной его формѣ, какою въ то время было знаніе латини,—было чуждо нашимъ монахамъ, это подтверждаетъ и Берхгольцъ. Когда герцогъ голштинскій посѣтилъ Хутынскій монастырь, то тамъ не нашлось никого, кто зналъ бы латинскій языкъ и могъ занять высокаго гостя, и потому архіепископъ новгородскій (Ѳеодосій Яновскій) долженъ былъ прислать для пріема герцога одно знатное духовное лицо, хорошо говорившее полатини; „да и вообще,—замѣчаетъ Берхгольцъ—въ здѣшнихъ монастыряхъ такихъ (т. е. знающихъ латинскій языкъ) очень мало“ [1]),—такъ мало, что, по словамъ того же Берхгольца, изъ 500 монаховъ знаменитаго и богатѣйшаго Троицкаго монастыря ни одинъ не владѣлъ латинскимъ языкомъ. Располагая громадными матеріальными средствами, этотъ монастырь не имѣлъ даже порядочной библіотеки: вся она состояла только „изъ немногихъ старыхъ, запыленныхъ книгъ на славянскомъ языкѣ; но зато заключала въ себѣ очень полную коллекцію жалованныхъ грамотъ, которыми всѣ цари до Петра постоянно подтверждали льготы монастыря [2]).

Недостатокъ духовнаго просвѣщенія велъ за собою другое неизбѣжное зло: отсутствіе живой устной проповѣди, печально отражавшееся на религіозно-нравственномъ развитіи народа. Петръ Великій, искренно желавшій видѣть въ своемъ народѣ сознательную разумную религіозность, чуждую суевѣрій и мертвой обрядности, не могъ поэтому не обратить вниманія на низкій уровень умственнаго образованія духовенства и не могъ не заботиться о возвышеніи его. „Вслѣдъ за введеніемъ новаго образа духовнаго управленія—говоритъ Фоккеродтъ—Петръ I ни о чемъ не прилагалъ столько стараній, какъ о томъ, чтобы вывести свое духо-

---

[1]) Ч. III, 53.
[2]) Ч. II, 252. 257.

вепство изъ прежняго невѣжества“ [1]). Онъ рѣшительно потребовалъ отъ духовенства образованія. По свидѣтельству Перри и Вебера, онъ издалъ указъ, чтобы всѣ, принадлежащіе къ духовенству, непремѣнно учились латинскому языку и вообще наукамъ и пріобрѣтали въ нихъ познанія [2]). Въ 1711 г. предписано было архіереямъ никого не посвящать въ духовный санъ безъ предварительнаго испытанія въ знаніи наизустъ катихизиса [3]). Но было очевидно для самаго Петра, что указы и предписанія не сдѣлаютъ духовенство болѣе образованнымъ, если образовательныя средства будутъ находиться въ прежнемъ жалкомъ положеніи, если попрежнему не будетъ духовныхъ школъ. Необходимо было поэтому прежде всего позаботиться объ этихъ средствахъ, объ устройствѣ школъ. Главное препятствіе для этого заключалось въ недостаткѣ хорошихъ учителей и образованныхъ іерарховъ, которые съ любовію занялись бы школьнымъ дѣломъ. Петръ обратился за тѣми и другими въ Малороссію, гдѣ, вслѣдствіе извѣстныхъ историческихъ обстоятельствъ, наука получила важное значеніе и практическое примѣненіе, какъ могущественное орудіе въ борьбѣ за православіе съ католичествомъ, стремившимся подчинить себѣ юго-западную церковь, и гдѣ находилось единственное въ то время въ Россіи правильно и прочно устроенное училище—Кіевская Академія. Фоккеродтъ,—какъ видно изъ его сочиненія,—проникнутый крайнимъ предубѣжденіемъ и враждою противъ папства и католичества вообще, и католической науки въ частности,—не совсѣмъ-то благосклонно отзывается объ учености малороссовъ, образованныхъ на польско-католическій ладъ. Говоря о всеобщемъ невѣжествѣ великорусскаго духовенства, онъ замѣчаетъ: „между украинскимъ духовенствомъ кое-гдѣ встрѣчались еще нѣкоторые, имѣвшіе

---

[1]) Чт. въ общ. ист. и др. р. 1874 г. 2. IV. 14.
[2]) Перри 143. Веберъ, P. Арх. 1872 г. стр. 1695.
[3]) Седербергъ. Чт. въ общ. ист. и др. р. 1873. 2. IV. 38.

наружность учености. Потому что въ то время, какъ поляки завладѣли этою областію, жители ея завели въ разныхъ монастыряхъ латинскія училища, а въ Кіевѣ и Черниговѣ—академіи [1]), „гдѣ учили богословію и философіи, впрочемъ только на польскій ладъ. Но какъ мелко плавали въ наукахъ эти господа, можно заключить изъ слѣдующаго сужденія, которымъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ моемъ присутствіи возразилъ какому-то русскому князю игуменъ одного изъ знатнѣйшихъ монастырей въ Украйнѣ относительно грѣховности куренія табаку. По случаю проступковъ нѣкоторыхъ монаховъ упомянутаго монастыря, князь утверждалъ, что лучше бы разрѣшили монахамъ курить табакъ: это служило бы для нихъ развлеченіемъ и не туманило головы, нежели разрѣшать пиво, водку и другіе крѣпкіе напитки, которые доводятъ ихъ до разныхъ пороковъ и соблазновъ. Игуменъ отвѣчалъ, что это было бы очень хорошо, если бы только куреніе табаку положительно не запрещалось Словомъ Божіимъ, такъ какъ въ Библіи сказано, что входящее въ уста не оскверняетъ человѣка, а выходящее устами оскверняетъ его. Но вѣдь крѣпкіе напитки входятъ въ ротъ, а табачный дымъ выходитъ".

„Со всѣмъ тѣмъ—продолжаетъ Фоккеродтъ—эти украинскіе духовные были одни только, которыми могъ пользоваться Петръ I для распространенія большей учености въ своемъ духовенствѣ. А если бы захотѣлъ онъ употребить для того приверженцевъ иноземной вѣры, то далъ бы только еще новую пищу подозрѣнію, какое и безъ того уже имѣли на него ревнители старинаго православія и возбудилъ бы, можетъ быть, опасныя волненія въ народѣ, но все же не достигъ бы тѣмъ своей послѣдней цѣли. Итакъ при

---

[1]) Въ Черниговѣ никогда не было никакой академіи. Съ 1689 г. здѣсь существовала простая школа, устроенная Лазаремъ Барановичемъ. Въ 1700 г. она была преобразована архіеп. Іоанномъ Максимовичемъ и получила названіе коллегіума („Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 г." Знаменскаго. Правосл. Собесѣдн. 1878 г. Октябрь. стр. 20).

назначенія намѣстникомъ патріаршества Стефана Яворскаго, онъ поручилъ ему между прочимъ заводить училища, гдѣ бы могли учиться необходимымъ наукамъ люди, посвящавшіе себя духовному званію. А чтобы ихъ еще больше поощрить къ тому, учредилъ капиталъ, изъ котораго каждому учащемуся должно было выдавать отъ 3 до 4 коп. ежедневно, соразмѣрно его успѣхамъ".

„Яворскій и учредилъ немедленно богословскую и философскую академіи въ Спасскомъ монастырѣ въ Москвѣ [1]), ввѣрилъ управленіе игумену того монастыря, Лопатинскому, человѣку хотя и не безъ способностей, но тайному паписту, и выписалъ изъ Украйны нѣкоторыхъ монаховъ, которые должны были обучать въ академіи въ качествѣ профессоровъ. Но какъ эти люди сами не знали ничего больше, кромѣ того, чему насмотрѣлись и понабрались у іезуитовъ въ Польшѣ, то изъ всего этого дѣла и не вышло ничего лучшаго, кромѣ іезуитскаго училища. Богословскіе и философскіе курсы, читанные профессорами, слово въ слово были списаны у римскихъ докторовъ и напичканы ссылками на Вѣскеца, Суареца, Эскабара, Санхеца, Овіедо и др. такихъ же темныхъ схоластиковъ, изъ которыхъ ученики ихъ такъ мало могли получить зрѣлой учености, что Петръ I въ большой толпѣ обучавшихся въ этой академіи не нашелъ ни одного, кого бы можно было возвести въ духовный санъ" [2]). Мы замѣтили уже, что Фоккеродтъ не благоволитъ къ малорусскимъ ученымъ и потому въ только что приведенномъ его отзывѣ нельзя видѣть вполнѣ вѣрной и безпристрастной оцѣнки дѣятельности Стефана Яворскаго и кіевскихъ ученыхъ на пользу духовнаго просвѣщенія въ московской академіи. Онъ умышленно умаляетъ значеніе и результаты ихъ дѣятельности. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, москов-

[1]) Московская академія учреждена была еще въ 1682 г. Въ 1685 г., по пріѣздѣ братьевъ Лихудовъ, открылось въ ней обученіе. Стефанъ Яворскій только преобразовалъ ее по образцу Кіевской Академіи (Ibid. стр. 5—6).

[2]) Чт. въ общ. ист. и др. р. 1874. 2. IV. 14—16.

ская академія, подъ руководствомъ кіевскихъ ученыхъ, образовала не мало полезныхъ дѣятелей, съ честью подвизавшихся на поприщѣ какъ духовной, такъ особенно гражданской службы, для которой брались изъ академіи лучшіе воспитанники [1]).—Съ большимъ безпристрастіемъ отзывается о состояніи московской академіи и ея преподавателяхъ Веберъ. По словамъ его, въ академіи училось отъ 300—400 учениковъ изъ поляковъ (?), украинцевъ и русскихъ. Преподавателями были ученые монахи, получившіе образованіе въ Польшѣ, Украйнѣ и Пруссіи,—„люди острые и разумные". Кругъ предметовъ, преподававшихся воспитанникамъ въ нѣсколькихъ классахъ, Веберъ обозначаетъ словомъ humaniora [2]).

Но Фокке родтъ совершенно правъ, когда говоритъ, что кіевскіе ученые перенесли съ собою въ московскую академію и процвѣтавшую въ Кіевѣ схоластику. Благодаря имъ, отсюда вытѣснено было еллино-славянское направленіе, данное академіи при первоначальномъ ея учрежденіи, и упрочено надолго господство латинской схоластической науки. Вмѣстѣ съ наукой перешли въ московскую академію изъ Кіевской и школьные порядки: завелись диспуты; для развлеченія учащихся устраивались спектакли, на которыхъ ученики разыгрывали различныя латинскія пьесы. У Берхгольца мы находимъ описаніе диспута въ Академіи, происходившаго 26 мая 1724 г. и устроеннаго въ честь коронованія императрицы Екатерины I. Императоръ не присутствовалъ на диспутѣ, такъ какъ узналъ, что спорить будутъ на латинскомъ языкѣ; но герцогъ Голштинскій принялъ приглашеніе и явился въ училище съ большею частію своей свиты. „Мы были приняты—разсказываетъ Берхгольцъ—ректоромъ отцомъ Гедеономъ [3]), всѣми архіепископами, епископами и

[1]) Чистовичъ. „Θеоф. Прокоп. и его время" стр. 31.

[2]) Р. Арх. 1872 г. 1361.

[3]) Гедеонъ Вишневскій былъ ректоромъ Московской Академіи съ 1722—1727 г. (Истор. Москов. Акад. Смирнова. 196 стр.).

многими архимандритами, и проведены въ аудиторію, которая хотя и находилась въ старомъ зданіи, однакожъ внутри была довольно хороша и украшалась обоями и живописью. Надъ каѳедрою висѣлъ потретъ императрицы, убранный множествомъ лентъ. Пріѣздъ нашъ привѣтствованъ былъ звуками трубъ и литавръ, и когда всѣ присутствовавшіе сѣли по своимъ мѣстамъ, респондентъ, монахъ и профессоръ богословія, началъ говорить рѣчь на русскомъ языкѣ, по окончаніи которой, позади каѳедры, заиграла довольно хорошая музыка. Затѣмъ, когда она умолкла, выступили два педеля и стали приглашать обоихъ оппонентовъ, именно нашего придворнаго проповѣдника и одного монаха капуцина, начать диспутъ, или, лучше сказать, возраженіе. Начался диспутъ. Нашъ придворный проповѣдникъ опровергалъ ученіе объ исхожденіи Св. Духа только отъ отца, извѣстный догматъ греческой церкви. Ректоръ, отецъ Гедеонъ, президентъ диспута, не стоялъ на каѳедрѣ, а сидѣлъ подлѣ нея на стулѣ. По окончаніи диспута, внизу, у ректора, его королевское высочество угощали виномъ и сластями, и онъ пробылъ еще два часа въ обществѣ духовенства“ [1]).

Совсѣмъ иное направленіе, по мнѣнію Фоккеродта, хотѣлъ дать духовному просвѣщенію Ѳеофанъ Прокоповичъ, котораго Петръ, недовольный Яворскимъ за неуступчивость его въ церковныхъ дѣлахъ, приблизилъ къ себѣ и которому поручилъ между прочимъ и улучшеніе учебной части въ Россіи. „Этотъ разсудительный человѣкъ — говоритъ Фоккеродтъ — взялся за дѣло совсѣмъ съ другаго конца, полагая, что прежде, чѣмъ думать объ учрежденіи высшихъ училищъ, сначала надобно достать хорошихъ учителей. Въ этихъ видахъ онъ отправилъ въ нѣмецкія академіи нѣсколько русскихъ, положившихъ уже научныя основанія въ его домашнемъ училищѣ и посвящавшихъ себя духовному званію, для упражненія въ тамошнемъ способѣ

[1]) Берхг. ч. IV. 62—3. 64.

ученія и въ наукахъ, чтобы послѣ того въ высшихъ училищахъ, которыя будутъ учреждены въ Россіи, они могли сообщить своимъ слушателямъ что нибудь поважнѣе польской схоластической болтовни. Между тѣмъ, для подготовки имъ способныхъ учениковъ къ ихъ возвращенію, онъ завелъ въ своемъ домѣ, а также и кое-гдѣ въ монастыряхъ Новгородской епархіи, низшія училища, гдѣ множество молодыхъ людей обучались языкамъ, началамъ философіи и другимъ полезнымъ наукамъ, и не усумнился пользоваться для того протестантскими студентами въ качествѣ учителей. Но смерть Петра I подорвала его доброе предпріятіе: старое русское полупапистское духовенство, которому впослѣдствіи, а особливо во время Петра II, давали большую потачку, мѣшало ему всѣми силами. Молодые люди, посланные имъ въ Германію, либо совсѣмъ не вернулись назадъ, либо не принесли тѣхъ способностей, какихъ онъ ожидалъ отъ нихъ, такъ что онъ никогда не могъ достичь своей главной цѣли. Со всѣмъ тѣмъ его училища имѣли ту пользу, что доставили учрежденной потомъ академіи наукъ разныхъ способныхъ лицъ, но и эти лица, подвинувшись нѣсколько далѣе въ ученіи, не захотѣли посвящать себя духовному званію, а искали себѣ счастія въ гражданскихъ должностяхъ“ [1]).

Кромѣ Яворскаго и Прокоповича, къ заботамъ о распространеніи образованія между духовенствомъ призваны были и всѣ епархіальные архіереи, которыхъ духовный регламентъ обязалъ заводить училища при своихъ каѳедрахъ. Монастыри должны были дать на содержаніе ихъ двадцатую долю своихъ хлѣбныхъ доходовъ [2]).

Послѣ смерти Петра Великаго, при ближайшихъ его преемникахъ, мало заботившихся вообще о поддержаніи

---

[1]) Чт. въ общ. ист. и др. р. 1874 г. 2. IV. 16.

[2]) Чистов. „Ѳеоф. Прокоп. и его время“. „Молотокъ на Камень Вѣры“ стр. 397.

учрежденій его [1]), попеченіе правительства о распространеніи образованія среди духовенства, о заведеніи новыхъ школъ, ослабѣло. Но получивши разъ сильный толчокъ, школьное образованіе, хотя медленно, продолжало развиваться и распространяться среди духовенства: открывались новыя школы; расширялся курсъ ученія; число учащихся въ школахъ, получившихъ названіе семинарій, постепенно возрастало. Во второй половинѣ 18 в. нѣкоторыя семинаріи были уже довольно многолюдны. Такъ въ Тверской семинаріи, по свидѣтельству Кокса, въ 1778 г. было около 600 воспитанниковъ [2]); въ семинаріи при Троицкой лаврѣ обучалось, по словамъ того же современника. 200 воспитанниковъ [3]).—Но при несомнѣнныхъ успѣхахъ школьнаго образованія, особенно во второй половинѣ 18 в., оно все таки было достояніемъ лишь весьма незначительной части духовенства сравнительно съ общею массою его; большинство все еще оставалось при прежнемъ домашнемъ элементарномъ образованіи, не заходившемъ далѣе умѣнья читать и писать. Коксъ говоритъ, что умственный уровень приходскаго духовенства въ Россіи показался ему крайне неудовлетворительнымъ. Многіе приходскіе священники буквально не въ состояніи были читать евангеліе; они служили и говорили проповѣди на память,—такъ что изъ этого уже можно видѣть, какъ велика могла быть польза, приносимая ими прихожанамъ. „Такое невѣжество однако не должно удивлять насъ,—замѣчаетъ онъ въ оправданіе духовенства,—если мы примемъ въ соображеніе крайне скудное содержаніе, получаемое бѣлымъ духовенствомъ въ Россіи". Впрочемъ, признавая невѣжество отличительною чертою русской церковной іерархіи, онъ исключаетъ нѣсколькихъ духовныхъ лицъ высшаго іерархическаго порядка, съ ко-

---

[1]) „Шгардя". 23—4.
[2]) Русск. Старина 1877 г. II, 23.
[3]) Ibid. I, 324.

торыми ему приходилось сталкиваться случайно, и признаетъ ихъ людьми вполнѣ просвѣщенными и развитыми [1]). Такой же отзывъ даетъ о русскомъ духовенствѣ и аббатъ Шаппъ. Онъ признаетъ невѣжество, наряду съ пьянствомъ, общею принадлежностію духовенства и дѣлаетъ, подобно Коксу, исключеніе въ пользу лишь немногихъ образованныхъ лицъ [2]).

Такимъ образомъ отзывы иностранцевъ какъ первой, такъ и второй половины 18 в. одинаково говорятъ о малообразованности нашего духовенства, недостаточномъ распространеніи въ массѣ его школьнаго образованія. Это послѣднее сосредоточивалось по преимуществу въ городскомъ духовенствѣ и вообще въ высшихъ слояхъ церковной іерархіи. И дѣйствительно 18 в. представляетъ не мало замѣчательныхъ личностей изъ высшаго духовенства, служившихъ украшеніемъ русской іерархіи и обращавшихъ на себя вниманіе своихъ современниковъ какъ соотечественниковъ, такъ и иностранцевъ, или блестящимъ проповѣдническимъ талантомъ, или глубокою ученостію, или благотворною дѣятельностію на пользу Церкви и отечества. Мы приведемъ отзывы иностранныхъ писателей о нѣкоторыхъ изъ нихъ и тѣмъ закончимъ свой трудъ.

Въ царствованіе Петра Великаго наиболѣе выдающимися лицами изъ духовенства и по іерархическому положенію, и по личнымъ качествамъ, и по широкому участію въ дѣлахъ церковныхъ, были: Стефанъ Яворскій, Ѳеодосій Яновскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ.

Стефанъ Яворскій, независимо отъ своего высокаго положенія въ качествѣ мѣстоблюстителя патріаршаго престола, а потомъ президента Св. Синода, былъ извѣстенъ современникамъ своимъ замѣчательнымъ проповѣдническимъ талантомъ, котораго не смѣли отрицать въ немъ даже люди,

---

[1]) Ibid. II, 46—7.

[2]) Антидотъ. XVIII в. Бартенева т. 4. 331. 333—4.

не сочувствовавшіе ему. Такъ Фоккеродтъ, не смотря на свое нерасположеніе къ Стефану Яворскому, въ которомъ онъ видѣлъ ревностнаго поборника принципа церковной автономіи и тайнаго паписта, не отрицаетъ однако-же, что онъ „имѣлъ свободный даръ слова“ и способенъ былъ писать проповѣди. Лютеранскій авторъ полемическаго сочиненія противъ Стефана, или, вѣрнѣе, желчнаго пасквиля на него, извѣстнаго подъ названіемъ „Молотокъ на Камень Вѣры“, при всемъ желаніи очернить Стефана отдаетъ однако-же ему полную справедливость въ дарѣ составленія и сказыванія проповѣдей. „Что до витійства касается,— говоритъ этотъ авторъ,—правда, что имѣлъ удивительный даръ и едва подобные ему во учителяхъ россійскихъ обрѣстися могли; ибо мнѣ довольно случалось видѣть въ церкви, что онъ могъ во ученіи слышателей привести плакать или смѣяться, къ которому движеніе его тѣла и рукъ помаваніе, очей и лица премѣненіе весьма помоществовало, которое ему природа дала“ [1]). — Памятникомъ богословскаго образованія Стефана Яворскаго и его заботливости о чистотѣ и цѣлости православія, которому грозила опасность отъ наплыва протестантскихъ идей, служитъ сочиненіе „Камень вѣры“, написанное въ обличеніе неправовѣрія протестантовъ. Сочиненіе это вызвало противъ себя со стороны протестантовъ много опроверженій, къ числу которыхъ принадлежитъ и „Молотокъ“, и было причиною жаркой полемики между протестантами и католиками; послѣдніе приняли „Камень вѣры“ подъ свое покровительство и писали въ защиту его противъ нападокъ протестантовъ.

Еще при жизни Стефана Яворскаго преобладающее вліяніе на дѣла церковныя получилъ Ѳеодосій Яновскій, архіепископъ Новгородскій и первый вице-президентъ Синода. Берхгольцъ не разъ упоминаетъ о немъ, какъ о первомъ духовномъ лицѣ въ Россіи, пользовавшемся боль-

[1]) Чистов. „Ѳеофанъ Прокоп. и его время“ 390.

шимъ довѣріемъ у государя, и замѣчаетъ, что онъ считался умнѣйшимъ лицомъ изъ духовенства, „хотя онъ и не очень ученъ“, прибавляетъ отъ себя Берхгольцъ [1]). Дѣйствительно Ѳеодосій не выдавался особенною ученостію и въ этомъ отношеніи стоялъ далеко ниже своихъ соперниковъ по власти Стефана Яворскаго и Ѳеофана Прокоповича. Если вѣрить Берхгольцу, то онъ не умѣлъ даже полатини [2]). Но Петръ любилъ его и удостоивалъ довѣрія не за ученость, а за свѣтлый, живой взглядъ на вещи, независимость въ сужденіяхъ о предметахъ, касавшихся Церкви и духовенства, за сочувствіе своимъ реформамъ и точное исполненіе своей воли. Бассевичъ ставитъ ему въ особенную заслугу то, что онъ „много содѣйствовалъ къ отклоненію народа отъ суевѣрнаго поклоненія образамъ и святымъ“ [3]).

Но первое мѣсто въ ряду духовныхъ дѣятелей эпохи реформъ безспорно принадлежитъ Ѳеофану Прокоповичу. Своимъ блестящимъ умомъ, многосторонніею и глубокою ученостію и, наконецъ, искреннею преданностію дѣлу реформы, которому онъ не измѣнилъ и послѣ смерти преобразователя, въ эпоху реакціи, почти одинъ вынося на своихъ плечахъ всю тяжесть реформы, — всѣмъ этимъ онъ далеко превосходилъ своихъ современниковъ. Фоккеродтъ, какъ мы видѣли, не находитъ словъ для восхваленія его умственныхъ и нравственныхъ качествъ и приписываетъ ему даже такія добродѣтели, которыми, къ сожалѣнію, не обладалъ этотъ замѣчательный человѣкъ. Иностранный біографъ Ѳеофана говоритъ, что всѣ иностранцы, упоминавшіе о немъ въ своихъ сочиненіяхъ, отозвались о немъ съ похвалою.

---

[1]) Днев. Берхг. II, 13; III, 53 и др.

[2]) Ibid. II, 144. Г. Чистовичъ находитъ это показаніе Берхгольца невѣрнымъ. „На представленномъ государю отъ Синода проектѣ письма къ восточнымъ патріархамъ объ установленіи Синода, Ѳеодосій сдѣлалъ приписку: „Сочинено Преосв. Ѳеофаномъ Псковскимъ на латинскомъ языкѣ, на которомъ и красоту лучшую имѣетъ“ („Ѳеофанъ Прокоп. и его время“ Чистовича. стр. 77—8. примѣч.).

[3]) Р. Арх. 1865 г. 608 стр.

Онъ пользовался большою извѣстностію между европейскими учеными, особенно германскими и англійскими, и со многими изъ нихъ велъ переписку [1]). Датскій путешественникъ фонъ-Гавенъ, видѣвшій Ѳеофана Прокоповича въ послѣдній годъ его жизни (1736 г.), отзывается о немъ съ величайшею похвалою и въ нѣсколькихъ замѣткахъ кратко, но довольно полно обрисовываетъ его личность, дѣятельность и послѣдніе дни жизни. „Я познакомился—пишетъ Фонъ-Гавенъ—съ епископомъ Новгородскимъ. Онъ былъ споспѣшествователемъ предпринятыхъ Петромъ преобразованій въ духовенствѣ. Послѣ кончины императрицы Екатерины I, составилъ онъ предположеніе, какъ наставлять въ Законѣ Божіемъ Петра II, и хотя оно написано и напечатано только на одномъ листѣ, однако по основательности содержанія дѣлаетъ величайшую честь составителю его [2]). Въ юности Ѳеофанъ перебывалъ во многихъ странахъ Европы и Азіи. По знаніямъ своимъ, у него мало, или почти никого нѣтъ равныхъ, особенно между русскими духовными. Кромѣ исторіи, богословія и философіи у него глубокія свѣденія въ математикѣ и неописанная охота къ этой наукѣ. Онъ знаетъ разные европейскіе языки, изъ которыхъ на двухъ говоритъ, хотя въ Россіи не хочетъ никакого употреблять, кромѣ русскаго, и только въ крайнихъ случаяхъ объясняется на латинскомъ, въ которомъ не уступитъ любому академику. Погречески и еврейски онъ также понимаетъ хорошо и въ самой глубокой старости прилежитъ къ нимъ, оказывая особенное предпочтеніе тѣмъ, кто знакомъ съ этими языками. Много разныхъ полезныхъ книгъ издано порусски при его содѣйствіи и поощреніи, какъ, напр., Арндта „Объ истинномъ христіанствѣ“ и др. Кромѣ того очень надѣялись въ одно время, что

---

[1]) Чист. „Ѳеоф. Прокоп. и его время“ 626—7.

[2]) Бассевичъ говоритъ, что планъ преподаванія богословія в. князю, составленный архіеп. Ѳеофаномъ, по повелѣнію императрицы, заслуживаетъ удивленія и можетъ быть образцомъ во всякой религіи (Р. Арх. 1865, 620—1).

при помощи Θеофана будетъ издана вся Библія на русскомъ и славянскомъ языкахъ и съ примѣчаніями. Θеофанъ былъ особенно вѣжливъ и услужливъ со всѣми иностранными литераторами и вообще иноземцами. Его ежегодный доходъ составляетъ значительныя суммы и такъ какъ онъ одинъ, не имѣетъ вовсе друзей, а родителей (незнатнаго происхожденія изъ Смоленска) лишился въ ранней юности, то думаютъ, что у него должно быть огромное состояніе. Впрочемъ въ дѣйствительности оно не такъ велико: кромѣ щедрости [1]), у него сильная страсть къ постройкамъ, которая хотя опустошаетъ его казну, за то очень кстати въ Петербургѣ, гдѣ такъ много незастроенныхъ мѣстъ. Этотъ превосходный человѣкъ умеръ послѣ кратковременнаго страданія отъ колотья 1-го августа 1736 г. [2]), завѣщавъ свое имѣніе на богоугодныя дѣла и въ высшей степени полезныя учрежденія. Еще за нѣсколько дней предъ смертію онъ, показывая одному лицу проэктъ чертежа дома, который предполагалъ строить, просилъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія и замѣчанія. Однако, какъ это, такъ и множество другихъ въ высшей степени полезныхъ дѣлъ должны, къ величайшему сожалѣнію почти всѣхъ здравомыслящихъ людей, прекратиться со смертію Θеофана" [3]).

---

[1]) Иностранный біографъ Θеофана говоритъ о немъ, что онъ „охотно принималъ у себя иностранцевъ православнаго исповѣданія — грековъ, славянъ, венгровъ, волаковъ, грузиновъ, — странниковъ съ Ливана и Аѳона, — несчастныхъ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, безъ собственной ихъ вины потерявшихъ имущество и нуждавшихся въ помощи, — художниковъ и студентовъ, ищущихъ пособія, которыхъ рекомендовалъ знатнымъ русскимъ, испрашивая помощи, и которымъ самъ помогалъ щедрой рукой и отпускалъ, снабдивши всѣмъ необходимымъ для жизни. Нуждающимся, которымъ грозило за долги тюремное заключеніе, давалъ взаймы деньги, и если тѣ не могли уплатить ихъ, прощалъ долгъ безъ ропота. Въ урочные дни раздавалъ милостыню бѣднымъ обоего пола. Огромныя средства, которыми онъ располагалъ, давали полный просторъ его щедрости"... (Чистовича „Θеоф. Прокоп. и его время" 625 стр.).

[2]) Θеофанъ скончался 8 сентября въ 4 часа 24 минуты пополудни, на 55 г. жизни (Чистов. „Θеоф. Прокоп. и его время" 646).

[3]) Чистов. „Θеофанъ Прокоп. и его время" 627—8. „Наука и литература при Петрѣ I". Пекарскаго т. 1, 488—9.

Реформа Петра выдвинула и создала много и другихъ образованныхъ людей въ духовенствѣ. Берхгольцъ, кромѣ Яновскаго и Прокоповича, называетъ ученымъ и очень образованнымъ человѣкомъ еще Θеофила Кролика; онъ говорилъ на многихъ иностранныхъ языкахъ и, между прочимъ, довольно свободно объяснялся понѣмецки [1]). Грекъ Фандербекъ съ большимъ уваженіемъ отзывается объ умѣ и нравственномъ характерѣ Θеофилакта Лопатинскаго. „Ученый кругъ—пишетъ онъ—уважаетъ Θеофилакта Лопатинскаго, епископа Тверскаго. Этотъ человѣкъ самаго многосторонняго образованія, знатокъ греческой литературы, которою занимался съ усердіемъ и большимъ успѣхомъ... а его непоколебимая честность во всѣхъ обстоятельствахъ жизни напоминаетъ собою золотой вѣкъ. Однимъ словомъ, если бы можно было изобразить добродѣтель, то онъ былъ бы ея портретомъ“ [2]).

Тотъ же писатель разсыпается въ похвалахъ Аѳанасію Кондоиди, впрочемъ, кажется, больше по чувству единоплеменности, чѣмъ по заслугамъ. „Не могу умолчать о красѣ нашей Греціи, знаменитѣйшемъ Аѳанасіѣ Кондоиди, мужѣ глубоко-ученомъ, которому мало найдется соперниковъ — эллинистовъ“. Получивши образованіе въ Италіи, Аѳанасій Кондоиди, по словамъ Фандербека, занимался въ своемъ отечествѣ преподаваніемъ и проповѣдничествомъ, и съ такимъ успѣхомъ, что „еще бывши юношею, наполнилъ славою своею всю Грецію“. Молдавскій господарь Кантемиръ поручилъ ему воспитаніе своихъ дѣтей. Отсюда онъ былъ вызванъ профессоромъ въ московскую греко-латино-славянскую академію. Петръ перевелъ его въ Петербургъ и сдѣлалъ членомъ св. Синода. „Сочиненія историко-церковныя и философско-богословскія, которыя онъ написалъ по порученію двора и въ которыхъ открывается вся его ученость, можетъ быть, скоро выйдутъ въ свѣтъ и непремѣнно

---

[1]) Ч. IV, 113.

[2]) Чистов. „Θеоф. Прокоп. и его время“ 671 стр.

еще болѣе увеличатъ его славу“ [1]).—„Что это за сочиненія Кондоиди? — спрашиваетъ преосвященный Филаретъ въ обзорѣ русской духовной литературы. Если не разумѣются только занятія исправленіемъ Библіи и слово (въ честь апостола Андрея Первозваннаго), то не знаемъ, о чемъ говоритъ Фандербекъ“ [2]).

Фандербекъ отдаетъ также справедливость учености и образованію Гавріила Бужинскаго, который, по порученію Петра, перевелъ много сочиненій съ иностранныхъ языковъ на русскій. Перечисливши русскихъ ученыхъ духовнаго круга, Фандербекъ говоритъ: „можно бы было сказать здѣсь еще объ архимандритѣ Троицкой лавры Гавріилѣ, извѣстномъ по переводу Пуффендорфа на русскій языкъ, если бы я только не былъ увѣренъ, что вы объ его учености знаете изъ актовъ Лейпцигскихъ ученыхъ“ [3]).

Въ царствованіе Елизаветы Петровны видным лицемъ изъ духовенства, по своему образованію, былъ законоучитель наслѣдника престола, Петра Ѳеодоровича, Симонъ Тодорскій, замѣчательный для своего времени филологъ-оріенталистъ, пользовавшійся европейскою извѣстностію. По пріѣздѣ въ Россію принцессы Цербстской, впослѣдствіи Екатерины II, Симонъ Тодорскій былъ назначенъ къ ней въ качествѣ законоучителя, для приготовленія къ принятію православія. Вотъ какъ отзывается о немъ мать Екатерины, княгиня Іоанна-Елизавета, въ письмѣ къ мужу: „Его преподобіе, о. Ѳеодосій (княгиня ошибается въ имени), архимандритъ и духовникъ его императорскаго высочества великаго князя, а нынѣ и великой княжны, быть можетъ наиболѣе достойный и уважаемый монахъ изъ всего его духовенства, получилъ приказаніе ея императорскаго величества объяснить греческіе догматы (принцессѣ Цербстской).

---

[1]) Ibid. стр. 96. примѣч. 2.

[2]) „Обзоръ русской духовной лит.“ кн. 2. стр. 27.

[3]) Ѳеоф. Прок. и его время“ Чистовича 90 примѣч.

Для этого онъ приходилъ бесѣдовать съ нашею дочерью два часа въ день. Онъ знаетъ основательно три вѣроисповѣданія, такъ какъ долго слушалъ лекціи въ Галле. Преимущественно онъ прилежалъ къ лютеранскому; знаетъ наши опасенія противъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ обрядовъ его вѣроисповѣданія и очень свѣдущъ въ исторіи своей церкви и въ началахъ, на которыхъ она основана“ [1]).— Послѣ бракосочетанія великаго князя съ Екатериною Алексѣевною, Симонъ Тодорскій, посвященный въ епископа за нѣсколько дней предъ тѣмъ, произнесъ „прекрасную рѣчь, въ которой онъ много распространялся о чудесахъ Провидѣнія въ тѣхъ лицахъ, кого предназначаетъ Оно отцами своихъ народовъ. Онъ видѣлъ перстъ Провидѣнія въ рожденіи этихъ двухъ отраслей домовъ ангальтскаго и голштинскаго, которыя превознесъ исторически, при чемъ не забылъ ничего, что могло украсить и распространить цвѣтистую рѣчь“ [2]).

Въ ряду образованныхъ духовныхъ лицъ Екатерининскаго вѣка, такъ богатаго знаменитостями всякаго рода, между которыми звѣзду первой величины представляетъ сама императрица-философка, далеко не послѣднее мѣсто принадлежитъ епископу Дамаскину Семенову-Рудневу.—Въ 1776 г., по распоряженію Екатерины, было послано нѣсколько молодыхъ духовныхъ воспитанниковъ въ Геттингенскій университетъ для образованія; инспекторомъ при нихъ отправился по собственному желанію Семеновъ-Рудневъ. Послѣ шестилѣтнихъ усердныхъ занятій науками въ университетѣ онъ возвратился въ Россію съ самыми лестными отзывами профессоровъ, у которыхъ слушалъ лекціи. Такъ профессоръ исторіи Гаттереръ въ своемъ отзывѣ свидѣтельствовалъ объ учености Руднева, его историческихъ познаніяхъ и праводушіи. „По справедливости сказать—замѣчаетъ Гаттереръ,—г. Семеновъ не

---

[1]) Сборн. р. ист. общ. т. 7. стр. 29.

[2]) Ibid. стр. 54.

имѣлъ бы нужды ни въ какомъ аттестатѣ. Его ученость, его хорошій характеръ, его добрые нравы, служатъ ему больше, нежели всѣ посторонніе аттестаты. Всегда смотрѣлъ я съ сердечнымъ увлеченіемъ на его прилежность къ предлагаемой мною универсальной исторіи и дипломатикѣ. Такъ же и когда онъ меня особливо посѣщалъ, что мнѣ всегда весьма пріятно было, и чрезъ цѣлый полгодъ, какъ онъ въ моемъ домѣ жилъ, спозналъ я еще лучше его праводушное сердце и чрезвычайную ревность къ отчасу большему распространенію своего къ намъ съ собою уже изъ С.-Петербурга привезеннаго знанія. Во время частаго съ нимъ обхожденія имѣлъ я случай и самъ отъ него успѣть во многомъ, а наипаче въ знаніи россійскаго языка, въ которомъ я подъ его предводительствомъ нѣсколько времени упражнялся. Наконецъ искусствомъ его въ исторіи и королевскій историческій институтъ возбужденъ принять его въ число своихъ корреспондентовъ". Подобно Гаттереру и Михаэлисъ, у котораго Рудневъ слушалъ еврейскую грамматику, начала арабскаго языка, объясненіе книгъ Св. Писанія еврейскихъ и греческихъ, заявилъ, что Семеновъ-Рудневъ не только усердно посѣщалъ его лекціи, но работалъ и самостоятельно и много содѣйствовалъ критическому объясненію свящ. книгъ библейскихъ посредствомъ сравненія греческаго текста съ русскимъ переводомъ. „Не хочу я—говоритъ Михаэлисъ—безъ почтенія достойнаго напомянутія пропустить, что когда я переводъ Притчей греческій толковалъ, то Димитрій Семеновъ, снося русской библіи переводъ, который съ седмидесяти толковниковъ сдѣланъ, съ помянутымъ греческимъ переводомъ, въ тожъ самое время многія, знанія достойныя и къ критическому перевода седмидесяти толковниковъ свѣденію надлежащія, наблюденія съ похвальнымъ остроуміемъ и прилежаніемъ чинилъ" [1]).—Памятниками учено-литературной дѣятельности Руднева служатъ:

[1]) Исторія россійской академіи. Сухомлинова 144—146.

поученія, произнесенныя въ разное время, изданіе произведеній отечественныхъ писателей (Ломоносова, Ѳеофана Прокоповича и митрополита Платона) и обширный библіографическій трудъ по русской литературѣ („Библіотека россійская, по годамъ расположенная, отъ начала типографіи въ Россіи по нынѣшнія времена“).

Но блестящимъ украшеніемъ царствованія Екатерины и свѣтилами тогдашняго духовнаго міра были: Гавріилъ и Платонъ, митрополиты Петербургскій и Московскій. „Платонъ и Гавріилъ, архіепископъ Московскій и Петербургскій— отзывается Массонъ—люди, заслуживающіе уваженія своимъ характеромъ и образомъ дѣйствій, особенно же заботами о преобразованіи нравовъ между своими собратами“ [1]). „Во все время моего пребыванія въ Петербургѣ—пишетъ одна иностранка—мнѣ часто приходилось слышать о высокихъ достоинствахъ тогдашняго петербургскаго митрополита (Гавріила Петрова); однажды многіе изъ моихъ знакомыхъ собрались посѣтить митрополита и предложили мнѣ присоединиться къ нимъ, на что я поспѣшила согласиться, хотя и съ робостію. Во всю жизнь не приходилось мнѣ встрѣчаться съ человѣкомъ, коего видъ былъ бы столь внушителенъ. Митрополитъ былъ роста высокаго и величественнаго; его прекрасное лице съ удивительно правильными чертами отличалось непередаваемымъ выраженіемъ кротости и въ то же время достоинства, а длинная борода, которая спускалась на грудь, придавала еще болѣе почтенный видъ этой превосходной головѣ. Одежда его была проста и благородна.. , а походка, манеры, взглядъ, однимъ словомъ вся его наружность внушала къ нему уваженіе. Митрополитъ былъ личностію замѣчательною. Онъ былъ очень умный и притомъ весьма просвѣщенный человѣкъ, говорилъ на многихъ языкахъ и прекрасными качествами и добротой своей снискалъ уваженіе и любовь къ себѣ всѣхъ приближенныхъ. Но важность его сана не мѣшала ему быть при-

[1]) Ibid. стр. 386 примѣч. 107.

вѣтливымъ и ласковымъ съ людьми высшаго круга“ [1]). Французскій біографъ Гавріила говоритъ о немъ: „Гавріилъ, архіепископъ и митрополитъ Петербургскій, былъ однимъ изъ наиболѣе краснорѣчивыхъ и образованныхъ епископовъ русской церкви. Онъ зналъ не только греческій и латинскій языки, но говорилъ съ легкостію на нѣсколькихъ европейскихъ языкахъ. Отличный проповѣдникъ, онъ пріобрѣлъ славу еще богословскими и литературными трудами, большая часть которыхъ были напечатаны въ Петербургѣ. Изящность и чистота слога, благородство чувствъ и глубина мыслей характеризуютъ всѣ его произведенія. Особеннымъ уваженіемъ пользуются сочиненія его, составленныя для употребленія въ гимназіяхъ“ [2]).—Свѣтлый умъ и литературная образованность пріобрѣли Гавріилу глубокое уваженіе Екатерины и всего образованнаго общества, выразившееся, между прочимъ, въ посвященіи ему перевода книги Мармонтеля „Велизарій“,—произведенія, которое считалось въ свое время смѣлымъ протестомъ противъ нетерпимости и фанатизма. Однимъ изъ переводчиковъ этого произведенія была сама Екатерина. Мармонтель благодарилъ ее за посвященіе его труда одному изъ достойнѣйшихъ іерарховъ имперіи, напоминающему своимъ нравственнымъ величіемъ тѣ счастливыя времена, когда святыя вещи находились въ святыхъ рукахъ [3]).

Другою, или, вѣрнѣе, первою, знаменитостію Екатерининскаго царствованія былъ митрополитъ Московскій Платонъ. Прусскій принцъ Генрихъ называетъ его человѣкомъ „умнымъ и умѣреннымъ“ [4]). Будучи еще архимандритомъ, онъ заслужилъ уже, по словамъ Каскарта, громкую извѣст-

---

[1]) Зап. Вяже-Лебренъ. Древн. и Нов. Россія 1876 г. III, 397—8.

[2]) Biographie universelle, ancienne et moderne. Supplément. Paris 1838. t. 65. p. 5—6.

[3]) Сборн. р. ист. общ. т. 10 стр. 187—8, 268—270. Исторія россійск. академ. Сухомлинова. стр. 123—4.

[4]) Сборн. р. ист. общ. т. 9. Письма принца Генриха... стр. 19.

ность своимъ краснорѣчіемъ [1]). Слава его, какъ знаменитаго оратора и богослова, не ограничивалась предѣлами Россіи. О немъ, какъ замѣчательномъ проповѣдникѣ своего времени, упоминаетъ Вольтеръ. Такъ въ письмѣ къ Екатеринѣ онъ пишетъ: „Я получилъ отъ нея (княгини Дашковой) проповѣдь, говоренную тверскимъ архіепископомъ Платономъ надъ гробницею Петра Великаго на другой день, какъ ваше императорское величество получили извѣстіе о совершенномъ истребленіи турецкаго флота. Сія рѣчь, обращенная къ основателю Петербурга и вашихъ флотовъ, есть, по мнѣнію моему, наизнатнѣйшій въ свѣтѣ памятникъ. Я думаю, что никогда, ни одинъ ораторъ не имѣлъ столь счастливой темы для своего слова, не исключая и греческаго Платона“ [2]). Такъ отзывается о Платонѣ Вольтеръ не только въ письмахъ къ Екатеринѣ, что могло быть простою любезностію, но и въ сочиненіяхъ своихъ, предназначенныхъ для обширнаго круга читателей всей образованной Европы. По словамъ его, Россія обладаетъ въ Платонѣ такимъ проповѣдникомъ, отъ твореній котораго не отказался бы и древній Платонъ, всесвѣтная литературная знаменитость [3]). Нѣкоторыя богословскія и церковно-историческія сочиненія Платона были переведены на иностранные языки и заслужили ему лестные отзывы. Бакмейстеръ по поводу его „Православнаго ученія“ замѣтилъ, что „оно составляетъ эпоху для церковной исторіи“, а другой иностранецъ отозвался, что „эта книга содержитъ въ себѣ изящнѣйшее изложеніе богословскихъ понятій грекороссійской Церкви“ [4]). Одинъ ученый англичанинъ, помѣстивъ въ своемъ сочиненіи о Россіи сокращеніе его катехизиса, говоритъ, что „оный во многихъ мѣстахъ не только дышетъ благороднымъ и благочестивымъ духомъ, но сочи-

---

[1]) Ibid. т. 12 стр. 351.

[2]) Переписка Екатерины съ Вольтеромъ I, 218—219.

[3]) Oeuvres completes de Voltaire 1785. t. XXXIX. Dictionnaire philosophique p. 512. Истор. рос. акад. Сухомлинова стр. 399 примѣч. 138.

[4]) Жизнь Платона. Снегирева ч. II, 92.

пепь съ великою простотою языка и изложенія“ [1]). Его „Церковная исторія россійская“, переведенная на нѣмецкій языкъ, признана „весьма важною для русской церковной исторіи по ея прямымъ основаніямъ“ [2]).—Извѣстность Платона за границею была такъ велика, что докторъ Берви видѣлъ портретъ его даже въ южной Америкѣ, въ аудиторіи Лимской коллегіи іезуитовъ [3]).—Когда Екатерина спросила австрійскаго императора Іосифа II, что онъ видѣлъ достопримѣчательнаго въ Москвѣ, во время своего посѣщенія ея, онъ отвѣтилъ: „Платона“ [4]).

Популярности Платона въ высшемъ русскомъ обществѣ и между иностранцами, пріѣзжавшими въ Россію, много способствовалъ самый характеръ его, въ высшей степени симпатичный и привлекательный. Простота въ обращеніи и отсутствіе всякаго притязанія на благоговѣйное отношеніе къ своей особѣ невольно привлекали къ нему всякаго и заставляли любить его. „Если бы вы узнали здѣшняго архіепископа,—пишетъ принцъ де-Линь,—то чрезвычайно бы его полюбили, а онъ насъ. Его зовутъ Платономъ, но гораздо превосходнѣйшимъ того, котораго нѣкогда называли божественнымъ. Доказательствомъ, что онъ Платонъ земный, послужило мнѣ то, что когда онъ выходилъ изъ своего сада, а княжна Голицына подошла къ нему просить благословенія: онъ сорвалъ розу и ею благословилъ княжну“ [5]).—Въ заключеніе приведемъ еще одинъ отзывъ о Платонѣ умной и наблюдательной англичанки, миссъ Вильмотъ, видѣвшей не разъ знаменитаго московскаго владыку во время своего почти двухъ-лѣтняго пребыванія въ Россіи. „Нынѣшній архіепископъ Платонъ—пишетъ она—одинъ изъ знаменитѣйшихъ мужей въ Россіи. Въ немъ соединены всѣ свойст-

---

[1]) Ibid.
[2]) Ibid. II, 102.
[3]) Ibid. II, 106.
[4]) Ibid. I, 78.
[5]) Ibid. I, 116.

ва, наименѣе согласующіяся съ религіознымъ характеромъ и политическимъ строемъ его отчизны; но изъ уваженія къ нимъ онъ такъ строго соблюдаетъ всѣ внѣшніе обряды, что возбуждаетъ обаяніе къ себѣ со стороны народа и внушаетъ какое-то благоговѣніе къ своей особѣ. И въ этомъ отношеніи онъ пользуется такимъ значеніемъ, благодаря своему уму и вліянію, что снискалъ себѣ великое уваженіе при дворѣ и вообще почитается одною изъ главныхъ пружинъ государственнаго организма“ [1]).

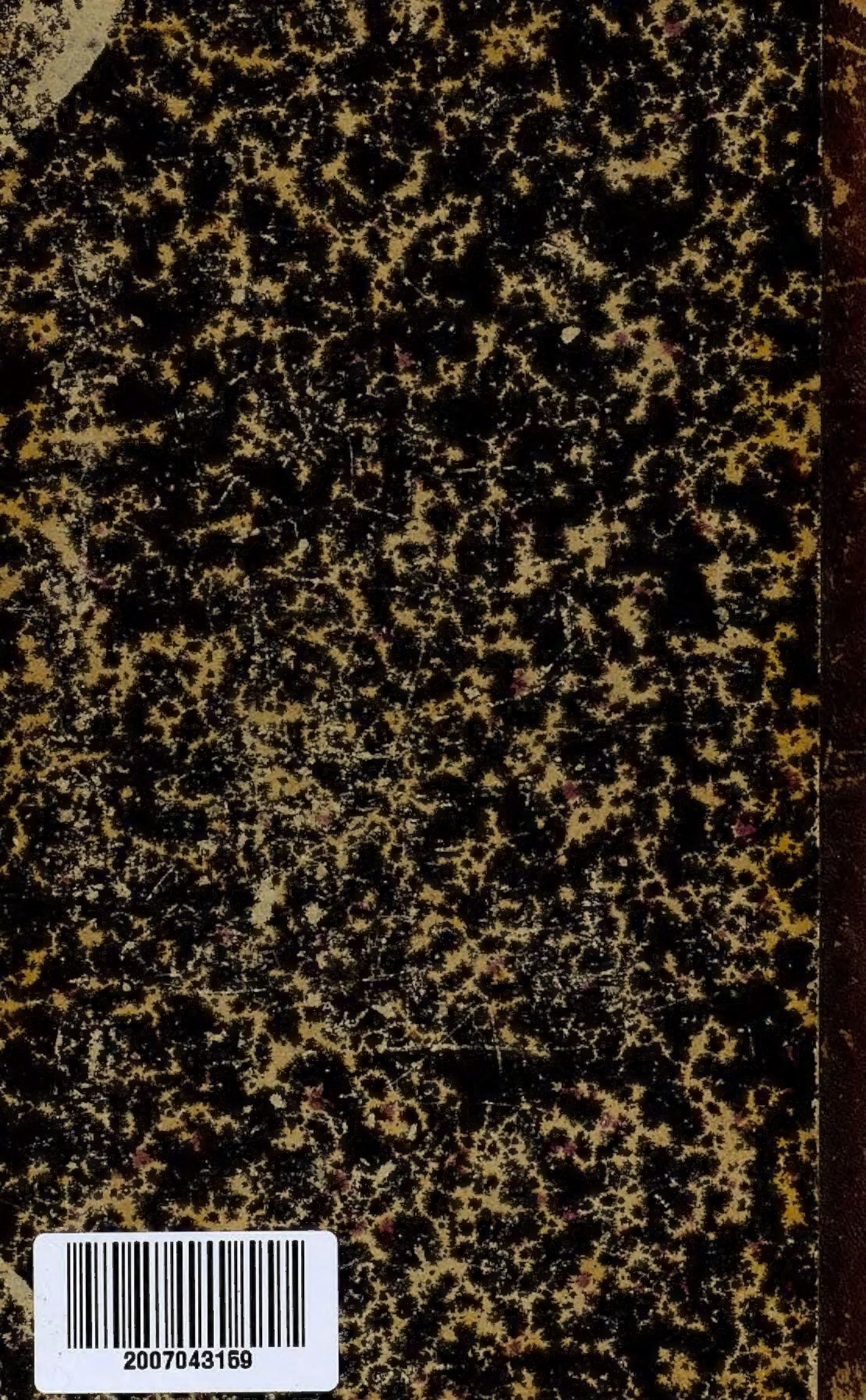
БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

---

[1]) Письма изъ Россіи въ Ирландію. Р. Архивъ 1873 г. стр. 1884.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строк.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
7	10 св.	папряженности	напряженности
8	6 сн.	в ся	вся
53	12 св.	воззрѣніѣмъ	воззрѣніямъ
56	15 св.	Божіе	Божіей
57	1 св.	изящиыхъ	изящныхъ
106	3 св.	ети	эти
154	6 сн.	послѣ слова: „неприкосновенности“ пропущено слово: „реформъ“	
169	10 сн.	Мальянъ	Маньянъ


2007043159